

ХЕТТЫ

О.Р. Гарни

Разрушители
Вавилона

загадки
древних
народов

O.R. Gurney

THE HITTITES

О.Р. Гарни

ХЕТТЫ

Разрушители Вавилона

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94.3
ББК 63.3(0)3
Г20

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Г20 **Гарни О.Р.**
Хетты. Разрушители Вавилона / Пер. с англ.
А.И. Блейз. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. —
267 с.

ISBN 978-5-9524-4489-8

В книге собран уникальный материал по истории древнего Хеттского царства, занимавшего обширную территорию Малой Азии. Данные археологических исследований знакомят с военной политикой хеттов, путем военных экспансий «сделавших моря своими границами», с культурой и религией этого загадочного народа.

**УДК 94.3
ББК 63.3(0)3**

ISBN 978-5-9524-4489-8

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2009
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2009

ХЕТТЫ

Разрушители Вавилона

*Посвящается моему дяде,
Джону Гарстангу*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В этом скромном труде, созданном по предложению профессора М.Э.Л. Мэллоуэна, дан краткий обзор доступных нам на сегодняшний день сведений об истории и цивилизации древних хеттов. Автор ни в коей мере не претендует на оригинальность. Подавляющее большинство содержащихся здесь выводов почерпнуто из немецких и французских монографий, вышедших в свет за последние 25 лет. Однако синтез этих результатов на английском языке не опубликован до сих пор, поэтому есть основания надеяться, что эта книга принесет читателю некоторую реальную пользу.

Сердечно благодарю всех, кто оказал мне помощь в работе над книгой. Фотографии для иллюстраций на вклейках выполнили д-р Г. Оттен, представитель Берлинского государственного музея, д-р Хамид З. Кошай, г-жа Нимет Езгюч, профессор Г.Т. Боссерт, профессор Дж. Гарстанг, директор Лейденского национального музея древностей, хранитель Музея Ашмола, и г-н Р.А. Кроссленд. Кроме того, профессор Гарстанг великодушно предоставил в мое распоряжение рисунки, первоначально выполненные для его книги «Хеттская империя». Особую признатель-

ность я выражаю профессору А. Гетце, позволившему мне ознакомиться с машинописным текстом его статьи о предшественниках царя Суппилулиумы, которая в то время еще только готовилась к печати. Глава «Право и социальные институты» своим появлением на свет во многом обязана советам и руководству сэра Джона Майлза. Профессор Гарстанг не только снабдил меня ценными материалами, но и оказывал мне поддержку на всех этапах работы над книгой, в особенности при чтении корректуры. И в заключение я хотел бы выразить глубокую признательность моей матери, г-же С.Дж. Гарни, всемерно помогавшей мне в работе над этой книгой.

Введение

ОТКРЫТИЕ ХЕТТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В Ветхом Завете хетты («хеттеи») упоминаются главным образом в числе нескольких народов, обитавших в Палестине к тому времени, когда сыны Израилевы возвратились в Землю обетованную из Египта. Общеизвестны перечни народов, населявших Палестину, такие, как приведенный в Быт., 15:19—21 (кенеи, кенезеи, кедмонеи, хеттеи, ферезеи, рефаимы, аморреи, хананеи, гергесеи и иевусеи) или, более краткий, в Иис. Нав., 3:10 (хананеи, хеттеи, евеи, ферезеи, гергесеи, аморреи и иевусеи). Аналогичные представления о хеттах как об одном из коренных народов Палестины отражены в эпизоде, повествующем о том, как Авраам покупал у «сынов Хетовых» пещеру Махпела близ Хеврона (Быт., 23), в упоминаниях о хеттеянках — женах Исава (Быт., 26:34 и Быт., 36:1—3) и о Хете, сыне Ханаана (Быт., 10:15), а также в образном описании Иерусалима как незаконнорожденного отпрыска аморрея и хеттеянки (Иезек., 16:3). В Числ., 13:30 указывается, в какой именно области Палестины обитали хетты: «Амалик живет на южной части земли, Хеттеи, Иевусеи и Аморреи живут на горе, Хананеи же живут при море и на берегу Иордана». А в Иис. Нав., 2—4, по-видимому, подразумевается, что хетты занимали всю территорию от Ливана до Евфрата, хотя смысл этого фрагмента не вполне ясен.

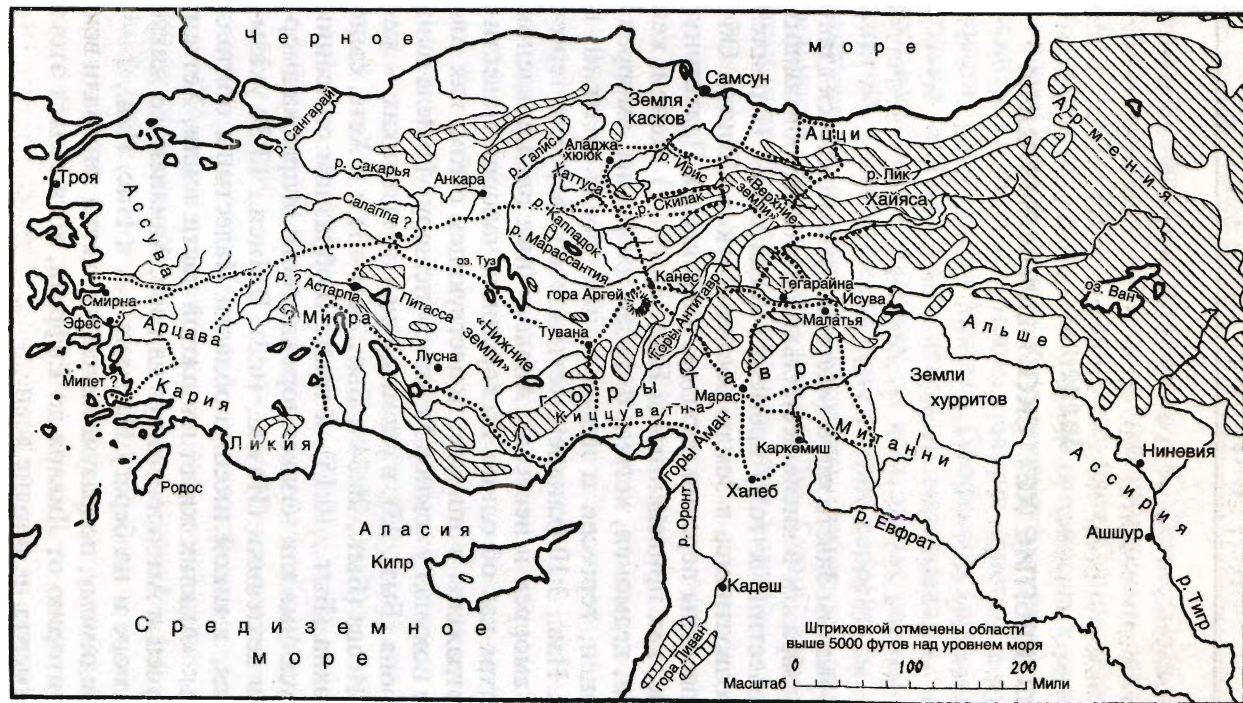

Рис. 1. Карта Малой Азии

Ни одно из этих ранних упоминаний не позволяет предположить, что хетты играли сколь-либо более важную роль, чем, к примеру, те же гергесеи или иевусеи. Однако в период монархии перед нами предстает уже совсем иная картина. Хеттеянки, которых брал в жены царь Соломон (3 Цар., 11:1), именуются «чужестранными женщинами» и стоят в одном ряду с моавитянками, аммонитянками, идумеянками и сидонянками. Более того, в двух эпизодах упоминаются «Хеттейские цари». В 2 Пар., 1:17 сообщается, что Соломон ввозил коней из Египта и продавал их «царям Хеттейским и царям Арамейским», а в 4 Цар., 7:6—7 повествуется о том, как сирийские воины, услышав ржание коней и стук колесниц, сказали друг другу: «Верно, нанял против нас царь Израильский царей Хеттейских и Египетских...» И встали, и побежали в сумерки...» Очевидно, что цари, способные внушить такой страх, имели далеко не только местное значение.

Когда были расшифрованы египетские исторические хроники, стало известно, что с того времени, как Тутмос III в XV в. до н. э. одержал ряд побед в Северной Сирии и пересек Евфрат, фараоны XVIII династии поддерживали отношения с государством, именуемым «Хета». Жители Хеты и их многочисленные союзники сражались против Рамсеса II при Кадеше на реке Оронт (ныне р. Эль-Аси), в великой битве, которую подробнейшим образом описал египетский поэт Пентавр; позднее Рамсес заключил с этим народом договор, текст которого был высечен на стене главного храма в Карнаке. Кто мог усомниться, что «жители Хеты» из египетских текстов и «хеттеи» Ветхого Завета — один и тот же народ? Казалось, в пользу этого говорят и ассирийские клинописные надписи, с началом расшифровки которых обнаружилось, что со времен Тиг-

латпаласара I (ок. 1100 года до н. э.) ассирийцы знали Сирию как «страну Хатти» со столицей в Каркемише. И никого не смущали указания на то, что хеттские поселения могли существовать в Палестине еще в период израильской оккупации или даже раньше, во времена Авраама.

Такое положение дел в хеттологии сохранялось вплоть до 1876 года, когда А.Г. Сейс в докладе, прочитанном на заседании Общества библейской археологии, предложил считать хеттскими выполненные необычной иероглификой надписи на базальтовых блоках из Хамы (на р. Оронт, древний Хамат) и Алеппо (древний Халеб). Один такой камень из Хамы описал еще в 1812 году швейцарский путешественник Буркхардт, сообщивший в своей книге «Путешествия по Сирии», что в угол одного из домов на городском базаре был встроен «камень, покрытый множеством мелких рисунков и значков, — по-видимому, какое-то иероглифическое письмо, но на египетские иероглифы не похожее». Однако это сообщение не привлекло к себе особого внимания до тех пор, пока двое американских путешественников, Джонсон и Джессуп, не обнаружили в стенах домов в Хаме еще пять таких камней. Но из-за враждебности местных жителей снять с надписей надежные копии не удалось, и в распоряжение ученых эти тексты попали только в 1872 году, когда Уильям Райт, миссионер в Дамаске, посетил Хаму в сопровождении турецкого паши — наместника Сирии. Паша распорядился извлечь все пять камней из стен домов и отослать их в музей в Константинополь, но предварительно Райт снял с них слепки, один комплект которых был отправлен в Британский музей, а другой — в Фонд исследования Палестины.

Алеппский камень, встроенный в стену мечети, стал известен западному миру в 1871 году. В Алеппо ему приписывали целебные свойства, и поколение за поколением люди, страдавшие глазными болезнями, терлись о него лицом; в результате поверхность камня отполировалась и стала гладкой. Позднее местные жители извлекли камень из стены и спрятали, но через несколько лет вернули на прежнее место.

К тому времени Э.Дж. Дэвис обнаружил на большом наскальном рельефе над рекой в горах Тавра, близ Ивриза, надпись, выполненную таким же письмом, которое Дэвис назвал «хаматским». Эта находка, сочетавшая в себе изображение и текст, позволила Сейсу включить в ту же категорию целый ряд схожих памятников, обнаруженных за много лет в различных, подчас весьма удаленных друг от друга точках Малой Азии. Главное место среди них заняли остатки построек и наскальные рельефы, найденные в окрестностях Богазкёя и в Аладжа-хююке, в излучине реки Галис (ныне р. Кызылырмак), и описанные Шарлем Тексьером в 1839 году и Уильямом Гамильтоном в 1842 году. На уступе горного склона над Богазкёем сохранились массивные стены и валы, некогда, по всей вероятности, окружавшие стратегически важный укрепленный город, а в двух милях оттуда был обнаружен выход скальных пород, известный теперь под названием «Язылыкая» («Скала изваяний»). Стены естественного углубления в горном склоне здесь украшены горельефным изображением двух процессий, встречающихся в центре дальней стены. На территории города в Богазкёе стоял сильно выветрившийся камень (Нишан-Таш) с хеттскими «иероглифами»; «иероглифические» знаки были найдены также на рельефах в Язылыкая. В Аладжа-хююке путешественники обнаружили ворота, флан-

кированные огромными сфинксами и ведущие к насыпи обломков и мусора, под которой, вне сомнения, скрывался некий древний город или большая постройка. К западу от ворот находились наскальные рельефы Гяур-Калеси («Крепости неверных»). В горах, возвышающихся над Смирной, также были высечены рельефы, известные еще со времен Геродота, который считал их изображениями нимфы Ниобы и египетского царя Сесостриса. В 1879 году Сейс лично посетил «Ниобу» и «Сесостриса», а в 1880 году выступил перед Обществом библейской археологии с еще одним докладом, в котором уверенно заявил, что и эти, и прочие анатолийские памятники скульптуры являются хеттскими и что вся горная страна, раскинувшаяся к северу от Месопотамии и целиком включающая Малую Азию, в древние времена была населена хеттскими племенами.

Благодаря этим выступлениям к проблеме хеттов пробудился большой интерес. В последующие 20 лет археологи посещали Турцию все чаще и чаще, и усилия их щедро окупались. В различных местностях, главным образом в горах Тавра и Антитавра, было обнаружено еще множество подобных образцов скульптуры. Выдающимися успехами увенчались экспедиции Гуманна и Пухштейна (1882—1883), Рамсея и Хогарта (1890), Шантра (1893), Хогарта и Хэдлема (1894), Андерсона и Кроуфута (1900). При раскопках в Каркемише, проведенных по поручению Британского музея в 1879 году, было найдено множество иероглифических надписей и других памятников. Стелу со схожими письменами нашли при раскопках в Вавилоне в 1899 году, и целый ряд памятников в том же стиле обнаружила немецкая экспедиция в ходе раскопок в Сенджерли (Северная Сирия) в 1888—1892 годах. В результате в 1900 году Л. Мессершмидт смог подготовить к пуб-

ликации обширный свод хеттских надписей, включивший тексты с 96 памятников и еще множества печатей и оттисков (рис. 15, 16).

Тем временем история хеттов во многом прояснилась благодаря архиву документов, обнаруженному в 1887 году в Эль-Амарне. Эти глиняные таблички с клинописными текстами, написанными по преимуществу на аккадском языке, представляли собой дипломатическую и административную переписку египетских фараонов Эхнатона (за последние несколько лет правления) и его отца Аменхотепа III, в общей сложности охватывающую период приблизительно с 1370-го по 1348 год до н. э. Помимо упоминаний о «царе Хатти» и передвижениях его армии, часто встречающихся в посланиях от зависимых палестинских и сирийских правителей, в архиве содержалось одно письмо от самого Суппилулиумы I, «царя Хатти», в котором тот поздравлял Эхнатона с восшествием на престол. Кроме того, обнаружили два письма на неизвестном языке, одно из которых было адресовано царю страны Арцава. Изучив эти письма в 1902 году, норвежский ученый Й.А. Кнутсон отметил явное сходство этого языка с языками индоевропейской семьи, однако в то время к его наблюдению отнеслись весьма скептически. Несколько текстовых фрагментов на том же языке нашел в 1893 году близ Богазкёя Э. Шантр.

К этому времени многие ученые поняли, что раскопки в Богазкёе, по всей вероятности, принесут богатые плоды. Концессию на исследование Богазкёя в конце концов удалось получить д-ру Хуго Винклеру, работавшему под эгидой Немецкого восточного общества, и в 1906 году он возглавил раскопки на этой территории. Результаты не только оправдали, но и далеко превзошли все ожидания. Археологи извлекли из раскопа царский архив, насчитывавший около 10 ты-

сяч клинописных табличек. Большинство документов было написано на том же языке, что и письмо царю Арцавы, и не поддавалось расшифровке, но часть табличек содержала надписи на хорошо известном к тому времени языке Вавилонии — аккадском. Уже в ходе предварительного исследования этих текстов стало очевидно, что на месте раскопок действительно располагалась некогда столица «страны Хатти». Официальным же языком этого царства, по всей очевидности, был «арцаванский»; и «хеттским» теперь стали называть не только язык иероглифических писем из Хамы, но и язык этих клинописных «арцаванских» табличек. Что касается датировки табличек, то в первый же сезон раскопок археологам посчастливилось найти документ, оказавшийся хеттской версией вышеупомянутого договора между Рамсесом II и царем Хатти, египетский текст которого был датирован двадцать первым годом правления этого фараона¹. Именно здесь, а не в Сирии находилась тогда столица «Великой Хеты», платившей дань Тутмосу III и сражавшейся, а после заключившей мир с Рамсесом II. В 1907 году Винклер опубликовал предварительный отчет о табличках из Богазкёйского архива, в котором привел список царей Хатти от Суппилулиумы I (первая половина XIV века до н. э.) до Арнуванды III (конец XIII века до н. э.), после которого записи внезапно обрывались. Предполагалось, что на протяжении этих 200 лет каппадокийское Хеттское царство доминировало над малыми государствами хеттского союза, такими, как Каркемиш, Мелид и Хамат, упоминающимися в ассирийских хро-

¹ В действительности «египетская» версия представляет собой перевод документа, составленного хеттами и отосланного в Египет, а «хеттская» версия — копию составленного египтянами документа на аккадском языке. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. автора.)

никах, а около 1200 года до н. э. его завоевали мушки (фригийцы), во власти которых эту территорию ассирийцы застали в VIII веке, после чего прочие хеттские государства вновь обрели относительную независимость в рамках гегемонии Каркемиша. Но в дальнейшем мы увидим, что все хеттские царства, за исключением Каркемиша, существовавшие на территории Сирии в I-м тысячелетии до н. э., представляли собой новые государственные образования, возникшие уже после падения каппадокийской державы; однако надписи на камне Нишан-Таш, установленном в центре богазкёйской крепости, а также иероглифические знаки с оттиска печати на одной из клинописных табличек свидетельствуют о том, что традиция иероглифической письменности не прервалась.

Ценнейший свод результатов, достигнутых в области исследования хеттов и памятников хеттской культуры, опубликовал в 1910 году Джон Гарстанг, весной 1907 года лично совершивший большое путешествие по Малой Азии и посетивший д-ра Винклера в Богазкёе. В его книге «Страна хеттов» («The Land of the Hittites») обзор хеттских памятников дополняется описаниями той прекрасной местности, где они были обнаружены, и сопровождается краткой историей хеттов, изложенной на основании отчета Винклера. На протяжении многих лет труд Гарстанга оставался в своей области образцовым. В ходе раскопок под руководством Гарстанга в Сакча-Гези (Северная Сирия) были обнаружены украшенные барельефами развалины дворца, датируемого концом неохеттского периода, однако пролить новый свет на историю хеттов эти находки не смогли, и даже древнее название этой местности до сих пор остается неизвестным.

В 1914 году, с началом Первой мировой войны, раскопки были приостановлены; кроме того, английские

ученые были вынуждены прервать отношения со своими немецкими коллегами, которые в этот период как раз исследовали огромный массив первоисточников из Богазкёйского архива. Именно в военные годы в Германии вышла в свет первая монография по грамматике «клинописного хеттского» языка и состоялась первая факсимильная публикация хеттских текстов. И к тому времени, когда контакты между английскими и немецкими специалистами возобновились, уже существовал обширный список хеттологической литературы, от работы над которым английские ученые невольно остались в стороне. Но с другой стороны, в 1911—1914 годах коллекция Британского музея пополнилась множеством образцов каменной скульптуры и иероглифической письменности, обнаруженных второй экспедицией в Каркемиш, которая проводила раскопки под руководством Д.Дж. Хогарта, К.Л. Вулли (ныне сэр Леонард Вулли) и Т.Э. Лоуренса. Иными словами, если в Германии сложилась немецкая крупная школа хеттологии, ориентированная на изучение клинописных табличек, то в Англии небольшая группа энтузиастов сосредоточила усилия на дешифровке иероглифической письменности и исследовании хеттского искусства. Со своими попытками расшифровки выступили в печати Сейс, Коули и Кэмпбелл Томпсон. Но задача была слишком сложной, и труды их по большей части оказались тщетными. Ведь на тот момент был известен лишь один сколь-либо пригодный для работы двуязычный текст — так называемая «Розетка Таркондемоса» (фото 20*b*), серебряная накладная пластина с цилиндрической печати, о которой Сейс в 1880 году написал статью. Но она содержала всего десять клинописных и шесть иероглифических знаков; и, более того, сама клинописная надпись допускала несколько вариантов прочтения. Разумней было на-

чать расшифровку с идентификации ряда топонимов и нескольких личных имен, встречающихся в современных хеттским ассирийских надписях. Этим путем пошли пятеро исследователей — немец Боссерт, швейцарец Форрер, американец Гельб, чех Грозный и итальянец Мериджи. Работая независимо друг от друга, они пришли к более или менее схожим результатам, определив фонетические соответствия иероглифов и общую структуру языка. Но понять, о чем говорится в надписях, так и не удалось: значение идеограмм не расшифровано, и словарный состав языка не восстановлен по сей день. Впрочем, двуязычная надпись из Кара-тепе (см. ниже) дает ценнейшую информацию, которая позволит сделать шаг вперед в решении этой проблемы.

В Берлине за изучение клинописных табличек из Богазкёя принялась по поручению Немецкого восточного общества группа ассириологов. Кроме того, как уже было упомянуто, началась факсимильная публикация клинописных текстов. И сенсационные лингвистические открытия не заставили себя долго ждать. В 1915 году Б. Грозный издал первый очерк грамматики хеттского языка и показал, что по структуре этот язык является индоевропейским, как и утверждал Кнудтсон еще в 1902 году. Вскоре вышел в свет более подробный и проработанный труд того же автора под заглавием «Язык хеттов» («Die Sprache der Hethiher»). К сожалению, не будучи специалистом в области индоевропейского языкознания, Грозный перенес свой исходный тезис с грамматики на словарный состав и приписал хеттским словам произвольные значения, основанные всего лишь на созвучии со словами других языков индоевропейской семьи. В результате многие филологи отвергли его подход полностью, невзирая на то что

в большинстве своих предположений Грозный был совершенно прав.

Коррективы в его работу внес в 1920 году Ф. Зоммер, выдающийся филолог, свободно читавший с листа печатные ассирийские тексты. Зоммер был убежден, что без строгой дисциплины достичь реальных успехов в расшифровке невозможно; приписывать слову какое-то определенное значение допустимо только на основе сопоставления всех известных контекстов, в которых оно встречается, решительно отвергая все соблазны ложных этимологий. Соблюсти столь жесткое требование удалось лишь благодаря тому, что хеттские тексты изобилуют так называемыми «аллографами»: широко распространенные хеттские слова писцы нередко заменяли шумерскими или вавилонскими, прибегая к особым аббревиатурам. Поскольку такие замены носили нерегулярный характер, в одном и том же тексте могли использоваться и аккадский, и шумерский эквиваленты одного и того же хеттского слова. И даже в тех случаях, когда мы не располагаем дубликатом текста с хеттскими словами на месте «аллографов», в рамках одного предложения нередко встречается так много аккадских или шумерских замен, что догадаться о значении остальных хеттских слов оказывается совсем нетрудно.

Некоторые ценные сведения удалось почерпнуть из фрагментов словарей — шумерских, аккадских и хеттских слов, выстроенных в параллельные столбцы. Но в целом эти словари принесли больше разочарования, чем пользы, так как они дошли до нас в очень плохом состоянии и содержат главным образом слова, редко встречающиеся собственно в текстах.

Установив с помощью вышеописанного метода значение некоторых общеупотребительных хеттских

слов, исследователи получили возможность работать аналогичным способом и с другими предложениями, в которых эти слова встречались уже в своем первоначальном хеттском облике. Так, последовательно продвигаясь от известного к неизвестному, Зоммер и его коллеги Й. Фридрих, Г. Эгелольф и А. Гетце постепенно вывели наши познания в хеттском языке на уровень, позволяющий почти с полной уверенностью переводить без купюр тексты исторического содержания, хотя во многих религиозных и прочих текстах все еще остаются фрагменты, не поддающиеся интерпретации. Уже к 1933 году относительно хорошо сохранившиеся исторические тексты в большинстве своем были тщательно проанализированы и переведены на немецкий.

Тем временем Э. Форрер с энтузиазмом взялся за реконструкцию хеттской истории. Независимо от Грозного он тоже составил очерк грамматики хеттского языка, но претендовать на честь первопроходца в этой области он не может. Зато ему удалось собрать и опубликовать в одном томе почти все исторические тексты, относящиеся к периоду Древнехеттского царства (см. ниже), а также восстановить полный, от начала и до конца, список царей Хатти. Эта работа в дальнейшем сыграла очень важную роль. Кроме того, широкую известность получила данная Форрером итоговая лингвистическая характеристика архива из Эль-Амарны, в текстах которого было выделено в общей сложности восемь языков. Но самой сенсационной из его работ стала опубликованная в 1924 году статья, в которой Форрер заявил, что обнаружил в хеттских памятниках ссылки на греков гомеровского периода (т. е. ахейцев) и даже упоминания таких конкретных личностей, как Андрей, Этеокл из Орхомена и Атрей из Микен. Несмотря на то что заявление это подкреплялось лишь

неопубликованными источниками, многие ученые, в том числе и Сейс, приняли его с энтузиазмом. Однако Фридрих в статье, опубликованной в 1927 году, резко раскритиковал Форрера, после чего у многих исследователей эта проблема стала вызывать крайний скептицизм (как и индоевропейская гипотеза Грозного). И в этом случае задачу научного анализа всех относящихся к теме материалов взял на себя Ф. Зоммер. Результаты его исследований были опубликованы в монументальном труде «Документы Аххиявы» («Die Ahhijava-Urkunden») в 1932 году.

Первой попыткой синтезировать все полученные из текстов сведения о жизни и культуре хеттов стала статья «Хетты», написанная Грозным в 1929 году для 14-го издания энциклопедии «Британника». Но первое полностью документированное и систематическое описание хеттской цивилизации удалось сделать только Гетце в томе «Малая Азия» (1933) из мюллеровской серии «Справочники по Древнему миру» («Handbuch der Altertumswissenschaft»). Гетце разрешил эту задачу так уверенно и точно, что воздвигнутое им здание стоит неколебимо до сих пор, несмотря на то что за истекшее время были заполнены некоторые пробелы. Поэтому труд его с неизбежностью лег в основу данной книги, как и целого ряда предшествующих хеттологических трудов.

Первым выдающимся достижением в области хеттологии за пределами Германии стал труд Л. Делапорта «Основы хеттской грамматики» («Elements de la Grammaire Hittite»), опубликованный в 1929 году во Франции. В 1930 году по инициативе Л. Делапорта, Э. Кавиньяка и А. Жюре в Париже было основано Общество хеттских и малоазийских исследований, которое издает периодическое обозрение «Revue Hittite et Asiatique», посвященное проблемам иссле-

дования хеттской и анатолийской цивилизаций. Американский ученый Э.Г. Стертевант, глава группы филологов-индоевропейцев, интересовавшихся хеттским языком с компаративистских позиций, опубликовал в 1933 году труд «Сравнительная грамматика хеттского языка» («A Comparative Grammar of the Hittite Language»). Эта работа подверглась суровой критике за скороспелые гипотезы в области сравнительной этимологии. Но в качестве описательной грамматики, подведшей итоги трудам немецких ученых, она оказалась весьма своевременной и более удачной, чем все предшествующие попытки такого рода, включая и работу Делапорта. В области лексикографии аналогичную роль сыграл небольшой «Хеттский словарь» Стертеванта (2-е изд., 1935), дополнение к которому было опубликовано в 1939 году.

«Грамматика» Стертеванта удерживала ведущие позиции на протяжении семи лет. Академическая описательная грамматика хеттского языка вышла из-под пера одного из основоположников хеттологии только в 1940 году. Это был труд Й. Фридриха «Учебник хеттского языка» («Hethitisches Elementarbuch»), который, по всей видимости, еще долгое время останется в своем роде образцовым.

Исследования на территории расселения хеттов возобновились в конце 1920-х годов, чему благоприятствовали новые условия, сложившиеся в этих землях после крушения довоенного турецкого режима. Г.Г. фон дер Остен и И.Е. Гельб от Чикагского университета совершили ряд путешествий по Малой Азии и обнаружили множество памятников. Кроме того, фон дер Остен провел раскопки хеттского поселения на месте Алишара, где было положено начало серии гончарных изделий анатолийского века бронзы. Делапорт в 1932 году начал раскопки в Ма-

латье. В самом Богазкёе раскопки возобновились в 1931 году под руководством К. Биттеля и продолжались год за годом вплоть до начала Второй мировой войны. На территории Сирии раскопки велись в Хамате (датская экспедиция под руководством Харальда Ингхольта), в Телль-Таинате (экспедиция из Чикаго) и в Телль-Атшане (под руководством Леонарда Вулли). Примечательно, что в этот период в работу во всех областях хеттологии все активнее стали включаться турецкие исследователи под руководством профессора хеттологии университета Анкары Г.Г. Гютербокка (в 1935—1948 годах)¹ и директора Отделения ближневосточных исследований Стамбульского университета Г.Т. Боссерта.

Именно профессору Боссерту и его турецким ассистентам мы обязаны открытием одного из важнейших хеттских иероглифических памятников — двуязычной надписи из Кара-тепе. На вершине этого кургана, расположенного высоко в предгорьях Тавра близ реки Джейхан (античный Пирам), сохранились руины неохеттской крепости, впервые привлечшие внимание профессора Боссерта в 1946 году. Раскопки начались осенью 1947 года. Обнаружилось, что в крепости две привратные постройки, северная и южная, и к каждой ведет коридор, фланкированный каменными плитами с надписями. У обоих коридоров надпись на левой плите сделана на древнефиникийском языке, а на правой — хеттскими иероглифами. Содержание надписей на всех плитах одинаково, то есть перед нами — две копии одного текста на финикийском и хеттском иероглифическом языках. Еще одна копия финикийского текста высечена на статуе, которая была найде-

¹ На смену профессору Гютербокку пришел турецкий хеттолог д-р Седат Альп, получивший образование в Германии.

на лежащей на поверхности. Хеттский и финикийский тексты не идентичны, но очень близки по содержанию. Таким образом, это открытие сыграло важнейшую роль в изучении хеттских иероглифических надписей, несмотря на то что многие проблемы так и не разрешились. Остается только удивляться, что столь важный памятник ускользал от внимания исследователей так долго.

В дополнение необходимо упомянуть об американской экспедиции под руководством профессора Хетти Голдман, проводившей раскопки в Тарсе (Киликия) с 1935 года, об экспедиции профессора Джона Гарстанга, в ходе которой была частично раскопана хеттская крепость и найдены некоторые еще более древние материалы в Юмюк-тепе близ Мерсина, а также о турецких раскопках в Аладжа-хююке под руководством д-ра Хамида Кошая и, впоследствии, в Кюль-тепе и Кара-хююке под руководством д-ра Тахсина Езгюча. В Тарсе и в Аладжа-хююке было обнаружено по одной хеттской табличке. Клинописные надписи на многочисленных табличках, найденных в Кюль-тепе, оставлены ассирийскими поселенцами.

Из вышесказанного явствует, что в силу ряда обстоятельств различные области хеттологии какое-то время развивались изолированно друг от друга. В результате у английской читающей публики хетты стали ассоциироваться скорее с иероглифическими надписями и каменными памятниками, чем с глиняными табличками и клинописными текстами из Богазкёя, которых в Великобританию попало не так уж много. С другой стороны, культуру, историю и язык анатолийского Хеттского царства рассматривали вне общего контекста хеттской цивилизации. Эта тенденция усугублялась тем, что эпохальный труд Гетце был посвящен исключительно Малой Азии

как таковой. Гетце занял крайнюю позицию: он утверждал, что термин «хеттское» применим только к анатолийскому царству, а так называемыми «хеттскими памятниками» в действительности представлено искусство хурритов, а не хеттов. Правда, впоследствии, после того, как утвердилось мнение, что «иероглифический хеттский» тесно связан, хоть и не идентичен, с «клинописным хеттским», возникла тенденция к синтезу, и теперь все чаще признают, что анатолийское и сирийское царства все же следует рассматривать как части единого целого. Тем не менее иероглифические надписи не расшифрованы до сих пор, а потому все наши знания о сирийских хеттах сводятся к общим представлениям об особенностях их искусства и отрывочным сведениям из истории их внешней политики. Сообщить нам нечто новое об образе жизни и образе мышления этого древнего народа в настоящее время способны только таблички из Богазкёя, и именно по этой причине анатолийскому царству мы уделяем в своей книге гораздо больше внимания, чем сирийскому. Надеемся, что достаточным оправданием этому послужит сама важность информации, содержащейся в клинописных текстах.

Глава I

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

1. ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД

Мы видели, как в поисках хеттов ученые прошли Палестину и Сирию и наконец в 1907 году открыли столицу «страны Хатти» в Богазкёе, на севере Малой Азии. Последний этап этого путешествия ознаменовался переходом от сирийских равнин к горной стране, которая и оказалась родиной хеттов. Малая Азия (Анатолия) — это возвышенное плоскогорье, которое простирается от побережья Эгейского моря на западе до гор Армении на востоке и входит в состав обширной горной системы, тянущейся далее к востоку, а затем к югу вплоть до Индии. Наблюдателю с сирийских равнин эти северные горы представляются величественной стеной; древнеримские географы называли ее Тавром и считали своего рода природной границей, разделяющей весь мир к востоку от Средиземноморья на «внутреннюю» и «внешнюю» (то есть северную и южную) части. Но на вершине Анатолийского нагорья обзор в южном направлении преграждает только западный отрог Таврского хребта. На востоке же над местностью господствуют другие горы, в первую очередь гигантский конус потухшего вулкана Эрджияс-Даг (древний Аргей), вздымающийся на высоту более 12 тысяч футов, а за ним тянется далеко на северо-во-

сток, вплоть до Армянского нагорья, гряда Антитавра. Хребет Антитавра служит водоразделом, отделяющим реки Анатолийского плато от водных артерий Месопотамии на востоке и Киликии на юге. Воды из неглубокого водоема, расположенного в центре плато, не находят выхода к морю и образуют Соленое озеро — Туз-гел (оз. Туз). К северу от него местность пересекают несколько поперечных горных хребтов, отходящих от восточного массива, и только по мере приближения к Черному морю рельеф понижается. Из-за густых лесов, покрывающих горные склоны, этот регион издавна считался труднодоступным.

Река Кызылырмак, которую античные ученые называли Галисом, а хетты, вероятно, Марассантией, берет начало в восточных горах и на довольно протяженном участке течет на юго-запад, но вблизи Соленого озера поворачивает, огибая один из поперечных хребтов. Описав таким образом большую петлю, она меняет направление течения на противоположное и, прорезав северные горы в направлении на северо-восток, впадает в Черное море. Интересующая нас территория — область расселения хеттов — занимает излучину в среднем течении Галиса и равнину к югу от озера Туз. Со всех сторон эту местность окружают горы: к востоку от нее находятся Антитавр и Армянское нагорье, к югу — Тавр, а к западу и северу — горные кряжи, не образующие цельного массива. Приморских земель на севере и юге хетты со временем лишились, а западной частью полуострова долгое время, хотя и с перерывами, владело, по всей вероятности, соперничавшее с хеттами царство Арцава.

Хаттуса, столица Хеттского царства, располагалась на северном склоне одного из поперечных горных хребтов, севернее которого уровень рельефа начинает понижаться по направлению к Черному морю. С вер-

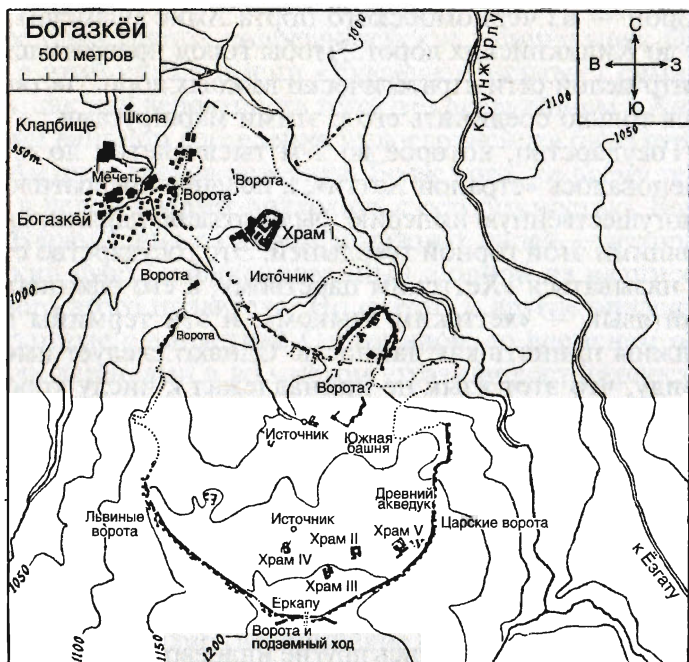

Рис. 2. План Богазкёя (Хаттусы)

шины этого хребта по обрывистым, глубоким ущельям мчатся к северу два стремительных горных потока. В предгорьях, близ современного селения Богазкёй, они сливаются, обогнув горный отрог, на котором и находились древнейшие постройки Хаттусы. Это место — настоящая природная крепость. Отсюда открывается почти беспрепятственный обзор на северную долину (единственная преграда — следующая гряда Понтийских гор, пересекающая долину приблизительно в 15 милях к северу). Кроме того, неподалеку находится точка пересечения двух древнейших торговых маршрутов. Первый вел от побережья Эгейского моря через нижнее течение Галиса к Сивашу и далее на восток,

второй — из черноморского порта Амис (Самсун) на юг до Киликийских ворот. Чтобы город превратился в центр целой сети стратегически важных дорог, оставалось только соединить его с этими маршрутами.

Государство, которое во 2-м тысячелетии до н. э. именовалось «страной Хатти», а позднее превратилось в могущественную империю, было создано царями, правившими этой горной твердыней. Это государство стало называться «Хеттским царством», а его официальный язык — «хеттским языком», и эти термины мы должны принять как данность. Однако следует иметь в виду, что этот язык не принадлежал к числу коренных наречий Малой Азии, а имя «Хатти» дал этой стране более древний местный народ, известный нам под омоничным названием «хатти». Индоевропейский хеттский язык, на котором говорили пришельцы-хетты, смешался с неиндоевропейским хаттским — языком местного населения. Предполагают, что произошло это приблизительно в то же время, когда в других областях Анатолии утвердились другие индоевропейские языки — лувийский, палайский, ликийский и «иероглифический хеттский» (см. главу VI). Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что вплоть до вторжения на «землю Хатти» ни одно из пришлых индоевропейских племен не называло себя ни «хеттами», ни каким-либо иным именем, схожим с этим по звучанию.

Согласно преданию, записанному около 1400 года до н. э., Нарам-Син, четвертый царь из аккадской династии Саргонидов (ок. 2200 года до н. э.), воевал против союза 17 царей, в числе которых был и царь Хатти по имени Памба. В ту же коалицию входил царь Амурру (страны амореев), чье имя — Хуварува — относится, по мнению некоторых исследователей, к «иероглифическому» языку. Это позволяет предположить, что к тому времени на территории расселения хатти уже

присутствовала, хотя и не господствовала, по меньшей мере одна группа индоевропейских пришельцев. Однако этимология имени «Хуварува» вызывает сомнения, так как вероятность того, что древнейшим в Анатолии районом расселения индоевропейцев была страна Амурру, весьма невелика. Более того, ко всему тексту в целом следует подходить с осторожностью. Война Нарам-Сина с союзом мятежных царей — исторический факт, зафиксированный в одной из надписей самого этого правителя. Но и этот, и другие эпизоды, связанные с династией Саргонидов, со временем обросли легендами и во многом утратили достоверность. Другой вариант того же предания содержится в вавилонской табличке, датированной около 1700 года до н. э., и имена в двух этих версиях не совпадают. Поэтому данный текст, как и другие, подобные ему, не может считаться надежным историческим документом.

Надежно документированная история Анатолии начинается около 1900 года н. э., когда в этой области впервые появились ассирийские купцы. К тому времени жители Ашшура уже были знакомы с вавилонской клинописью. В нескольких местах найдены большие архивы глиняных табличек с деловой перепиской, которую эти ассирийские купцы вели со своими столичными партнерами; больше всего таких табличек сохранилось в Кюль-тепе (древний Каниш), неподалеку от Кайсери. Некоторые из множества неассирийских имен, фигурирующих в этих документах, можно интерпретировать как хеттские. При всей своей скудости эти свидетельства позволяют довольно уверенно предполагать, что к тому периоду хетты уже обосновались в данной местности.

О коренном населении и его истории ассирийские таблички сообщают не так уж много. Но все же в них упоминаются местные правители и их дворцы. Кроме

того, из них явствует, что страна была разделена по меньшей мере на десять мелких княжеств, главным из которых первоначально был, по-видимому, город Бурушхатум (хеттское название — Бурусханда), так как его правителя, в отличие от других, именуют «великим царем». Лишь немногие из местных царей известны нам по именам. Но, к счастью, удалось восстановить три таблички, в которых упоминаются некий Питхана и его сын Анитта — исторические лица, фигурирующие также в одном весьма примечательном хеттском тексте, список которого, сохранившийся до наших дней, датируется приблизительно 1300 годом до н. э. Это тот самый Анитта, сын Питханы, царь Куссара, который якобы собственноручно записал рассказ о том, как он сам и его отец боролись за власть с другими местными городами-государствами — Несой, Цалпой, Бурусхандой, Салативарой и Хатти (Хаттуса). Города эти были покорены, а последний из них (по другим документам, широко известный как столица Хеттского царства) разрушен до основания и объявлен проклятым. Восторжествовав над соперниками, царь Анитта перенес свою резиденцию в Несу. Точное местонахождение этого и прочих перечисленных городов (за исключением Хатти) нам неизвестно, но можно с достаточной уверенностью утверждать, что к концу своего царствования Анитта правил почти всей территорией Каппадокийского плато.

Естественно было бы предположить, что надпись Анитты — всего лишь поздняя копия записи, сделанной самим царем. Но эта гипотеза ведет к серьезным затруднениям. Дело в том, что хеттская клинопись не имеет ничего общего с клинописью ассирийских купцов, из чего приходится заключить, что хетты заимствовали свою письменность из неизвестного нам источника уже после ухода ассирийцев. Следовательно,

Анитта — современник ассирийцев — едва ли мог писать на «клинописном хеттском» языке, с которым в то время хетты еще не были знакомы. В таком случае возникает вопрос: на каком же языке он писал? Столь изысканные тексты, как надпись Анитты, не возникают вне развитого литературного контекста. Но до сих пор археологам не удалось обнаружить в Анатолии ни одного образца царской надписи, относящейся к тому периоду. Выдвигалось предположение, что мы лишились литературных текстов, которые записывались на каком-то непрочном материале (к примеру, на дереве) хеттскими иероглифами. Но поскольку древнейшие из дошедших до нас иероглифических записей чрезвычайно лаконичны и сухи, существование подобной литературы в тот ранний период представляется маловероятным, несмотря даже на то, что «писцы по дереву» часто упоминаются в более поздних хеттских текстах. Возможно, в ходе дальнейших раскопок обнаружатся свидетельства в пользу гипотезы о том, что местные цари делали записи на аккадском языке, и тогда можно будет предположить, что имеющаяся в нашем распоряжении надпись Анитты — это перевод с аккадского. Но пока что более правдоподобной представляется другая версия, гласящая, что деяния Анитты вошли в легенду, которая впоследствии была записана в форме поддельной «царской надписи». Во всяком случае, утверждение о том, что Анитта получил в дань от Бурсханды такие крупные железные предметы, как скипетр и трон, выглядит явным анахронизмом.

По-видимому, именно в царствование Анитты ассирийские купцы внезапно прекратили свою торговую деятельность в Каппадокии, где до того процветали на протяжении ста с лишним лет. Явилось ли это следствием завоеваний Анитты или какого-то бедствия,

постигшего в то время город Ашшур, нам неизвестно. Предполагать, будто местные правители относились к ассирийцам недружелюбно, нет никаких оснований. Чужеземные купцы приобщали местных царьков к благам более развитой цивилизации Междуречья и почти наверняка получали радушный прием.

Какое отношение имел Анитта к царству Хатти? С одной стороны, несомненно, что его город Куссар в раннехеттские времена был если не фактической административной столицей страны, то по меньшей мере царской резиденцией, и на этом основании многие ученые высказывали гипотезу, что именно Анитта положил начало царской династии хеттов. Однако ни один из хеттских царей не объявлял Анитту своим предком; и, более того, некоторые исследователи полагают, что эпизод с разрушением Хаттусы и особая неприязнь, которую Анитта выказал к этому городу, свидетельствуют о его принадлежности к иной традиции, чуждой тем царям, которые впоследствии превратили Хаттусу в свою столицу. Рассказ же о деяниях Анитты, записанный около 1300 года до н. э., эти ученые трактуют как легенду об основателе государства, которого связывали с позднейшими хеттскими царями лишь духовные, а не кровные узы. Эта версия представляется весьма убедительной, но прямыми свидетельствами в ее пользу мы не располагаем, поэтому вопрос о характере связи между царем Аниттой и последующими хеттскими царями остается открытым.

2. ДРЕВНЕХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО

Хеттские цари более позднего времени обычно вводили свою родословную к древнему царю по имени Лабарна. Таким образом, мы вправе утверждать, что

именно с Лабарны начинается история Хеттского царства, хотя в действительности основателем династии был не он. Аутентичных надписей от времени правления этого монарха не сохранилось, но о деяниях Лабарны рассказал один из его преемников, и оснований сомневаться в подлинности этой надписи у нас нет.

«Некогда Лабарна стал царем; и его сыновья, братья и родичи по браку и по крови объединились. Земля же его была невелика; но всякий раз, когда выступал он на битву, он покорял силою земли своих врагов. Он опустошал эти земли и лишал их силы; и простер он свою власть от моря до моря. Когда же возвращался он с войны, сыновья его отправлялись во все области той земли — в Хуписну, Тувануву, Ненассу, Ланду, Цаллару, Парсуханду и Лусну, и правили той землею, и вверены им были большие города той земли».

Эта надпись была сделана с дидактической целью, а именно для указания на то, что сила государства зависит от гармонии в отношениях между членами царской семьи. Перед нами возникает образ могучего, единого клана, целеустремленно расширяющего свои владения во всех направлениях. Что касается семи упомянутых городов, то Туванува — это, несомненно, античная Тиана, а Хуписну обычно отождествляют с Кибистрой; Ланда и Лусна — это, вероятно, античные Ларанда (современный Караман) и Листра, хорошо известная нам по новозаветному преданию о миссионерской деятельности апостола Павла. Цаллару и Ненассу ни с какими известными городами уверенно отождествить не удалось. Парсуханда, по всей видимости, находилась в том же регионе, что и остальные опознанные города: в других текстах указывается, что она располагалась в области так называемых «Нижних

земель» — равнины к юго-востоку от Соленого озера, ограниченной изгибом Таврского хребта. Таким образом, все эти города образуют тесную группу, расположенную довольно далеко от Хаттусы, и в свете этого весьма правдоподобной кажется гипотеза, что столицей царства в тот период была не Хаттуса, а древний город Куссар. Местонахождение последнего не установлено, но некоторые данные позволяют предположить, что этот город стоял к югу от Галиса.

Сообщение о том, что Лабарна «сделал моря своими границами», подтверждается другим, значительно более поздним документом, согласно которому этот правитель покорил царство Арцава — страну, располагавшуюся где-то в западной части Малой Азии (точное ее местонахождение неизвестно). Таким образом, представляется, что уже при первом своем царе Хеттское царство владело территорией, простиравшейся (по крайней мере, на юг и запад) до самых дальних пределов экспансии, достигнутых впоследствии самыми могущественными монархами периода империи.

Преемника Лабарны, царя Хаттусили I, потомки вспоминали как царя Куссара. Именно в этом городе он произнес речь, которая стала для нас главным источником сведений о политической ситуации в стране в период Древнехеттского царства. Но из того же документа неоспоримо явствует, что на исходе царствования Хаттусили I административной столицей страны была Хаттуса. Кроме того, мы узнаем, что сам этот царь первоначально носил такое же имя, как и его отец, — Лабарна. Можно сделать вывод, что за время своего правления этот монарх перенес столицу из Куссара в Хаттусу и в соответствии с этим принял имя Хаттусили. Избрав своей столицей эту северную крепость, царь, по всей

видимости, руководствовался стратегическими соображениями.

При Хаттусили I и его преемнике царство хеттов начало расширяться к югу и к востоку. Это означает, что хеттское войско рискнуло выйти из-под укрытия гор и перевалить грозный Таврский хребет, через который вело лишь несколько горных троп. Очевидно, хеттов привлекли богатства южных равнин и древних цивилизаций. Прежде всего Хаттусили напал на процветающее царство Ямхад со столицей в Алеппо (хеттская Хальпа), которому в то время подчинялась Северная Сирия. Не вызывает сомнений, что в этой войне Ямхад потерпел поражение. Алеппо попал в зависимость от Хеттского царства, но через какое-то время, по-видимому, взбунтовался, так как известно, что следующий хеттский царь, Мурсили I, его разрушил. В ходе одной из этих кампаний имела место осада Уршу, литературное описание которой дошло до наших дней (см. главу VIII).

Не удовольствовавшись захватом Северной Сирии, Мурсили двинул войска вниз по течению Евфрата и завоевал великое аморейское царство Вавилонию. Это событие, приведшее к падению первой династии вавилонских царей (самым знаменитым представителем которой был Хаммурапи), отмечено в вавилонской хронике следующей записью: «Против Самсудитаны выступили воины Хатти, против земли Аккада». Это эпохальное завоевание прочно связало хеттскую хронологию с вавилонской. Но, к сожалению, и в последней остается множество спорных моментов. Самая правдоподобная версия приурочивает захват Вавилона хеттами к последнему десятилетию XVI века до н. э.; по другим теориям, событие это произошло приблизительно на 60 лет раньше или позже.

Но внутривполитическая организация Хеттского царства еще не достигла той стадии, на которой страна способна выдерживать напряжение столь масштабных военных авантюр. Первые признаки нестабильности дали о себе знать уже в царствование Хаттусили. Царевичи из царского дома во главе с сыном Хаттусили, которого тот уже провозгласил своим преемником, подняли мятеж, но царь оказался достаточно силен и подавил восстание. Наследника престола лишили имущества и изгнали из Хаттусы. Его место занял Мурсили, тогда еще ребенок. Взойдя на трон, Мурсили развернул военную кампанию и долгим отсутствием в столице спровоцировал очередной заговор. По возвращении из Вавилона он был убит неким Хантили — мужем своей сестры. Так начался период дворцовых переворотов и интриг, продлившийся несколько поколений и ввергший все царство в плачевное состояние, близкое к полной анархии.

Правление Хантили было отмечено катастрофами во внешней политике. В восточную область Хеттского царства вторглись хурриты — народ, обитавший в горах близ озера Ван. Завоеватели разрушили города Нерик и Тилиуру, находившиеся недалеко к востоку от столицы, и царь счел необходимым укрепить Хаттусу. На юге Хантили и его преемники потеряли почти все территории, завоеванные Лабарной, Хаттусили и Мурсили.

Ситуация частично улучшилась около 1525 года до н. э., когда на престол взошел узурпатор Телепин. В отличие от предшествующих царей он сумел прочно утвердиться на троне, избавившись от всех соперников. Хаос, в который страна была погружена на протяжении полувека, продемонстрировал необходимость закона о престолонаследии и прочих неотложных мер по укреплению хеттского государства изнутри. Имен-

но эту задачу и поставил перед собой Телепин. Он составил тщательно проработанный указ, включающий в себя краткий обзор хеттской истории (начало которого мы привели выше) с примерами того, как опасны раздоры и разобщенность в правящих кругах, и пунктуальную формулировку закона о престолонаследии и правил, обязательных для царей и знати. Законы, введенные Телепином, по-видимому, соблюдались вплоть до последних дней Хеттской империи.

Во внешней политике Телепин довольствовался четким установлением границ и обеспечением их обороноспособности. Варварские племена, совершавшие набеги с востока и севера, были оттеснены на безопасное расстояние, и значительную часть территорий удалось отвоевать. Но с потерей Арцавы на западе и земель на юге за Таврским хребтом, в том числе и всей территории Сирии, Телепин смирился. О характере этого царя наглядно свидетельствует тот факт, что именно он первым из хеттских правителей заключил договор с другой державой — Киццуватной (в римскую эпоху — Катаония), которая в те времена, по-видимому, занимала восточную часть Киликийской равнины и часть долины реки Пирам. Текст договора до нас не дошел, и условия его нам неизвестны. Но в свете того, что правитель Киццуватны принял титул «великого царя», а в следующем столетии Киццуватна проявила себя сильной державой, можно предположить, что Телепин признал ее на правах относительного равенства.

Царь Телепин считается последним правителем Древнехеттского царства. Историческими сведениями о второй половине срока его царствования мы не располагаем, и назвать имена его непосредственных преемников с полной уверенностью невозможно. Эти «темные времена» окончились лишь с воцарением Тудхалии II — основателя новой династии и перво-

го царя Хеттской империи. Период между смертью Телепина и восшествием на престол Тудхалии продолжился около полувека. Согласно археологическим данным, никакого сколь-либо серьезного разрыва в преемственности за это время не произошло. Кроме того, некоторые письменные свидетельства от этого периода все же сохранились. Свод законов — едва ли самый важный из текстов, обнаруженных в Богазкёе (см. главу IV), — был составлен одним из преемников Телепина, который продолжил тем самым процесс консолидации, начатый его предшественником. Признаком этой же тенденции можно считать и тот факт, что только среди документов этого периода встречается особый тип условно вручаемых грамот с оттиском царской печати.

3. ИМПЕРИЯ (НОВОХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО)

О Тудхалии II, основателе династии, впоследствии создавшей Хеттскую империю, мы достоверно знаем лишь то, что он захватил и разрушил Алеппо. Следовательно, Хеттское царство восстановило внутриполитическую стабильность и снова смогло диктовать свою волю мятежным данникам.

Точная дата и обстоятельства этого нападения на Алеппо нам неизвестны, и событие это еще только предстоит вписать в летопись сирийской истории XV века до н. э. За долгий период смуты, начавшийся с убийства Мурсили I, Северная Сирия успела отойти под власть Ханигальбата — политического союза хурритских племен, организованного около 1500 года до н. э. О бессилии царства Хатти свидетельствует тот факт, что сирийцы, сами будучи данниками хурритов, могли безнаказанно совершать набеги на хеттские зем-

ли. В 1457 году до н. э. победы Тутмоса III в восьмом военном походе положили конец владычеству хурритов, и на 30 лет Сирия попала в зависимость от египтян. Однако после смерти энергичного Тутмоса египтяне не смогли долго удерживать Северную Сирию и вскоре были вынуждены отступить перед новой хурритской державой — Митанни. При династии царей-ариев государство Митанни добилось господства над всей Западной Азией. Каковы были внутрисполитические факторы этого процесса, нам неизвестно, так как архивы царей этой династии до сих пор не найдены. Но от следующего столетия, когда могущество Митанни уже пошло на убыль, сохранилось множество памятников, из которых явствует, что хурритский язык и хурритская культура в целом успели оказать весьма заметное влияние на всех территориях от хеттской Анатолии до ханаанской Палестины.

В документе, сообщающем о походе хеттов на Алеппо, поясняется, что это была карательная кампания, предпринятая в наказание за то, что город перешел под владычество Ханигальбата. Следовательно, она состоялась не позднее 1457 года до н. э., когда Ханигальбат был разгромлен Тутмосом III. Не исключено, что хетты приурочили свой поход к кампании египтян, выступив в союзе с египетским фараоном: известно, что в тот период Тутмос принимал дары от «Великой Хеты». Такая версия позволяет объяснить, почему в отчетах о египетской кампании нет никаких упоминаний о захвате Алеппо.

Возвышение Митанни ввергло Хеттское царство в очередной кризис. Многие княжества, ранее попавшие в орбиту влияния хеттов, теперь перешли под власть хурритской державы или заявили о своей самостоятельности. При Хаттусили II и Тудхалии III царство подошло к самому краю пропасти. По-

видимому, оставленное одним из позднейших царей описание критической ситуации относится именно к этому периоду:

«В старину земли Хатти грабили из-за границ (?). Враг из Каски пришел и разграбил земли Хатти и положил своим рубежом Ненассу. Из-за Нижних земель пришел враг из Арцавы, и он также разграбил земли Хатти и положил своим рубежом Тувану и Уду.

Враг извне, из Араунны, пришел и разграбил всю землю Гассии.

И снова враг извне, из Ацци, пришел и разграбил все Верхние земли и положил своим рубежом Самуху. И враг из Исувы пришел и разграбил землю Тегарамы.

И еще пришел враг извне, из Арматаны, и он также разграбил земли Хатти и положил своим рубежом город Киццуватну. Хатгуса же была сожжена дотла и <...> но дом *хести* <...> уцелел».

Представляется совершенно невероятным, чтобы все эти нападения произошли одновременно, ибо в таком случае от всего царства остался бы только клочок бесплодной земли к югу от Галиса. Но отчасти это описание соответствует известным фактам о ситуации того времени: набеги восточных соседей Хатти могут объясняться поддержкой, которую оказывала им Митаннийская держава, а факты независимости и экспансии Арцавы подтверждаются найденными в архивах Эль-Амарны письмами от египетского фараона к царю этого государства.

Конец этому периоду ослабления и начало новой эре положило воцарение Суппилулиумы I. Он взошел на трон около 1380 года до н. э. при не вполне законных обстоятельствах, несмотря на то что был

сыном Тудхалии III и сопровождал своего отца в нескольких походах.

О борьбе за объединение и укрепление земель Хатти, которой этот царь, по всей вероятности, посвятил первые годы своего правления, нам известно не так уж много. Должно быть, именно Суппилулиума возвел массивную оборонительную стену вдоль южной границы Хаттусы и другие укрепления в столичном городе, о которых речь пойдет ниже. И только после этого он смог приступить к главной своей задаче — сведению счетов с Митанни, грозным врагом, по вине которого Хеттское царство пришло в упадок при предыдущих правителях.

Первый поход на Сирию через Таврский хребет обернулся поражением и тяжелыми потерями; часть военных трофеев, захваченных у хеттов, царь Митанни Тушратта отослал своему союзнику, царю Египта. Следующую кампанию подготовили более тщательно. По-видимому, хеттам удалось узнать, что главные средства обороны митаннийцев сосредоточены в Северной Сирии. Но так или иначе, новый план состоял в том, чтобы переправиться через Евфрат у Малатьи и атаковать само Митаннийское царство с тыла. Это был опасный маршрут, так как в северных горах обитали дикие племена, и для покорения их предварительно пришлось совершить отдельный поход. В результате с неким царством, именуемым в одних текстах Ацци, а в других — Хайяса, был заключен мирный договор, скрепленный браком между сестрой Суппилулиумы и вождем этой горной страны. Так хетты обезопасили себя с левого фланга. Переправив войско через Евфрат, Суппилулиума без труда вернул под свою власть утраченную ранее область Исуву и, внезапно обрушившись на столицу Митанни, город Вашшуканни, захватил его и разграбил. По-видимому, митаннийский

царь не смог оказать сопротивления и уклонился от битвы. После этого Суппилулиума снова пересек Евфрат и возвратился в Сирию, где местные царьки, лишившиеся поддержки Митанни, поспешили выказать ему полное повиновение. По-видимому, конфликт с Египтом в планы хеттского царя не входил, и не исключено, что он довольствовался бы установлением границы по реке Оронт. Но князь Кадеша — города, который в те времена был аванпостом египетского влияния, — сам выступил против него на битву. Против хеттских колесниц он не устоял, и в результате хеттская армия двинулась дальше на юг до самой Абины (библейская Хова, Быт., 14:15), города близ Дамаска, и Суппилулиума объявил своей границей хребет Ливана. К счастью для него, египетские цари в этот период перестали уделять внимание обороне рубежей и занялись религиозной реформой внутри страны.

В итоге этой блестящей экспедиции, проведенной около 1370 года до н. э., в состав Хеттского царства вошли Хальпа (Алеппо) и Алалах (Атшана). По-видимому, именно в то время были заключены дошедшие до нас договоры с царями Нухасси (Центральной Сирии) и Амурру, в состав которого входили территория Ливана и большая часть прибрежной полосы. Однако Каркемиш, контролировавший главную переправу через Евфрат, и область, известная хеттам под названием «Астата» и простиравшаяся вдоль Евфрата от Каркемиша к югу до устья Хабурра, не подчинились хеттам и по-прежнему могли рассчитывать на поддержку Тушратты, ценой собственной репутации сохранившего войско.

Суппилулиуму же призвали обратно в столицу неотложные дела. Задача удержания Сирии, которую царь вверил своему сыну, Телепину-«жрецу», оказалась весьма нелегкой. Сирийские княжества разделились

на две враждующие группировки: одна поддерживала хеттов, другая — митаннийцев, и обе напряженно следили за борьбой двух великих держав. Но, к счастью для хеттов, само царство Митанни погрязло в междоусобицах. Царь Тушратта и его предшественники поддерживали союзнические отношения с Египтом, и династии двух этих стран были связаны дипломатическими браками. Но в свете последних событий обнаружилось, что на Египет надежды мало, и конкурирующая ветвь митаннийской царской семьи решила захватить власть, воспользовавшись позором Тушратты. Эта группировка обратилась за помощью и поддержкой к властолюбивому ассирийскому царю Ашшурубалиту, предшественники которого платили дань царям Митанни. В итоге Тушратта был убит, а новый царь Артадама и наследовавший ему сын Шуттарна признали независимость Ассирии и вознаградили ее царя богатыми дарами.

Несмотря на все опасности, которыми было чревато для хеттов это внезапное возвышение нового, полного молодых сил государства на Тигре, после крушения Митанни завоевать Сирию уже не составляло труда. Вернувшись на сирийские земли около 1340 года до н. э., Суппилулиума захватил огромную крепость Каркемиш всего после восьми дней осады, и вся Сирия от Евфрата до моря попала в зависимость от хеттов. Телепин стал царем Алеппо, а еще один из царских сыновей, Пияссили, — царем Каркемиша. Царство Киццуватна оказалось в изоляции и было вынуждено заключить мир с хеттами, которые признали ее дружественной державой.

О том, какую широкую известность приобрел в свое время Суппилулиума, можно судить по одному происшествию, случившемуся в то время, когда хеттское войско стояло лагерем у стен Каркемиша. К Суппилу-

лиуме прибыл посланник из Египта с письмом от своей царицы, в котором говорилось: «Мой супруг скончался, а сына у меня нет, но о тебе говорят, что у тебя много сыновей. Если бы ты прислал ко мне одного из своих сыновей, он стал бы моим мужем. Я ни за что не возьму в мужья никого из своих подданных. Я очень боюсь». Суппилиума так удивился, что отправил своего посланника к египетскому двору — удостовериться, что его не обманывают. Посол возвратился со вторым письмом от царицы: «Почему ты говоришь: «Они меня обманывают»? Если бы у меня был сын, разве стала бы я писать чужеземцу, объявляя во всеуслышание о своей беде и о несчастье моей страны? Говоря так, ты меня оскорбляешь. Тот, кто был моим мужем, ныне мертв, а сына у меня нет. За своего подданного я не выйду замуж ни за что. Я не писала никому, кроме тебя. Все говорят, что у тебя много сыновей; дай же мне одного из них, чтобы он стал моим мужем». Египетская царица, писавшая эти письма, — не кто иная, как Анхесенамон, третья дочь царя-«еретика» Эхнатона, которая уже в ранней юности стала вдовой царя Тутанхамона, не дожившего и до восемнадцати лет. Оставшись бездетной, она имела право (по крайней мере, формальное) избрать второго мужа самостоятельно и тем самым решить дальнейшую судьбу египетского трона. Разумеется, Суппилиума не пожелал упустить такой невероятный шанс. Но план провалился. Хеттского царевича убили сразу по прибытии в Египет — очевидно, по поручению придворного жреца Эйе, который впоследствии и стал преемником Тутанхамона, заключив фиктивный брак с Анхесенамон и узаконив тем самым узурпацию престола. Не вызывает сомнений, что именно от этого брака Анхесенамон пыталась спастись с помощью хеттского царя.

Вскоре после этого с просьбой о помощи к Суппи-лулиуме обратился сын покойного Тушратты, сам едва избежавший гибели. Будучи тонким политиком, хеттский царь не замедлил воспользоваться этой возможностью создать буферное государство, которое защитило бы хеттов от стремительно набиравшей силу Ассирии. Он отослал юного просителя под начало Пияссили. Сообща двое царевичей переправились через Евфрат во главе большого войска и вторично захватили митаннийскую столицу Вашшуканни. В результате образовалось новое зависимое царство Митанни, которое, впрочем, оказалось слишком слабым и не смогло устоять под натиском Ашшурубаллита, вскоре после смерти Суппилулиумы присоединившего эту территорию к своим владениям. После этого только Евфрат отделял хеттские земли от ассирийских.

Но владычеству хеттов в Сирии более ничто не угрожало. Даже когда болезнь унесла в могилу царя Суппилулиума, а вскоре и его старшего сына Арнуванду II и трон перешел к неопытному младшему сыну Мурсили II, наместники Алеппо и Каркемиша сохранили ему верность. Угроза теперь исходила в основном из западных областей империи, но в этом отношении многое остается неясным, так как установить точное местоположение большинства населенных пунктов, упоминаемых в документах того периода, пока не удастся. Могущественное царство Арцава, некогда покоренное самим Лабарной, отделилось от Хеттского царства, когда то пришло в упадок, и царь Арцавы даже вел дружескую переписку с египетским царем. Суппилулиума завоевал Арцаву повторно, но в правление Мурсили II она опять взбунтовалась, и к этому восстанию присоединился ряд городов-государств: Мира, Кувалийя, Хапалла и «земля реки Сеха».

Однако Мурсили оказался истинным сыном своего отца. В итоге масштабной военной кампании, которая продлилась два года и о которой сохранился подробнейший отчет, Арцава была сокрушена, царь ее убит, а на троны нескольких мелких царств посажены хеттские наместники. По крайней мере одного из последних уже связывали с хеттским царским домом узы родства: он был женат на хеттской царевне. Такое положение дел сохранялось до смерти Мурсили, но мир на западных окраинах Хеттской империи всегда был непрочным, и каждому очередному царю приходилось подавлять очередное восстание.

Северные рубежи тоже доставляли немало хлопот, хотя и по другой причине. Здесь проблема заключалась не в соседстве с могущественным соперником, а, напротив, в том, что с севера к Хеттской империи не примыкало вообще никакого государства, с которым можно было бы заключить мирный договор. В стратегически важных пунктах стояли хеттские гарнизоны, но, судя по всему, им не хватало сил сдерживать набеги буйных варваров-касков, населявших горные долины к северу от Хатти. Полагать, что каски получали какую-то помощь от других противников Хеттского царства, у нас нет оснований; но, несмотря на это, раз в несколько лет царю приходилось вести войско в северные горы и усмирять эти буйные племена. Мурсили II провел десять таких кампаний — в 1-й, 2-й, 5-й, 6-й, 7-й, 9-й, 19-й, 24-й и 25-й годы своего правления (сохранились детальные описания этих походов). Все кампании завершались успешно, но полной победы достичь так и не удалось: как только империя начинала проявлять малейшие признаки слабости, набеги возобновлялись. Поэтому можно заподозрить, что причины этих неурядиц таились глубже, чем казалось самим хеттам.

На седьмом году правления Мурсили от Хеттской империи отделилось царство Ацци-Хайяса, и его пришлось завоевывать повторно. На первом этапе командование доверили одному из царских полководцев, так как царь в это время исполнял предписанные ему законом религиозные обязанности в городе Кумманни (античная Комана).

А тем временем взбунтовалась даже Сирия (здесь, по-видимому, не обошлось без подстрекательства со стороны Египта, где в то время власть узурпировал полководец Харемхеб). Наместник Каркемиша Шар-Кушух, брат Мурсили, успешно правивший вверенными ему землями на протяжении десяти лет, тоже отправился на праздник в Кумманни, но там заболел и умер. За время его отсутствия кто-то, по-видимому, захватил Каркемиш. Так или иначе, возникла необходимость в личном вмешательстве царя, и на девятом году своего правления Мурсили привел войско в Сирию. Чтобы усмирить сирийских царьков, хватило одного лишь появления хеттской армии. Сын Шар-Кушуха взошел на трон в Каркемише, и в том же году Мурсили смог двинуться дальше на север и возглавить боевые действия против Ацци-Хайясы.

Соотнести с известными географическими пунктами другие кампании этого царя не удастся. Как ни странно, в документах периода его правления ничего не говорится о походе на Киццуватну, хотя известно, что вскоре после восшествия Мурсили на трон эта область взбунтовалась. Так как после смерти Суппилиумы I упоминания о царях Киццуватны полностью исчезают из документов, а при Мурсили II это государство, по-видимому, полностью утратило независимость и вошло в состав Хатти, то естественно будет предположить, что Мурсили завоевал его повторно, а текст с описанием этой кампании просто утрачен.

Своему сыну и наследнику Муватали царь Мурсили II оставил сильную империю, окруженную множеством зависимых царств. При восшествии на престол Муватали не столкнулся ни с какими серьезными затруднениями. Известно лишь, что потребовалась демонстрация силы на западных рубежах, но имя неприятеля, нарушившего покой нового царя, история не сохранила. Муватали подтвердил полномочия царей Арцавы, остававшихся данниками Хатти, и заключил новый мирный договор с неким Алаксанду, царем Вилусы — страны, входившей в состав Арцавы, но неизменно хранившей верность Хатти со времен царя Лабарны. Обеспечив таким образом безопасность западных границ, Муватали смог сосредоточить внимание на новой угрозе с юга. Египетский колосс пробудился от долгого сна. Фараоны XIX династии жаждали отвоевать сирийские земли, некогда покоренные Тутмосом III, но потерянные в правление Эхнатона, уделявшего внимание только своим религиозным реформам. Около 1300 года до н. э. Сети I выступил в поход на Ханаан. Восстановив там закон и порядок, он двинулся дальше и дошел до самого Кадеша, что на Оронте. Но хетты, по-видимому, быстро дали ему отпор, и до конца правления Сети I между Египтом и хеттской державой сохранялся мир. Однако по восшествии на трон Рамсеса II в 1290 году до н. э. стало ясно, что избежать масштабного столкновения между двумя соперничающими империями более не удастся. Муватали собрал войска из всех союзных государств. Список их приводят египетские писцы (хеттские анналы времен правления Муватали не сохранились), и здесь впервые появляются упоминания о дарданах, известных нам по гомеровской «Илиаде», и о филистимлянах, а также о шерданах — народе, название которого часто встречается в египетских надписях. Но в дошед-

ших до нас хеттских документах ни один из этих народов не упоминается, и поскольку хеттскими хрониками того периода мы не располагаем, то о причинах их участия в войне на стороне хеттов остается только гадать. Армии двух империй встретились у стен Кадеша на пятом году правления Рамсеса (1286/1285 гг. до н. э.). Надписи на стенах одного из египетских храмов восхваляют фараона за доблесть, проявленную в этой кампании, однако на деле хетты удержали за собой Сирию. Муватали удалось даже расширить свои владения, завоевав Абу (Абину), область близ Дамаска. Таким образом, не приходится сомневаться, что битва за Кадеш завершилась победой хеттов. Некоторые подробности этого сражения будут изложены ниже.

В царствование Муватали северо-восточные области хеттской державы обрели статус княжества со столицей в Хакпи, где правил талантливый и честолюбивый брат царя, Хаттусили. Сам же царь перенес свою резиденцию южнее, в город Датассу, — поближе к театру военных действий в Сирии. В результате позиции Хаттусили оказались слишком сильны, и неудивительно, что Урхи-Тешуб¹, юный сын Муватали, сменивший его на троне около 1282 года до н. э., попытался отнять у своего дяди часть земель. Вероятно, он подозревал, что Хаттусили строит планы по захвату власти в стране. Но записей от краткого периода правления этого царя также не сохранилось, и сведения о нем мы можем почерпнуть лишь из тенденциозного рассказа Хаттусили. Последний утверждает, что в течение семи лет терпел от Урхи-Тешуба незаслуженные обиды, затем объявил своему племяннику войну и сверг его. Из того факта, что переворот удался без труда, можно сделать вывод,

¹ Взойдя на трон, Урхи-Тешуб принял имя Мурсили (Мурсили III).

что Урхи-Тешуб был непопулярным и недалёковидным правителем. Какое-то время дядя держал его в заточении в городе Самуха (близ Малатьи), но обращался с ним снисходительно, а впоследствии отправил в почетную ссылку в Нухасси — одну из дальних сирийских областей.

Хаттусили III взошел на трон в 1275 году до н. э., в возрасте около 50 лет, будучи уже опытным полководцем. Под его властью Хеттская империя вступила в полосу относительного мира и благополучия. Правда, поначалу возникли какие-то трения с Египтом, и касситский царь Кадашман-Тургу даже пообещал Хаттусили оказать военную помощь, если дело дойдет до конфликта. Но разногласия уладили мирным путем. Очевидно, Хатти и Египет были вынуждены сплотиться перед лицом нового грозного противника — набравшей силу Ассирии. С тех пор дружба между двумя бывшими соперниками крепла с каждым годом, и в 1269 году до н. э. был заключен знаменитый мирный договор, призванный обеспечить мир и безопасность на землях Леванта. Поздравительными посланиями по этому случаю обменялись не только цари, но и царицы двух держав; одно из этих писем сохранилось. Наконец, через 13 лет после заключения договора две империи скрепили дружбу браком: хеттская царевна стала женой Рамсеса II. Факт, что у 69-летнего Хаттусили имелась дочь брачного возраста, объясняется тем, что сам он женился на Пудухепе, дочери жреца Киццуватны, лишь двадцатью девятью годами ранее, по возвращении из похода против египтян, в котором участвовал под началом своего брата.

При Хаттусили III столицей Хеттского царства снова стала Хаттуса, за время пребывания Муватали на юге разграбленная племенами касков. Город был восстановлен; кроме того, по распоряжению царя писцы

сняли копии с архивов. Хаттусили и его супруга Пудухепа издали множество религиозных и административных указов, что на первый взгляд можно принять за свидетельство порядка и процветания в стране.

Однако единственный небольшой фрагмент, сохранившийся от анналов Хаттусили, заставляет предположить, что в западной части империи не все было так благополучно. По-видимому, возникла необходимость в военных действиях против старинного врага — Арцавы; но подробности этой кампании нам неизвестны. Отношения с Вавилонией после смерти Кадашман-Тургу в 1270 году до н. э. также ухудшились. В дошедшем до нас письме к юному Кадашман-Энлилю Хаттусили выражает недовольство тем, что этот новый царь касситов со времени своего восшествия на трон так и не направил в Хатти своего посланника. Возможно, здесь не обошлось без происков Урхи-Тешуба, так как в одном из документов Хаттусили сообщает, что царь-изгнанник был замечен в связях с вавилонянами и по этой причине сослан из Нухасси «прочь, на море». Смысл этой фразы не вполне ясен, но, возможно, имелся в виду остров Кипр. О том, что позднее Урхи-Тешуб жил на чужбине — не исключено, что именно на Кипре, — мы узнаем из другого документа. Здесь он попытался войти в доверие к царю Египта. Но если он стремился заручиться помощью фараона с тем, чтобы вернуть себе трон, то успеха явно не добился.

Царь Хаттусили — автор одного весьма примечательного документа, о котором мы подробно поговорим в главе VIII. По-видимому, он поставил перед собой задачу оправдать узурпацию трона и изгнание законного царя. Хаттусили заявляет, что поступил так лишь под давлением обстоятельств и по прямому указанию богини Иштар, покровительницы города Самуха. Полностью доверять столь тенденциозному описа-

нию событий, естественно, нельзя, но как свидетельство высокоразвитого политического сознания этот документ не имеет себе равных в Древнем мире.

Поскольку Хаттусили взойшел на престол уже в зрелом возрасте, можно предположить, что умер он вскоре после того, как дочь его вышла замуж за египетского фараона. Его сын и наследник Тудхалия IV, по-видимому, уделял особое внимание религии и провел ряд реформ, связанных с религиозными праздниками и прочими церемониями. Не исключено, что именно Тудхалия IV распорядился украсить рельефами скалу в Язылыкая, ибо на главной галерее этот царь изображен со своей «монограммой» (рис. 8, 64), а на боковой — в объятиях своего бога-покровителя (фото 15). Все это позволяет предположить, что по крайней мере в первые годы его правления в стране царили мир и благополучие. Только на западе по-прежнему было неспокойно, но в конце концов и там утвердился порядок: земли Ассувы (позднее — римская провинция Азия, название которой теперь носит весь Азиатский континент) вошли в состав Хеттской империи.

Но незадолго до конца правления Тудхалии с запада надвинулась новая угроза. Территории зависимых стран на крайнем западе Анатолии стали опустошать племена ахайваша (возможно, ахейцы) страны Аххиявы и вождь Аттариссия. Некто Маддуватта (имя которого исследователи сопоставляли с именами древних царей Лидии — Альятты и Садьятты), изгнанный из своей страны Аттариссией, предстал перед хеттским царем и получил в дар маленькое зависимое царство где-то на западе Малой Азии. Из этого можно сделать вывод, что Тудхалии все еще хватало сил отражать дальнейшие атаки.

Но могущество Хеттской империи уже было подорвано. При следующем царе, Арнуванде III, ситуация

на западе резко ухудшилась. Маддуватта перешел на сторону Аттариссии, и, хотя хеттский царь в своем пространном рескрипте называет его не иначе как вероломным слугой, нетрудно заметить, что расстановка сил в регионе существенно изменилась. В частности, сообщается, что Маддуватта «захватил всю землю Арцавы». В то же время в восточных горах, где прежде находилось царство Хайяса, объявился еще один противник — некто Митас. Тожество его имени с именем царя «страны мушков», который правил в VIII веке до н. э. и которого обычно отождествляют с фригийским Мидасом — персонажем греческих мифов, может оказаться не более чем совпадением, однако не исключено, что мушки-фригийцы уже вторглись в эту область и что имя «Митас» было династическим. Впрочем, как бы то ни было, нам достоверно известно, что на тот период пришлось великое переселение народов; и хотя в указах Арнуванды мы не находим никаких предвестий надвигающейся беды, было уже очевидно, что хрупкий союз государств, входивших в состав Хеттской империи, не устоит под натиском мигрантов. Арнуванде наследовал его брат, Суппилиума II, но правление его, по видимому, оказалось коротким, так как имя этого царя не упоминается нигде, кроме записи о том, как ему присягнули на верность несколько сановников и должностных лиц. В анналах Рамсеса III повествуется о том, как хетты и другие народы бежали в Сирию от неких завоевателей, которые с ордами так называемых «народов моря» оказались в опасной близости от границ Египта и вытеснили филистимлян на побережье Палестины (которая таким образом и получила свое современное название). Если верить гомеровскому преданию, то именно в этот период Малая Азия перешла во власть фригийцев.

4. НЕОХЕТТСКИЕ ЦАРСТВА

Итак, хетты лишились господствующего положения в Малой Азии. Но несмотря на это, в юго-восточных областях бывшей империи хеттская культура оставила о себе воспоминания по меньшей мере на пять столетий. В ассирийских хрониках Сирия и область Тавра по-прежнему именовались «страной Хатти». Там же упоминаются цари с такими именами, как Сапалульме, Муталлу, Катуцили и Лубарна (ср. Суппилиума, Муватали, Хаттусили или Кантуцили, Лабарна), а в Ветхом Завете эти сирийские государи называются «царями Хеттейскими» (4 Цар., 7:6, 2 Пар., 1:17); многие из них воздвигали каменные памятники с длинными надписями, выполненными хеттской иероглификой. Все это свидетельствует о том, что традиции хеттской культуры сохранялись на всей территории от Малатьи и до границ Палестины, пока весь этот регион не вошел в состав Ассирийской империи.

Однако по языку и религии авторы этих «неохеттских» надписей отличаются как от хеттов Хаттусы, так и от хурритов, обитавших в Сирии во времена Новохеттского царства. По всей вероятности, какой-то другой народ, прежде населявший одно из зависимых царств Хеттской империи, завоевал Сирию и перенял культуру хеттов; данная тема подробнее обсуждается в главе VI, где высказывается гипотеза, что эти завоеватели пришли из Киццуватны. Но речь идет не об организованном вторжении под началом единого вождя, а скорее о разрозненных захватах небольших территорий, так как на протяжении XII века до н. э. в Сирии возник целый ряд мелких «царств». Попытаемся изложить то немногое, что нам о них известно.

Тувана (античная Тиана), Тунна (античная Тинна), Хуписна (античная Кибистра), Шинухту и Иштунда, расположенные в горах Тавра и на южной окраине центрального плато, были не более чем городами-государствами. Где-то в том же районе, либо к северу или к востоку от него, находился союз племен под названием Табал (библейский Фувал); и не исключено, что перечисленные выше города-государства входили в его состав. К этому периоду относится первое в истории упоминание современной Малатьи (под именем Мелид) и современного Мараша (Маркази) — столиц двух государств, именовавшихся соответственно Камману и Гургум. К югу от Мелида находился Куммух (античная Коммагена), простиравшийся до Ефрата, а к югу от него располагалось еще одно, сравнительно крупное царство со столицей в Каркемише. Область между Каркемишем и Гургумом занимало царство Арпад, к западу от которого и вплоть до залива Александретты тянулась территория государства, которое позднее носило имя Самал (а в те времена, вероятно, Ядия) и столица которого, ныне хорошо известная археологам, находилась на месте современного Сенджерли. Равнина Амур в поздний период той эпохи именовалась Унки, а в начальный период — Хаттина; столицей ее был город Киналуа (библейский Халне). Вокруг Алеппо сформировалось еще одно царство, название которого, по-видимому, несколько раз менялось; страна, вероятно, называлась Лухути, а столица, первоначально размещавшаяся в Алеппо, позднее была перенесена в Хатрикку (библейский Хадрах из Зах., 9:1). Южнее всего располагалось могущественное царство Хамат и несколько зависимых от него стран у западного побережья. И наконец, к востоку от Евфрата, недалеко от Каркемиша (вниз по течению) находилось царство со столицей в Тил-Барсип (ныне Тель-Ахмар).

Этот перечень названий ясно показывает, что с падением великой державы Хатти рухнули и зависевшие от нее сирийские царства. От Хеттской империи сохранились только Каркемиш и три города — Тувана, Тунна и Хуписна. Алеппо, один из важнейших городов эпохи империи, фигурирует в документах неохеттского периода под именем Халман и заметно уступает по значению новоявленному Арпаду — ближайшему из своих северных соседей. Все прочие названия новы, и многие из этих городов, вероятно, были основаны уже после крушения Новохеттского царства.

Проследить историю этих городов и царств можно только в самых общих чертах, опираясь на хроники крупных соседних держав — Ассирии, Урарту и Израиля. В хеттских иероглифических надписях встречаются имена царей, но в большинстве своем эти надписи носят посвятельный характер и почти не содержат исторической информации.

Первым из ассирийских царей, дошедших до Евфрата после падения Хаттусы, стал Тиглатпаласар I. В 1110 году до н. э. он обнаружил царство со столицей в Мелиде, которое назвал «Великим Хатти». Это может означать, что правители окрестных городов подчинялись царю Мелида. Тиглатпаласар добрался до побережья Средиземного моря, а на обратном пути принял дань от другого царя «Великого Хатти» — вероятно, от правителя Каркемиша, так как маршрут ассирийского царя пролегал именно через этот город. Таким образом, гегемонии в Северной Сирии первыми добились эти два крупных города, расположенные у переправ через Евфрат.

Вскоре после этого ассирийская держава вступила в полосу упадка, и прежде, чем один из ее царей рискнул снова приблизиться к Евфрату, прошло еще немало времени. За этот период с востока пришли

арамейские кочевники, основавшие в Сирии ряд государств и династий. Первым и самым могущественным из этих царств стал Дамаск, расположенный южнее черты расселения хеттов. Двинувшись дальше на север, арамеи, очевидно, столкнулись с сопротивлением неохеттских городов-государств, но одержали ряд побед. Они захватили царства Тил-Барсип, Ядия и Арпад, во главе которых до тех пор стояли хеттские династии; Ядия получила новое имя — Самал (или, иначе, «Бит-Габбари» — «Дом Габбара», по имени основателя новой династии); Тил-Барсип и Арпад также стали столицами новых царств — Бит-Адини и Бит-Агуси. Арамейские цари оставляли надписи либо на литературном финикийском, либо на собственном, арамейском, языке. Остальным хеттским царям удалось удержать власть, и они по-прежнему воздвигали монументы с иероглифическими надписями.

История Киликии того периода оставалась «белым пятном» вплоть до открытия надписей в Кара-тепе, да и по сей день интерпретация этих текстов вызывает затруднения. Автор надписей, некто Аситаванда, был не царем, а данником или наместником царя Аданы. В финикийском варианте текста последний именуется не царем Аданы (как в хеттском варианте), а царем *Dnnut* — народа, название которого было переведено как «данунеи». Так как финикийский и хеттский варианты текста практически идентичны по содержанию, то следует сделать вывод, что название «данунеи» произведено от имени города Адана; но это не противоречит гипотезе о связи этого народа с «дененами», которые упоминаются в числе «народов моря» в египетских надписях XII века до н. э. и с равным успехом могли быть выходцами из того же древнего города Адана (хеттская Атания). Но версия о связи «данунеев» с го-

меровскими данайцами более проблематична. В VIII веке до н. э. (которым, по всей вероятности, следует датировать надписи из Кара-тепе) существовало царство со столицей в Адане, занимавшее большую часть Киликийской равнины. О предыстории этого царства нам ничего не известно, но, поскольку других неохеттских надписей в Киликии так и не нашли, нельзя исключать, что «данунеи» принадлежали к иной группе народов, чем их соседи. Ассирийцы знали Киликию со времен Салманасара III под именем «Куэ» или «Каве» (происхождение этого названия до сих пор неясно).

За бурным, но недолгим периодом преобразований последовал столь же краткий период мира и благоденствия: Ассирия в то время получала от неохеттских и арамейских царств богатую дань золотом и серебром. Традиции хеттской культуры распространились на юг и проникли в Палестину; в израильском войске служили хеттские наемники, такие, как Урия (2 Цар., 11:3 и далее) и Ахимелех (1 Цар., 26:6); в числе жен царя Соломона были хеттеянки.

Вновь набирать силу Ассирия начала при царе Адад-нерари II (912—891 гг. до н. э.) и его преемнике Тукульти-Нинурте II (891—884 гг. до н. э.), но сирийские царства не заметили надвигающейся опасности. Ашшурнацирдал (884—859 гг. до н. э.) быстро укрепил военные достижения своих предшественников и в первые семь лет правления восстановил контроль над большей частью земель к востоку от Евфрата. Когда в 876 году до н. э. он подступил к Каркемишу, царь этого города не посмел оказать сопротивление и выплатил ассирийцам огромную дань, в том числе 20 талантов (около 450 кг) серебра. Ассирийское войско переправилось через Евфрат и прошло через всю Сирию до самого побережья. Другие хеттские княжества, встретившиеся ему на пути, последовали примеру Кар-

кемиша. Неспособность объединиться перед лицом врага, вероятно, объясняется тем, что неохеттские государства враждовали между собой, хотя прямыми указаниями на это мы не располагаем. Только 18 лет спустя четыре государства — Каркемиш, Хаттина, Бит-Адини и Самал — попытались совместными усилиями остановить наступление Салманасара III, когда тот форсировал Евфрат и двинул войска дальше на север. Однако сопротивление было подавлено, и ассирийцы покорили Северную Сирию, а на следующий год осадили и захватили Каркемиш. Успешно отразить натиск ассирийской армии удалось только царям Хамата и Дамаска, которые призвали на помощь войска из двенадцати зависимых стран (главным образом из приморских земель Финикии) и в 863 году до н. э. в битве у Каркара смогли противопоставить Салманасару армию, насчитывавшую 63 тысячи пехотинцев, 2 тысячи всадников легкой кавалерии, 4 тысячи колесниц и тысячу верблюдов. В этом сражении войско государств-союзников понесло тяжелые потери, однако ассирийцам пришлось отступить. Таким образом, очевидно, что совместными усилиями сирийские царства могли бы сдержать наступление Ассирии. Но уже в следующем году Салманасар снова атаковал Дамаск и так ослабил это государство, что около 804 года до н. э. Адад-нерари III привел его к полному повиновению (с помощью арамеянина Закира, который несколькими годами ранее покорил хеттский город Хамат) и провозгласил себя владыкой всех земель «Хатти, Амурру и Палашту».

Однако спустя около полувека Ассирия вновь утратила господство над этим регионом, так как в северных горах у нее появился новый соперник — царство Урарту. На борьбу с ним ассирийские цари бросили главные силы своей империи. В Южной Сирии к этому времени безраздельно господствовали арамеи, но

хеттские государства Северной Сирии, вероятно, чувствовали некое этническое или культурное родство с Урарту. Сначала Мелид, а затем Гургум, Самал, Унки (Хаттина), Арпад, Куммух и Куэ вступили в союз с урартскими царями Аргишти I и Сардури II. Таким образом, Сирия раскололась на две части, и внутренние торговые маршруты, прежде достигавшие южных финикийских портов Тира, Сидона и Библа, теперь изменили направление, и целью их стало устье Оронта, где возникла греческая колония — город Посейдейон, который сэр Леонард Вулли отождествил с древним поселением Ал-Мина.

Но такое положение дел сохранялось сравнительно недолго, и с восшествием на трон ассирийского царя Тиглатпаласара III (745—727 гг. до н. э.) ситуация резко изменилась. Уже на третьем году своего правления, в 742 году до н. э., этот царь повел войско на запад, чтобы раз и навсегда навести порядок в Сирии. Сардури выступил на помощь своим сирийским союзникам, но потерпел полное поражение и позорно бежал с поля битвы. Чтобы принудить к повиновению Арпад, потребовалось еще три года, но уже к 740 году до н. э. все сирийские государства вновь склонились перед Ассирией. И все же по прошествии еще двух лет Тиглатпаласару пришлось снова выступить в Сирию для подавления очередного восстания и распространить на этот беспокойный регион уже испытанную политику аннексий. Первым из хеттских царств в ассирийскую провинцию превратился город Унки, а вскоре та же судьба постигла и большинство его соседей. Политику Тиглатпаласара с еще большей беспощадностью продолжили его преемники Салманасар V и Саргон II. Самал и Куэ были присоединены к Ассирии около 724 года до н. э., Хамат — в 720 году до н. э., Каркемиш — в

717-м, Табал — в 713-м, а Куммух (объединившийся к тому времени с Мелидом) — в 709 году до н. э.

Так завершилась история хеттских городов-государств, возникших в Северной Сирии после распада империи Хатти. Когда этих земель достигли греческие путешественники, они обнаружили здесь только ассирийские провинции. И само имя Хатти к тому времени было прочно забыто.

5. АХЕЙЦЫ И ТРОЯНЦЫ В ХЕТТСКИХ ТЕКСТАХ

Во введении мы кратко упомянули о сенсационном сообщении Э. Форрера и о том, как отреагировало на него ученое сообщество. Форрер заявил, что в хеттских текстах ему удалось обнаружить ссылки на гомеровских ахейцев и даже имена конкретных личностей — Атрея, Этеокла и Андрея. Теперь можно рассмотреть подробнее некоторые факты, имеющие отношение к данной теме, и привести аргументы за и против форреровской версии.

Полемика развернулась вокруг страны, которая в хеттских текстах именуется «Аххиява» или, изредка, «Аххия». В первый раз она упоминается в документе времен Суппилулиумы I, который сослал в эту страну кого-то из своих подданных — по одной из возможных интерпретаций, свою супругу. Из этого Форрер сделал вывод, что Суппилулиума был женат на ахейской царевне. Помимо гипотезы о тождестве Аххиявы со страной ахейцев, то есть микенской Грецией (к этой проблеме мы еще вернемся), Форрер опирался на довольно спорную трактовку принятой у хеттов процедуры изгнания — на допущение о том, что ссылать человека, а в особенности царицу, в чужую страну дозволялось лишь при ус-

ловии, что ссыльный был уроженцем этой страны. Можно было бы согласиться, что применительно к царице такой аргумент выглядит резонным; однако если мы вспомним, что царя Урхи-Тешуба сослали в чужую страну, предположительно на Кипр, то версией о том, что изгнанию могли подвергаться только уроженцы иных земель, не выдержит критики. С уверенностью утверждать можно только следующее: страна, которую избирали местом ссылки, должна была находиться в дружественных отношениях с царством Хатти, ибо в противном случае нельзя было рассчитывать на то, что власти этой страны обеспечат подобающий надзор за изгнанником. Таким образом, напрашивается вывод, что в период правления Суппилулиумы I между Хатти и Аххиявой поддерживались дружественные отношения.

В «Анналах Мурсили II» (3-й год) появляется первое упоминание о связи между Аххиявой и городом (здесь — «страной») Миллаванда; но текст сильно испорчен и с равной вероятностью может быть истолкован несколькими способами. То же относится и к другому фрагменту (4-й год), и это особенно досадно, так как здесь упоминается корабль, а следовательно, данный фрагмент мог бы разрешить вопрос о том, действительно ли Аххиява находилась «за морями».

Однажды царь Мурсили заболел, и жрецы-гадали провели «расследование», чтобы выяснить причины обрушившегося на страну божественного гнева (см. ниже). Сохранилась большая табличка с вопросами жрецов и ответами оракула. Из этого текста выясняется, что жрецы рассчитывали на помощь бога Аххиявы и бога Лацпы, а само «расследование» должно было прояснить подробности подобающего ритуала для воззвания к этим божествам. Это опять-таки свидетельствует о дружбе между Хатти и Аххи-

явой; что касается Лацпы, то некоторые исследователи отождествляют ее с островом Лесбос.

Но самым важным из документов, относящихся к данной проблеме, является так называемое «Письмо Тавагалавы» — послание к царю Аххиявы от хеттского царя, имя которого не сохранилось и о котором известно лишь то, что в момент написания этого текста он был уже в преклонном возрасте. Письмо занимает по меньшей мере три таблички, из которых мы располагаем только третьей и, быть может, фрагментом первой или второй. Текст сильно пострадал, к тому же изобилует трудными для понимания аллюзиями, но тем не менее представляет для нас огромный интерес. Из него явствует, что некто Пияма-раду, в прошлом высокопоставленный подданный хеттского царя, подался в разбойники и принялся грабить и разорять «земли Лукки» (предположительно Ликийи), часть которых входила в состав Хеттской империи. Набеги он совершал из соседнего города Миллаванды (в других текстах — Милавата), хеттам не принадлежавшего, но находившегося под косвенным контролем царя Аххиявы. В «Письме Тавагалавы» хеттский царь просит царя Аххиявы, чтобы тот добился высылки Пияма-раду и тем самым положил конец набегам на «земли Лукки». Но интерпретация этого письма осложняется тем, что в нем упоминается инцидент с неким Тавагалавой (или Тавакалавой), который, по-видимому, был родственником (но не братом, как утверждали некоторые исследователи) царя Аххиявы и жил в той же Миллаванде или где-то неподалеку. Жители Лукки сперва обратились за помощью к этому Тавагалаве — вероятно, именно потому, что он жил поблизости; но позже, когда кто-то напал на город Аттаримма (кто именно, неясно; имя в тексте испорчено, но можно с уверенностью утверждать, что это был не Пияма-раду), они

обратили свои мольбы к хеттскому царю. На основании этого можно предположить, что Лукка представляла собой полосу «ничейной земли» между двумя державами — Аххиявой и Хатти и что границы ее не были строго определены.

Тавагалава, обосновавшийся в пределах Лукки, направил хеттскому царю послание с просьбой признать его данником. Хеттский царь, по-видимому, не имел ничего против и послал своего сына, высокопоставленного военачальника, принять присягу у Тавагалавы. Но Тавагалава отказался встретиться с посланником, сочтя оскорбительным то, что царь хеттов не направил к нему самого главнокомандующего. Вероятно, в «Письме Тавагалавы» хеттский царь счел нужным упомянуть этот эпизод для того, чтобы Тавагалава и его союзники не истолковали его намерения превратно и чтобы подчеркнуть, что сам он в данном случае действует совершенно корректно. После того как мятеж в «землях Лукки» был подавлен, царь Аххиявы отправил хеттскому царю письмо, в котором сообщал, что послал в Миллаванду своего представителя, уполномоченного передать Пияма-раду в руки хеттов. Получив это письмо, хеттский царь лично направился в Миллаванду, но его ждало разочарование: посланец Аххиявы позволил Пияма-раду сесть на корабль и скрыться, что и стало основанием для претензий в адрес аххиявского царя.

Здесь нам следует обратить внимание на то, что Миллаванда в данном тексте фигурирует как приморский город. Остаток письма посвящен разнообразным аргументам и предложениям, призванным убедить царя Аххиявы выдать Пияма-раду. Среди прочих гарантий безопасности Пияма-раду хеттский царь предлагает царю Аххиявы оставить у себя в заложниках гонца, привезшего это послание, добав-

ляя, что «этот гонец — человек важный: он возникший мой, возивший меня на колеснице с самой юности, и не только меня, но также и брата твоего, и Тавагалаву». Эти слова свидетельствуют о том, что некогда Хатти и Аххиява — или по меньшей мере царские дома двух этих государств — поддерживали между собой чрезвычайно тесные отношения. Да и все письмо выдержано в весьма дружелюбном и почтительном тоне. Подразумевается, что царь Аххиявы не вполне осведомлен о происходящем и с удовольствием исполнит просьбу хеттского царя, как только суть дела будет изложена ему во всех подробностях. Но в то же время из текста явствует, что представители Аххиявы в Миллаванде располагали значительной свободой действий, и создается впечатление, что полностью контролировать события в Миллаванде царь Аххиявы не мог.

Называя Тавагалаву «эолийским царем», Форрер исходит из ошибочной интерпретации текста. Для отождествления Тавагалавы с Этеоклом, сыном Андрея, царя Орхомена, нет никаких иных причин, кроме весьма отдаленного сходства имен. Столь же слабо обосновано и заявление Форрера о том, что в вышеописанном гадательном тексте якобы упоминается сам Андрей.

Проблема авторства «Письма Тавагалавы» связана с другим документом, в котором упоминаются имена Пияма-раду и Атпы и который, следовательно, можно датировать приблизительно тем же периодом. Это письмо некоему хеттскому царю от Манапа-Датты, который правил «землей реки Сеха» от 4-го года царствования Мурсили II и еще какое-то время после воцарения Муватали. Таким образом, автором «Письма Тавагалавы», очевидно, был либо Мурсили, либо Муватали. Известно, что имя Пияма-раду встречается

также во фрагменте, относящемся ко времени правления Хаттусили. Но фрагмент этот слишком краток, и остается неясным, говорится ли здесь о Пияма-раду как о современнике или же история с ним упоминается как некий прецедент.

Несколько позднее (когда именно, неизвестно) правитель Миллаванды стал данником хеттского царя. Различные аспекты взаимоотношений между империей и этим зависимым городом рассматриваются в так называемом «Милаватском письме», текст которого сильно пострадал. Здесь автор ссылается на эпизод с Пияма-раду именно как на прецедент и далее, по-видимому, подразумевает, что царь Аххиявы удовлетворил просьбу хеттского царя и выдал разбойника.

Кроме того, мы располагаем письмом, написанным, вероятно, во времена Хаттусили и содержащим просьбу принять участие в доставке неких даров от царя Аххиявы к царю Хатти. В другом фрагменте, где речь идет о событиях, относящихся к перевороту Хаттусили, топоним Аххиява связывается с именем Урхи-Тешуба, но контекст этого упоминания невосстановим.

Важную информацию о том, какое положение занимала Аххиява среди ближневосточных держав той эпохи, дает следующий отрывок из договора между Тудхалией IV и царем Амурру: «...цари, равные мне в достоинстве: царь Египта, царь Вавилона, царь Ассирии и царь Аххиявы»; правда, слова «и царь Аххиявы» были стерты, но прочесть их все же удалось. Едва ли писцу пришло бы в голову вставить в этот перечень царя Аххиявы, если бы в то время эта страна действительно не входила в число великих держав, а то, что слова эти впоследствии были вымараны, свидетельствует лишь о том, что канцелярия Хеттской империи не желала признавать этот

факт официально. Далее в договоре перечисляются нормы, которые Амурру предписано соблюдать при ведении дел с этими государствами. К сожалению, фрагмент, в котором говорится об Аххияве, сильно испорчен, как и многие другие подобные тексты, но из него, по крайней мере, можно сделать вывод, что дипломатические отношения между Амурру и Аххиявой поддерживались при посредстве аххиявского корабля, стоявшего на рейде у побережья Сирии.

В другом фрагментарном тексте, относящемся, вероятно, ко времени Тудхалии IV, сообщается о царе Аххиявы в связи с «землей реки Сеха» и утверждается, что царь этот «удалился». Очевидно, что для того, чтобы «удалиться», царь Аххиявы должен был лично присутствовать в Малой Азии. «Земля реки Сеха» зависела от Хеттской империи, но находилась за ее пределами; по-видимому, в данном тексте описывается ситуация, напоминающая ту, о которой идет речь в «Письме Тавагалавы». В том случае аххиявские подданные, обосновавшиеся близ границ Хеттской империи (на «землях Лукки»), также «удалились» по требованию хеттского царя. Впрочем, от таблички периода Тудхалии сохранился такой маленький фрагмент, что не исключены и другие интерпретации.

В правление того же Тудхалии IV действовал Аттариссия (в некоторых текстах — Аттарсия). Его описывают как «человека из Аххии», и Форрер предположил, что его можно отождествить с Атреем; однако нигде не сказано, что он был «царем» Аххии, да и фонетическое сходство между двумя этими именами не настолько тесное. Аттариссия упоминается в одном из самых поздних по времени написания хеттских документов — в обвинительном письме царя Арнуванды III, адресованном мятежному даннику Маддуватте. Сначала Аттариссия изгнал Маддуватту из его страны (местопо-

ложение которой неизвестно), и тот предстал перед хеттским царем как беженец. Тудхалия IV милостиво выделил ему в управление территорию в «горной земле Циппаслы», «поблизости от земли Хатти». Предполагать, что это маленькое царство находилось на побережье, у нас нет оснований. Здесь Аттариссия напал на Маддуватту снова. Хеттский царь направил на помощь даннику отряд во главе с одним из своих военачальников. Разыгралась битва, на которую Аттариссия вывел 100 колесниц и неизвестное количество пеших воинов. Проиграв сражение, он отступил, а Маддуватта продолжал править своим уделом. Но спустя какое-то время Маддуватта, очевидно, переметнулся на сторону Аттариссии, и сообща они атаковали Аласию, которую царь Арнуванда причислял к зависимым от Хеттской империи государствам. Аласию обычно отождествляли с Кипром, но трудно представить себе, каким образом отрезанные от моря хетты могли притязать на господство над этим островом. Гораздо более убедительной представляется версия, помещающая Аласию на побережье Северной Сирии, хотя данных в поддержку этой гипотезы у нас недостаточно. Но в любом случае создается впечатление, что набег на Аласию был совершен с моря.

Такова, в общих чертах, история отношений между Хатти и Аххиявой. Поначалу эти страны поддерживали между собой столь тесную дружбу, что родственники царя Аххиявы приезжали в Хатти обучаться колесничной езде, а хеттские жрецы зывали к богам Аххиявы о помощи в исцелении своего царя. Но затем представители Аххиявы стали творить все более дерзкие бесчинства на границах Хатти, и в конце концов, уже в правление Тудхалии IV и Арнуванды III, «человек из Аххии» по имени Аттариссия совершил ряд нападений на земли, подвластные Хеттской империи.

Но, несмотря на то что первые осложнения такого рода возникли еще при царе Мурсили, официальные отношения с царем Аххиявы оставались дружественными (по крайней мере, формально) вплоть до конца правления Хаттусили. После этого царь Аххиявы упоминается лишь в одном документе, из которого следует, что он появился собственной персоной и, не исключено, с враждебными намерениями на территории одного из подчиненных хеттам государств. Никаких указаний на дружбу между Аххиявой и Хатти в этом тексте мы не находим.

Не вызывает сомнений, что Аххиява была могущественной морской державой, корабли которой добирались по меньшей мере до побережья Сирии (Амурру). О силе этого государства свидетельствует и то, что даже вождь-одиночка Аттариссия смог привести из Аххиявы в глубь Малой Азии довольно большое войско. Воины из Аххиявы по меньшей мере четырежды посягали на территории, граничащие с Хеттской империей: на «земли Лукки», «землю реки Сеха», «землю Циппаслы» и Аласию. Но этих фактов недостаточно для того, чтобы определить местонахождение самой Аххиявы, так как нападение на Аласию было совершено с моря, а местоположение остальных царств из этого перечня нам также неизвестно. Вызывает сомнения даже отождествление Лукки с Ликией позднейших времен. В хеттских документах упоминается лишь один-единственный город, в определенной степени подвластный царю Аххиявы, — Миллаванда. Однако Миллаванда не входила в состав Аххиявы. Это была отдельная «земля», и, несмотря на то что правитель ее, как явствует из «Письма Тавагалавы», подчинялся приказам царя Аххиявы, в более позднем «Милаватском письме» он уже предстает данником хеттского царя. Соотнеся между собой все эти свидетельства,

можно сделать вывод, что царь Аххиявы был плохо осведомлен о положении дел в Милавате и получал от своих подчиненных искаженные отчеты.

С другой стороны, нам известно, что со времен падения Кносса (около 1400 г. до н. э.) и вплоть до вторжения дорийцев (XII в. до н. э.) на море безраздельно господствовали микенские греки, то есть гомеровские ахейцы-*Achaioi* (первоначально — *Achaiwoi*). Характерные изделия, вышедшие из их мастерских, в изобилии встречаются на островах, в особенности на Кипре, Крите и Родосе, где наверняка должны были находиться ахейские колонии. Множество таких изделий обнаружено и в некоторых районах Сирии и Киликии, а время от времени они попадают и на местах поселений, располагавшихся вдоль южного и западного побережий Малой Азии (в первую очередь в Милете). Архаический диалект, на котором позднее говорили жители Памфилии, побудил некоторых исследователей предположить, что и здесь находилось ахейское поселение, хотя археологических данных в поддержку этой версии не обнаружено. Исходя из всего этого, Форрер без колебаний отождествил Аххияву с гипотетической Ахайей (*Achaiwa*), а Миллаванду — с памфилийской Милией. Однако в своей первоначальной форме классический греческий топоним *Achaiā* (в ионическом диалекте — *Achaiiē*) выглядел, по-видимому, не как *Achaiwa*, а как *Achaiwia*. Ф. Зоммер заявлял, что мы не имеем права допускать существование формы *Achaiia* ранее VII века до н. э., поскольку Гомер, наш древнейший авторитетный источник, использует форму *Achaiis*, а не *Achaiia*. Но этот аргумент несостоятелен, так как совершенно очевидно, что в выборе словоформ Гомер подчинялся требованиям поэтического размера. Таким образом, можно смело утверждать, что на языке микенских греков словом *Achaiwia* обознача-

лась «земля ахейцев», тем более что после дешифровки микенской письменности выяснилось, что их язык представлял собой раннюю форму греческого. Названия *Achaiwia* и *Ahhiyawa* (Аххиява) действительно схожи друг с другом, но не тождественны. Хетты поддерживали связи с Аххиявой на протяжении около двух столетий, и едва ли у них нашлась бы причина заменить в названии этой страны *ch* (звук, произносящийся не как шотландский или немецкий «*ch*», а как твердый «*k*» с придыханием) на *hh*, *ai* (хорошо знакомый хеттам дифтонг) — на *iya* и, наконец, *ia* на *a*. И еще труднее было бы объяснить возникновение усеченной формы *Ahhiyā* (Аххия).

Поэтому Зоммер и другие ученые пришли к выводу, что сходство названий здесь является простым совпадением и что все известные нам факты нетрудно объяснить, исходя из гипотезы, что Аххиява располагалась на побережье Малой Азии. Версию Форрера объявили предвзятой, так как он сам открыто заявил о своем желании отыскать в хеттских текстах упоминания о троянцах и греках. И все же основания для подобной «предвзятости» у него имелись: ведь, по крайней мере, в Киликии, а возможно, и на побережье Эгейского моря микенцы так или иначе должны были контактировать с хеттами, и те скудные сведения о народе Аххиявы, которые нам удастся извлечь из хеттских текстов, отлично согласуются с тем, что нам известно о микенцах.

Многое здесь упирается в общую проблему политической географии хеттов — проблему, еще очень далекую от окончательного разрешения. Но трудно не согласиться с тем, что и «земли Лукки», и «земля реки Сеха», и «земля Циппаслы», и Миллаванда, каково бы ни было их точное местоположение, примыкали к самым дальним западным рубежам Хеттской империи. В

таком случае, если Аххиява действительно находилась в Малой Азии, то она должна была располагаться где-то на западной оконечности полуострова, и тогда морские контакты Аххиявы с Амурру и Аласией никак не могли оказаться случайными, единичными эпизодами. Жители Аххиявы, как и микенцы, должны были господствовать над морями, однако эта версия противоречит греческому преданию о последовательной смене «талассократий», согласно которому в один и тот же период времени в Восточном Средиземноморье не могло существовать более одной державы, господствующей на морях. Можно лишь надеяться, что в вопросе о границах Хеттской империи исследователи рано или поздно придут к согласию, и тогда мы получим и ответ на вопрос, оставалось ли в те времена на территории Малоазиатского полуострова место для столь значительного государства, как Аххиява. Если ответ окажется отрицательным, то исторические основания для отождествления жителей Аххиявы с ахейцами станут настолько вескими, что соображениями лингвистического толка можно будет пренебречь. Более того, многие филологи уже предчувствуют такой поворот событий и пытаются так или иначе объяснить расхождение между хеттской и греческой формами названия этой страны.

Если принять тождество народа Аххиявы с ахейцами хотя бы как рабочую гипотезу, то перед нами открывается возможность для построения новых предположений. Хеттам Аххиява была известна как единое царство. Судя по данным археологии, в XIV — начале XIII века до н. э. материковая Греция была объединена под властью микенских царей. Обозначалось ли именем «Аххиява» само это Микенское царство? Или же то было одно из островных царств (например, Крит, Родос или Кипр), сохранявших в тот период относи-

тельную независимость от Микен? И в том и в другом случае Аххиява должна была располагать флотом; однако предводителем похода в глубь Малой Азии или участником политических интриг на рубежах Хеттской империи легче представить правителя островного государства, чем царя одного из материковых греческих городов. Самым правдоподобным претендентом на эту роль выглядит младший из известных нам критских «Минов» (ибо из гомеровских поэм явствует, что Минос, сын Зевса, был ахейцем, предком героя Идоменея, а не правителем более древнего «минойского» царства со столицей в Кноссе). Согласно преданию, у Миноса был сильный флот, с помощью которого он истребил карийских пиратов, промышлявших у островов Эгейского моря (сравните историю Пияма-раду), а братья Миноса, Сарпедон и Радамант, колонизировали прибрежные районы Кари и Ликии. Кроме того, у Миноса был сын Девкалион, и, хотя предание не связывает этого критского царевича с Малой Азией, в имени его обнаруживается удивительное сходство с именем Тавагалавы. Что же касается Миллаванды, то рассказ о посещении ее хеттским царем позволяет отождествить этот город скорее с Милетом, где в те времена несомненно находилась ахейская колония, чем с Милией, добраться до которой с Анатолийского плато было нелегко. Впрочем, подробное рассмотрение всех этих версий выходит за рамки нашей книги.

Здесь же необходимо добавить несколько замечаний по поводу гипотезы о том, что в хеттских текстах упоминаются город Троя и троянский царевич Александр-Парис. Хеттский топоним *Ta-ru-(u-)i-ša*, отождествляемый некоторыми исследователями с Троей (греч. *Τροία*), имеет несколько вариантов произношения: *Tarūwisa*, *Tarōwisa*, *Tarwisa*, *Trūisa* или *Trōisa*. Он встречается только однажды — в перечне городов и

областей «земли Ассува», которая, в свою очередь, нигде более не упоминается. Но некоторые из городов и областей, входящих в этот список, известны также по другим текстам, и в целом ученые сходятся во мнении, что очерченная в данном перечне территория простирается от «земель Лукки» в направлении, противоположном тому, в котором располагаются страны и города, знакомые нам по прбчим хеттским документам. Коротко говоря, это означает, что Ассува, по всей вероятности, находилась на западном побережье Малой Азии, и выдвигалась гипотеза, что ее название есть не что иное, как первоначальная форма слова «Азия», ибо римская провинция Азия располагалась именно в этом регионе. Текст, о котором идет речь, входит в состав сильно пострадавших от времени анналов Тудхалии IV, который, по-видимому, первым из хеттских царей посетил эту область. Название *Ta-ru-(u-)i-ša* стоит в списке последним, а это должно означать, что данный город отстоял дальше всего к северу от границ Хеттской империи; таким образом, весьма вероятно, что он действительно находился где-то в окрестностях Трояды. Но никакими иными сведениями в поддержку тождества двух этих топонимов мы не располагаем. Правила греческой фонологии не предусматривают развития *Troisa > Troia*, и полагать, что в данном частном случае имеет место исключение из правил, у нас нет никаких оснований. Единственный возможный выход из ситуации — предположить, что *Ta-ru-(u-)i-ša* представляет собой дериват первоначальной формы *Ta-ru-i-ya* (ср. *Karkisa* и *Karkiya*), хотя в известных текстах последняя не обнаружена.

Непосредственно перед топонимом *Ta-ru-(u-)i-ša* в перечне городов стоит название *U-i-lu-ši-ia*, по своему звучанию — *Wilusiya* (Вилусия) — напоминающее гомеровский *Ilios* (Илион). Сразу же напрашивается со-

поставление с названием зависимого государства *U-i-lu-ša*, то есть *Wilusa* (Вилуса), царем которого в период правления Муватали (около 1300 года до н. э.) был Алаксанду. Читатель, безусловно, подметит разительное сходство с именем троянского (илионского) царевича Александра (*Alexandros*), более известного как Парис. И наконец, Стефан Византийский передает легенду о том, что город Самилия в Карии был основан неким Мотилом (*Motylos*), который «принимал [у себя в гостях] Елену и Париса» (по-видимому, во время их путешествия из Спарты в Трою); представляется, что перед нами — реминисценция исторического договора между Муватали и Алаксанду.

Ни одно из этих отождествлений не придет в противоречие с фонетическими законами при условии, что мы примем гипотезу о существовании формы *Ta-ru-i-ya* и будем считать имя «Александр» грецизированной формой анатолийского «Алаксанду», а не исконно греческим именем. Если бы у нас имелись основания утверждать или, по крайней мере, предполагать с известной долей уверенности, что хетты никогда не проникали на запад до Троады, то всю эту систему гипотез следовало бы отвергнуть без малейших колебаний. Однако мы располагаем совершенно иными данными: по свидетельству одного египетского текста, *Drdny* (очевидно, дарданы — единственный из известных нам этнонимов, близких по звучанию) сражались на стороне хеттов в битве при Кадеше. Можно было бы возразить, что большинство ученых отличают Вилусу от Вилусии, локализуя первую на южном побережье Малой Азии, так как Вилуса входила в союз земель Арцавы и географически должна быть тесно связана со всем арцавским комплексом. Но до тех пор, пока не дан определенный и точный ответ на вопрос о том, где проходили границы Хеттской импе-

рии, дискуссию о местоположении Вилусы нельзя считать закрытой.

Более серьезный аргумент против отождествления Алаксанду с Александром-Парисом относится к области хронологических несоответствий. Согласно традиционной хронологии, базирующейся главным образом на генеалогиях, Троянская война имела место около 1190 года до н. э. По археологическим данным, эта дата соответствует гибели Трои VIIa, уничтоженной пожаром. В таком случае Алаксанду от Александра отделяет целое столетие. Однако, с другой стороны, Алаксанду — современник падения великого города Троя VI, облик которой ближе всего соответствует гомеровскому описанию, но которая, как полагают, погибла при землетрясении. Если пренебречь генеалогиями и приурочить Троянскую войну приблизительно к 1300-му, а не к 1190 году до н. э., то Алаксанду действительно может оказаться самым Парисом; можно будет предположить, что после отплытия греков он унаследовал значительно ослабленное и уменьшившееся в размерах царство, после чего заключил договор с хеттским царем. Нельзя сбрасывать со счетов возможность того, что именно землетрясение дало грекам шанс на захват осажденного города, и в этом случае «деревянный конь» мог представлять собой благодарственную жертву Посейдону *ennosigaios*¹. Такая реконструкция позволяет соединить все неясные и разрозненные указания в единую картину. Но при этом следует еще раз подчеркнуть, что речь идет не о документированной истории, а лишь о гипотезах².

¹ *Ennosigaios* (Энносигей, *греч.* «колебатель земли») — титул греческого бога морей Посейдона как владыки землетрясений. (Примеч. перев.)

² Этими гипотезами я обязан преподобному У.Дж. Фитиану Адамсу.

6. ХЕТТЫ В ПАЛЕСТИНЕ

Теперь пора обратить внимание на тот парадоксальный факт, что, вопреки встречающимся в Ветхом Завете упоминаниям о хеттах как об одном из народов Палестины, в ходе изучения истории древнего народа Хатти мы отступали от палестинских земель все дальше и дальше, пока наконец не обнаружили страну хеттов в центральной части Анатолийского плато. Более того, мы выяснили, что вплоть до царствования Суппилиуму I ни одного хеттского государства к югу от Тавра не существовало, что сирийские царства, правители которых подчинялись царю Хеттской империи, были сосредоточены на территории к северу от Кадеша, города на Оронте, и, наконец, что хеттские войска доходили до Дамаска, но никогда не вступали на территорию самой Палестины. Все неохеттские царства располагались севернее Хамата, а последний был отделен от Палестины арамейским царством со столицей в Дамаске.

Таким образом, указания на то, что хетты жили в Палестине до вторжения израильтян, порождают интересную проблему. И все накопленные к настоящему времени сведения о народе Хатти не только не помогают разрешить эту проблему, но и отдаляют нас от ее разгадки. С одной стороны, эпизод с покупкой Махпелы (Быт., 23) и упоминания о хеттеянках — женах Исава (Быт., 26:34 и Быт., 36:1—3) относятся к «Жреческому кодексу», составленному уже после Вавилонского пленения, и, следовательно, ценность их как исторических свидетельств невелика; не намного раньше были составлены и различные перечни ханаанских народов. Но указание из Числ., 13:30 объяснить таким образом не удастся. Здесь с полной определенностью утверждается, что хетты обитали в горах Палестины,

хананеи — на прибрежной равнине и в долине Иордана, а амаликитяне — в южной части страны. Этот фрагмент относится к более древнему пласту библейского текста — Элохисту, и поскольку приведенные в нем сведения о месте обитания хеттов согласуются с рассказом о том, как Авраам купил у хетта пещеру Махпела, расположенную близ Хеврона, то можно сделать вывод, что этот рассказ основан на более ранних источниках.

Следует также принять во внимание фрагмент из Иис. Нав., 1:2—4, где Яхве говорит Иисусу Навину: «...встань, перейди через Иордан сей, ты и весь народ сей, в землю, которую Я даю им, сынам Израилевым. <...> от пустыни и Ливана сего до реки великой, реки Евфрата, всю землю хеттеев; и до великого моря к западу солнца будут пределы ваши». Это повеление кажется бессмысленным: ведь шатры сынов Израилевых в то время стояли на Моавитских равнинах, следовательно, по ту же сторону от Иордана, что и территория между Ливаном и Евфратом, которую, кстати сказать, израильтяне так и не заняли. В действительности они переправились через Иордан и обосновались в горах Иудеи — в той самой местности, которая в Числ., 13:30 названа областью расселения хеттов. Но если мы опустим слова «...от пустыни и Ливана сего до реки великой, реки Евфрата», то весь фрагмент сразу же прояснится. Слова эти, по всей вероятности, были вставлены позднейшим переписчиком, для которого этноним «хеттеи» ассоциировался только с неохеттскими царствами Сирии и во времена которого в горах Иудеи никаких хеттов уже не было.

Но кто же такие «хеттеи», обитавшие некогда в палестинских горах? Весьма оригинальный ответ на этот вопрос предложил в свое время Э. Форрер. Когда в «стране Хатти» в первые годы правления

Мурсили II (ок. 1330 г. до н. э.) началась эпидемия¹, царь велел пересмотреть архивы в поисках причины божественного гнева, и обнаружилось две таблички, подсказавшие жрецам ответ. Из первой таблички явствовало лишь то, что в свое время жрецы пренебрегли неким религиозным праздником, и к нашей проблеме она отношения не имеет. Но во второй табличке, где, среди прочего, упоминается город Курустамма, утверждалось следующее:

«Когда хаттийский бог грозы привел людей Курустаммы в землю египетскую, и когда хаттийский бог грозы связал их² договором с народом Хатти, и они поклялись именем хаттийского бога грозы, то народ Хатти *отступился* (?) от присяги, связавшей его [таким образом] во имя хаттийского бога грозы с народом египетским, и тотчас же поправил клятву именем бога, и отец мой послал пеших воинов и воинов на боевых колесницах, и они вторглись в землю у границ Египта, в землю Амка³, и снова послал он их, и снова они вторглись...»

Вторжение было успешным, и хетты захватили множество пленных, но именно среди этих пленников и началась эпидемия, распространившаяся затем по всей стране Хатти. С точки зрения Мурсили, бог грозы таким образом отомстил хеттам за нарушение клятвы.

Город Курустамма находился в северной или северо-восточной части Хеттского царства, на границе территории, которую Муватали выделил своему брату Хаттусили (см. выше). Как ни удивительно, из приве-

¹ Эпидемия началась еще в конце правления Суппилулиумы, и к тому моменту, когда была записана приведенная здесь молитва, продолжалась уже 20 лет.

² «Их» — вероятно, имеются в виду египтяне.

³ Долина Бика между Ливаном и Антиливаном.

денного выше текста с очевидностью явствует, что в правление Суппилулиумы некоторые люди из этого малоизвестного северного города пришли в «землю египетскую» (каковым термином, по-видимому, обозначалась вся подвластная египтянам территория). При каких обстоятельствах это произошло, остается неясным, но упоминание в данном контексте хаттийского бога грозы свидетельствует в пользу версии о том, что это было спланированное переселение, а не бегство мирных жителей от хеттского войска, как предполагал Форрер. Но в любом случае можно с уверенностью утверждать, что некая группа хеттов (т. е. подданных царя Хатти) переселилась на территорию, подвластную египтянам, и не исключено, что они обосновались именно в горах Палестины, где плотность населения в то время была невелика. Разумеется, это лишь умозрительное предположение. Но в палестинских горах могли жить и другие переселенцы из подвластных хеттам земель, хотя людей, пришедших из ближайших к Палестине «хеттских» территорий, в Сирии, скорее всего, не называли бы хеттами, так как сирийские земли покорились Суппилулиуме лишь незадолго до того времени. И едва ли случаи эмиграции анатолийских хеттов в Палестину были часты.

Существует и еще одно возможное решение этой загадки. Древнейших обитателей Анатолии мы называем хаттами, так как они говорили на языке, обозначавшемся в хеттских текстах как *hattili* (хаттили). Памятников письменности в этом регионе древнее 2000 года до н. э. не сохранилось, и о том, насколько широко был распространен этот язык в 3-м тысячелетии до н. э., мы судить не можем. Мы даже не знаем, каково было самоназвание говорившего на нем народа. Языковые группы обычно не имеют обобщающих самоназваний, и не исключено, что слово *hattili* было об-

разовано пришлыми индоевропейцами-«хеттами» от древнего названия страны — Хатти и ее столицы Хаттусы. Но в заключение мы не можем не привести еще одну сугубо умозрительную гипотезу, а именно: на «хаттском» языке некогда могли говорить обитатели огромной территории, включавшей в себя и Палестину, и ветхозаветные «хеттеи» могли представлять собой остаток этого великого народа, сохранившийся в изоляции в горах Иудеи после того, как Северную Палестину и Сирию в конце 3-го тысячелетия до н. э. заселили семитские и хурритские племена. В таком случае трудно рассчитывать на то, что мы когда-либо получим о библейских «хеттеях» дополнительные сведения. Но если ветхозаветные «сыны Хетовы» все же были переселенцами из Хеттской империи, с которыми хеттский царь заключил договор, то остается надежда, что дальнейшее изучение богазкёйского архива прольет новый свет на эту тайну.

Глава II

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО ХЕТТОВ

1. ЦАРЬ

На древнейшем этапе развития хеттского государства положение царя, по-видимому, было довольно шатким. Одним из первых документированных событий в истории Хаттусы стала попытка переворота, когда вместо Лабарны I, которому предстояло унаследовать трон после отца, хеттские вельможи провозгласили царя по своему выбору; и вся последующая история царства буквально пестрит мятежами и заговорами в среде царских родичей и сообщениями о том, как цари всеми силами старались удержать политическое равновесие в стране. Смерть царя, как правило, влекла за собой кризис власти, и мудрые монархи пытались предотвращать его еще при жизни, публично провозглашая имя своего будущего преемника. Все эти факты были истолкованы как свидетельство того, что первоначально хеттские цари не наследовали престол, а избирались. По мнению исследователей, процедура объявления наследника перед собранием знати включала формальную просьбу об одобрении заявленной кандидатуры, и без этого одобрения преемник не мог быть признан законным царем. В свете того, что выборные монархии существовали также у англосаксов и других германских

народов, эта теория представляет большой интерес. И все же традицию провозглашения наследника можно интерпретировать и как свидетельство того, что конфликт интересов между знатными особами, имевшими известные права на власть, и царем, стремившимся утвердить принцип наследственной передачи трона, делал положение царя ненадежным. Такая трактовка позволяет объяснить, почему в речах царей мы не встречаем ссылок на традиционные права знати.

В конце концов царь Телепин ввел закон о престолонаследии, сформулированный следующим образом:

«Да станет царем царевич, сын жены первого ранга. Если нет царевича первого ранга, да станет царем сын второго ранга. Если же нет царевича, да возьмут мужа для дочери первого ранга, и да станет он царем».

Этот законодательный акт стал поворотной точкой в истории хеттского государства. Если прежде страну то и дело сотрясали внутривластные конфликты, то с принятием закона о престолонаследии утвердилось стабильное положение, и властолюбивые вельможи более ни разу не пытались оспорить авторитет царя. Закон этот действовал так эффективно, что даже около двухсот лет спустя, когда царь Муватали умер, не оставив законного наследника, трон беспрепятственно занял Урхи-Тешуб — сын наложницы, и только через семь лет своей некомпетентностью и пренебрежением к государственным обязанностям этот юноша вынудил своего могущественного дядю Хаттусили совершить переворот.

Властители Древнехеттского царства именовали себя «великими царями» — *табарна*. Титул «великий

царь» принадлежал к слою дипломатической лексики и означал, что хеттский царь притязает на роль правителя одной из величайших держав своего времени, властвующего над царьками не столь значительных государств. «Табарна» — это, по всей вероятности, не что иное, как слегка видоизмененное имя древнего царя Лабарны, к которому хеттские цари возводили свою династию. Титул этот носил только живой монарх, и выдвигалась гипотеза, что каждого очередного царя хетты считали инкарнацией основателя царского рода. Изменение начальной буквы ($l > t$) может свидетельствовать о том, что первоначальная (хаттская?) форма имени содержала непривычный согласный, труднопроизносимый для индоевропейцев-хеттов.

В более поздние времена, в период империи, вместо «табарна» чаще всего использовался другой титул со значением «мое солнце». Очевидно, такова была официальная форма обращения подданного к царю, наверняка заимствованная из практики, принятой в Митанни и Египте, вместе с символом царского достоинства — крылатым солнцем. В эпоху империи впервые появляется и восточное представление о том, что царь наделен сверхчеловеческими способностями. Оно отразилось и в устойчивом обороте «...герой, возлюбленный бога (или богини)...», которым сопровождается имя каждого из царей этого периода, и в таких текстах, как следующий фрагмент из автобиографии Хаттусили III: «Богиня, госпожа моя, всегда держала меня за руку; и так как был я оделен благоволением богов и ходил у богов в милости, то никогда не совершал я злодеяний среди людей». К тому же периоду относятся многочисленные описания сложных ритуалов, соблюдавшихся при дворе и призванных защитить царя от малейшей скверны.

При жизни хеттских царей не обожествляли. Но существовал официально признанный культ духов покойных царей, поэтому смерть царя обычно обозначалась эвфемистическим оборотом «он стал богом».

Царь был верховным главнокомандующим, верховным судьей и верховным жрецом в одном лице; кроме того, будучи главой государства, он нес ответственность за все дипломатические связи с другими государствами. По-видимому, только обязанности судьи могли перепоручаться подданным. Военные и религиозные обязанности царь должен был исполнять лично; если же последними приходилось пренебречь в связи с дальним военным походом, это считалось грехом, грозящим навлечь божественный гнев на весь народ. Иногда царю даже приходилось вверять командование своим военачальникам и спешно возвращаться в столицу для участия в религиозном празднестве. Но, как правило, летние месяцы монарх посвящал военным кампаниям, а зимние — проведению праздников и отправлению прочих жреческих обязанностей, которые требовали от него личного посещения всех главных культовых центров страны. Сохранились тексты с описаниями подобных поездок, в которых царя обычно сопровождали царица и наследный царевич. Эти тексты — важный источник сведений о местонахождении ряда городов, так как в них указывается точное время, требовавшееся для переезда из одного центра в другой.

Именно в своей функции жреца хеттский царь чаще всего изображается на памятниках. На рельефах из Аладжа-хююка (фото 16) он изображен перед быком (символом бога грозы) с приветственно поднятыми руками, а на рельефах из Малатьи — совершающим возлияния перед самим богом грозы — великим покровителем Хатти. На этих и многих других изображе-

ниях царь облачен в длинную ризу, достигающую до лодыжек и искусно задрапированную покрывалом; покрывало наброшено на одну руку и пропущено под другой; конец его свободно свисает вдоль тела спереди; на голове царя — плотная шапочка, в руке — длинный посох, напоминающий *lituus* римских авгуров (фото 15 и 16, а также рис. 8, 64, и рис. 17). Это — ритуальное облачение солнечного бога (рис. 8, 34).

2. ЦАРИЦА

Еще одной специфической чертой хеттской монархии было весьма независимое положение царицы. Свой титул «таваннанна», произведенный от имени супруги царя Лабарны, царица получала лишь после смерти своей предшественницы. До тех пор пока оставалась в живых царица-мать, супругу здравствующего монарха именовали только «женой царя».

Характерная особенность большинства хеттских цариц — сильная, но не всегда привлекательная личность. Так, вдова царя Суппилулиумы причиняла своему сыну Мурсили II столько беспокойства, что он вынужден был изгнать ее из дворца, что и стало причиной ее смерти. Это происшествие еще долго продолжало тяготить совесть царей, о чем свидетельствует Хаттусили III, взойшедший на трон около полувека спустя. Супруга последнего, Пудухепа, играла важную роль в государственных делах. Имя ее постоянно фигурирует в официальных документах наряду с именем самого Хаттусили. Более того, Пудухепа было дозволено вести независимую переписку с египетской царицей. На одном из сохранившихся изображений она приносит жертвы великой богине хеттов в Ферахеттине (Фрактине), а из тек-

ста мирного договора между Хеттским царством и Египтом явствует, что она владела собственной государственной печатью, на которой была изображена в объятиях той же богини.

3. ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ

Властители Древнехеттского царства по меньшей мере дважды созывали собрание граждан для важного публичного заявления: по случаю провозглашения Мурсили I наследником трона и по случаю издания царем Телепином указа, включавшего в себя закон о престолонаследии и реформу судебной системы. Тексты двух этих царских речей служат нам бесценным источником сведений о структуре хеттского общества в древние времена.

Из них мы узнаем, что родственники царя, именовавшиеся в совокупности «великим семейством», пользовались особыми привилегиями, которыми постоянно злоупотребляли. За ними были зарезервированы высшие государственные посты. Весьма красноречивы титулы этих сановников: начальник телохранителей, главный придворный, главный виночерпий, главный казначей, главный скипетроносец, начальник «надсмотрщиков над тысячей», «отец дома». Подобные звания свидетельствуют о том, что носившие их должностные лица были в первую очередь придворными, а тот факт, что они зачастую занимали также высокие посты в армии, позволяет сделать вывод, что история военной экспансии хеттов была относительно недолгой в сравнении с традициями организованной придворной жизни. Более того, нам известно, что цари и дворцы существовали во многих анатолийских городах уже в период ас-

сирийских торговых колоний и придворная жизнь в них, скорее всего, строилась по той же модели, что и в древнейшем царстве со столицей в Хаттусе.

Очевидно, что в каждом из придворных ведомств, во главе которых стояли эти сановники, были свои работники, хотя соотнести ту или иную известную из текстов группу подчиненных с возглавлявшим их должностным лицом удастся не всегда. Перечисляя эти классы следующим списком: «Придворные, телохранители, оруженосцы золотого копья, чашники, стольники, повара, скипетроносцы, надсмотрщики над тысячей и казначеи», царь Телепин в своем обращении к ним в совокупности употребляет слово «*панкус*», которое в данном контексте означает, по всей видимости, «собрание». Таким образом, когда собрание, созванное Хаттусили, описывается как «воины из рядов *панкуса* и сановники», а позднее — как «воины, слуги и вельможи», становится ясно, что в обоих случаях речь идет об одних и тех же классах и что в своей совокупности эти классы составляли все общество, принимавшее участие в государственных делах.

Однако из речи Хаттусили также явствует, что большинство населения страны к этому избранному обществу не принадлежало. Обращаясь к сыну, царь замечает: «Старейшины Хатти не будут говорить пред тобой; не будут говорить пред тобой ни человек из <...>, ни человек из Хеммувы, ни человек из Тамалкии, ни человек из <...>; никто из людей этой страны не будет говорить пред тобой». Таким образом, никто из упомянутых лиц на собрании не присутствовал. Поразительно то, что в этот перечень включены «старейшины», так как из старейшин состоял орган городского управления, своего рода городской совет, с которым наместники областей обязаны были сотрудничать в решении судебных и административных дел. Вывод на-

прашивается сам собой: первоначально страна состояла из независимых, самоуправляемых городов, во главе которых стояли советы старейшин, а централизованное хеттское государство было создано позднее, и организовала его привилегированная каста, захватившая власть над коренным населением. Этот вывод согласуется с лингвистическими свидетельствами, согласно которым группа пришельцев индоевропейского происхождения покорила местный народ «хатти».

По-видимому, на первом этапе развития хеттской государственности собрание-*панкус* выполняло судебные функции, так как Телепин ссылается на один случай, когда он приказал отсрочить казнь трех младших чиновников, обвиненных в убийстве двух предшествующих царей и осужденных на смерть. По-видимому, эти чиновники действовали по приказу неких более важных особ, и Телепин, стремившийся обуздать властолюбивую знать, распорядился, чтобы впредь *панкус* заботился о наказании не только исполнителей, но и зачинщиков преступлений, будь то даже высокопоставленные сановники или сам царь. Однако не вполне ясно, руководствовался ли Телепин желанием расширить полномочия *панкуса* или просто напоминал собранию об обязанностях, которые оно должно было исполнять, но не исполняло из страха перед вельможами.

После царя Телепина упоминания об этом собрании исчезают из текстов. Правда, текстов от периода, непосредственно следовавшего за его правлением, до нас вообще не дошло, однако тот факт, что за два последних столетия империи, от которых сохранилась обильная документация, *панкус* не упоминается ни разу, невозможно счесть чистой случайностью. Быть может, в ходе стабилизации внутривластного положения и по мере превращения города-государства в

империю сфера деятельности *панкуса* постепенно сузилась и в конце концов народное собрание полностью утратило свою былую роль. С исчезновением этого специфически хеттского института поздняя империя приобрела более тесные черты сходства с абсолютными монархиями Востока, где государством управляли чиновники, назначаемые царем. Не исключено и то, что класс, из которого набирались должностные лица, со временем утратил кастовую замкнутость. Однако высшая знать до последних дней империи оставалась закрытым сообществом. Многим вельможам царь жаловал во владение большие уделы. Воины-колесничие, на которых зиждилась мощь хеттской армии, также были выходцами из рядов знати, ибо приобрести столь дорогое снаряжение мог только богатый человек.

О простонародье мы знаем сравнительно немного. Большинство населения страны, очевидно, составляли крестьяне-земледельцы, но существовал также и четко очерченный класс ремесленников, живших в основном в городах и обозначавшихся термином «люди орудия». Строители, ткачи, кожевники, горшечники и кузнецы упоминаются особо. В нескольких реестрах имущества, сохранившихся от крупных поместий, земледельцы и ремесленники представлены как крепостные, привязанные к земле; но такое положение дел, по-видимому, было исключением. Обычные граждане были свободными людьми, хотя в любой момент их могли призвать для исполнения государственной трудовой повинности (хеттск. *луцци*), а ремесленники, как правило, владели землей и другим имуществом.

Статус слуг в хозяйствах более зажиточных граждан не вполне ясен. В античных государствах и в Вавилонии раб считался имуществом, собственностью хозя-

ина и мог быть куплен или продан, как и любой другой товар. Положение хеттского слуги достаточно полно описано в следующих двух фрагментах, разъясняющих взаимоотношения между человеком и богами:

«Относятся ли боги [к людям] иначе, нежели сами люди [к другим людям]? Нет! Может, хоть в чем-то здесь между ними есть различие? Нет! Одинаково они относятся [к людям]. Слуга предстает перед своим господином, прежде вымывшись и облачившись в чистые одежды; и он подносит ему пищу или питье. А он, господин его, ест и пьет, и отдыхает душой, и преисполняется к нему благорасположения (?). Но если он [т. е. слуга] вечно нерасторопен (?) или непослушен (?), тогда к нему другое отношение. Если же слуга досаждал своему господину, то его убивают, или увечат ему нос, глаза или уши; или же он [т. е. господин] призывает его к ответу, [и также] его жену, его сыновей, брата, сестру, его родственников по браку и его семью, будь то слуга-мужчина или служанка-женщина. И затем его осуждают прилюдно (?) и обращаются с ним как с ничемным. И если полагают ему умереть, то умирает он не один, но и его семья с ним. Если же кто досаждал богу, то разве его одного наказывает бог за это? Разве не наказывает он за это и его жену, его детей и потомков, его семью, его рабов и рабынь, его коров и овец и его урожай, и не уничтожает его совершенно?»

И второй фрагмент:

«Если слуга попадает в беду, он обращается с просьбой к своему господину; и господин его внимает ему и [благоволит] ему, и поправляет то, что его беспокоило. Если же слуга как-либо провинился и признает свою вину перед господином, то господин сде-

дает с ним все, что пожелает. Но поскольку он признал свою вину перед господином, то душа господина смягчилась, и господин не призовет сего слугу к ответу».

Очевидно, что господин обладал неограниченной властью над слугой, вплоть до права распоряжаться его жизнью и смертью. А это, несомненно, рабство, даже если на практике хозяин руководствовался не прихотью, а здравым смыслом и соображениями нравственного порядка.

В связи с этим довольно странным представляется то, что многие статьи из государственного свода законов защищают жизнь и физическое здоровье слуги, притом, однако, что размер компенсации за увечье, нанесенное рабу, ровно вдвое меньше пени, назначаемой за аналогичное увечье, нанесенное свободному человеку; а также то, что в этих статьях не упоминается хозяин. Он, по всей видимости, мог причинять своим рабам телесный ущерб, не неся за это ответственности, а в случае, если обидчиком оказывалась третья сторона, должен был сам получать компенсацию за порчу принадлежащего ему имущества. И наоборот, если преступление — будь то даже нанесение телесных увечий — совершал раб (слуга), то на него накладывался штраф вдвое меньший, нежели тот, что должен был выплатить за аналогичное преступление свободный человек. Во всем своде законов мы находим только два косвенных указания на то, что хозяин мог отвечать за преступления, совершенные его слугой. Таким образом, хеттский «слуга» обладал законными правами и обязанностями. Более того, «слуги», как правило, владели собственным имуществом, а в законодательстве имеются статьи, регламентирующие брачные отношения между «слугами» и свободными женщинами, из чего следует, что подобные браки заключались неред-

ко и признавались совершенно легальными, если жених преподносил невесте положенные по закону свадебные дары. Человек, обладающий такими правами, не может считаться рабом в привычном для нас понимании; скорее его положение схоже со статусом вавилонского *мушкенума* (лица с ограниченными правами) времен Хаммурапи. Не исключено, что эти неясности упираются в проблему текстуального или литературного свойства, связанную с источниками самого свода законов. Так как частными документами мы не располагаем, то о путях приобретения и о происхождении хеттских слуг нам ничего не известно. Правда, во фрагменте одного из писем от египетского царя упоминаются рабы-негры, но это, несомненно, исключение из обычной практики.

4. ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ

Традиционный гражданский уклад в стране был, по существу, патриархальным. Населенные пункты не были связаны в единую иерархическую систему, и в каждом городе и селении имелся свой совет «старейшин». Эти советы занимались местными административными делами, главным образом разрешением тяжб. По-иному были организованы только культовые центры. Страбон описал, как был устроен священный город Комана в период правления римского императора Тиберия. От него мы узнаем, что с незапамятных времен подобные города находились в полной зависимости от храма и что верховный жрец был одновременно и правителем города. В хеттских текстах об устройстве священных городов говорится только косвенно, но не приходится сомневаться, что описанная Страбоном форма правления возникла еще в глубокой древности.

Непосредственный контроль над новыми территориями, приобретенными в ходе военной экспансии, цари Хаттусы поначалу сохраняли за собой, сажая своих сыновей наместниками в этих землях. Вспомним, что по возвращении из ежегодных военных походов сыновья Лабарны отправлялись в области, выделенные им в управление. Позднее наместниками стали назначать военачальников, которые, как правило, тоже состояли с царем в родстве. На правителя области возлагались такие обязанности, как ремонт дорог, общественных зданий и храмов, назначение жрецов, проведение религиозных церемоний и отправление правосудия. По-видимому, должность наместника была неофициальной и временной и особый титул за ее носителем закреплялся не всегда.

Но после того как империя расширилась за пределы Каппадокийского плоскогорья, такая система управления стала неэффективной. Новая система зародилась даже раньше — зачатками ее можно считать практику распределения уделов между царскими сыновьями, которые в одном из ранних текстов уже именуются «государями» таких городов, как Цалпа, Хуписна, Усса, Сугзия и Ненасса. Впоследствии же, так как путь к зависимым сирийским землям вел через горы и быстрое сообщение было невозможным, возникла необходимость и в назначении постоянных наместников, облеченных достаточно большой полномочиями власти и связанных с царем Хатти торжественной клятвой верности. Более того, к расширяющейся Хеттской империи охотно присоединялись мелкие и более слабые соседние государства. В особенно опасном положении — между двумя великими державами, Хатти и Египтом, — оказались сирийские царства. Стараясь удержаться на троне, правители их проводили гибкую политику, заключая союзы с той державой, которая на

данный момент казалась сильнее. Кроме того, в орбиту влияния Хеттской империи были втянуты Амурру (ливанское царство амореев) и киликийская Киццуватна, считавшиеся зависимыми царствами наряду с теми землями, которые хеттским царям удалось покорить силой оружия.

Статус завоеванных областей зависел от целого ряда факторов. Такие стратегически важные города, как Алеппо, Каркемиш и Даттасса, включались в состав империи. Наместниками их становились царские сыновья, связанные между собой и с царем Хатти особыми тесными отношениями, основной тон которых ясно выражен в следующей фразе из договора с правителем Алеппо: «Мы, сыновья Суппилиумы, и весь наш дом, да будем едины». По-видимому, такие ручательства во взаимопомощи представляли собой обязательный пункт подобных договоров; оговаривать их условия во всех подробностях даже не считали нужным.

Противоположную крайность представляли собой, условно говоря, «протектораты» — главным образом те царства, которые в недавнем прошлом обладали известным престижем. Дабы не испортить с ними отношения, хеттский царь обычно оставлял им некое подобие независимости. Типичным примером такого формально независимого государства служит Киццуватна, некогда господствовавшая на Киликийской равнине: отделение этого царства от Митанни, с которым его прежде связывали союзнические отношения, было представлено как акт освобождения от зависимости, и почти на каждое обязательство, принятое на себя царем Киццуватны, хеттский царь скрупулезно отвечал аналогичным обязательством со своей стороны. Тем не менее царь Киццуватны находился под опекой царя Хатти: он обязан был ежегодно представлять перед

ним в Хаттусе и воздерживаться от всяких дипломатических контактов с царем Хурри.

Следовало бы ожидать, что Ациру, правитель страны Амурру, также добровольно вверивший свою страну попечительству хеттского царя, должен был получить аналогичные привилегии. Но Амурру, в отличие от Киццуватны, не была в прошлом влиятельной державой, а потому Ациру принял договор с Хатти на точно таких же условиях, что и правитель Нухасси — зависимого сирийского царства, которое выказало неповиновение Суппилиуму и соответственно подвергалось в дальнейшем более жесткому обращению. Схожим образом и «земля реки Сеха», подчинившаяся хеттам добровольно, приняла те же условия, что и завоеванные царства Арцавы.

Большинством зависимых царств управляли местные уроженцы, но полномочия свои они получали непосредственно от хеттского царя, представая перед ним либо как беженцы, либо как вожди местных сторонников хеттской власти. Зависимый царь правил своими землями самостоятельно, но вступать в дипломатические отношения с другими государствами ему запрещалось; прием у себя при дворе иноземных послов считался тяжким преступлением. Как правило, такой царь должен был поставлять воинов в хеттскую армию, если та выступала в поход против страны, находившейся по соседству с его владениями, или против одной из крупных держав. Кроме того, он обязан был выдавать всех беженцев из страны Хатти, но на ответную любезность такого рода рассчитывать не мог (хетты прекрасно сознавали, что такие беженцы могут оказаться весьма полезными, если зависимый царь не оправдает оказанного ему доверия). Он приносил клятву верности царю Хатти и всем его преемникам на веки веков. Со своей стороны царь Хатти обычно гарантировал

ему защиту от врагов и обеспечение законного престолонаследия.

В знак верности своей присяге зависимый царь должен был ежегодно предстать перед царем Хатти и выплачивать ему дань. Позднее дань стали приносить посланники.

Договоры такого рода были выгодны главным образом правителю империи и отражали реальное соотношение сил между царем Хатти и его данником. На момент введения в должность бывший беженец обычно оставался вполне доволен своей участью. Но хетты, вслед за шумерами и аккадцами, знали, как быстро разгорается аппетит к власти, и при первом удобном случае провоцировали в зависимых царствах мятежи. Так сложилась известная в Месопотамии с древнейших времен традиция заручаться помощью богов как свидетелей и хранителей договора, скрепленного клятвой. В Месопотамии ради соблюдения клятвы иногда также брали заложников, но хетты не переняли этот обычай, так как находили его отвратительным. Они ограничивались торжественной клятвой именем богов, нарушение которой считалось ужасным проступком. Обычно в свидетели призывались боги обеих сторон, так как у каждого народа в те времена были свои религиозные воззрения.

И все же хетты не могли не понимать, что страх перед небесной карой — недостаточно прочный фундамент для долгосрочного союза. Самым излюбленным средством склонить зависимого царя на сторону имперской династии был дипломатический брак. Кроме того, цари Хатти постоянно взывали к чувству благодарности данников, предваряя договоры пространном описанием услуг, которые оказал им в прошлом хеттский властитель, и тем самым представляя невыгодный

для данника договор как справедливое и честное возвращение долгов. Подобные обращения к лучшим чувствам зависимых государей — весьма типичное проявление гуманности, отличавшей хеттов и во многих других отношениях.

Текст договора обычно выбивался на пластине драгоценного металла (серебра, золота или железа) и скреплялся оттиском царской печати. К сожалению, ни один из таких договоров до нас не дошел. Сохранились только сделанные для дворцовых архивов копии на глиняных табличках, и ни на одной из них царской печати нет. Оригинал договора удостоверял полномочия зависимого царя, и потеря его влекла за собой серьезные последствия. Когда договор с царем Алеппо украли из храма, где он хранился, царю пришлось приложить немало усилий, чтобы получить дубликат в имперской канцелярии.

Однако столь продуманная система отношений между центром и провинциями не успела принести богатые плоды. Наступление Ассирии с востока, мятежи в Арцаве на западе и авантюры таких проходимцев, как Маддуватта и Мита, повлекли за собой утрату зависимых земель, не вошедших в состав империи, а удерживать границы удавалось лишь ценой бесконечных войн.

5. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Древнейшие цари хеттского государства видели врагов во всех своих соседях. С уверенностью утверждать, что изменение внешнеполитического курса ознаменовалось договором царя Телепина с Киццуватной, мы не можем, так как текст этого договора не сохранился. Ко времени воцарения Суппилулиумы вся тер-

ритория Западной Азии находилась под контролем трех «великих царств»: Египта (Мисри, библейский Мицраим), Вавилонии (которая в тот период именовалась Кар-Дуниаш) и Митанни (хурритское царство, во главе которого стояли вожди индоиранского происхождения). Между этими державами установилось равновесие сил. Из дипломатической переписки, найденной в Эль-Амарне, явствует, что монархи этих стран поддерживали между собой дружественные отношения. Они регулярно обменивались богатыми дарами, называли друг друга «братьями» и не забывали скреплять дружбу дипломатическими браками. Но затем Суппилулиума разгромил Митанни, и хеттское государство естественным образом заняло место хурритского в этом трехстороннем альянсе.

Договоры между «великими царями» заключались на условиях полного равенства и обоюдной выгоды. Единственный из подобных договоров, дошедших до нас, был заключен между Хаттусили III и Рамсесом II около 1269 года до н. э., но известно, что ему предшествовало еще по меньшей мере два договора между Хатти и Египтом, и можно не сомневаться, что дружба Вавилонии с двумя этими державами покоилась на такой же договорной основе. Основной тон подобных договоров — утверждение «братских» отношений, которые подразумевали невозможность войны между данными державами и обязывали их к наступательным и оборонительным союзам. Эти условия разрабатывались довольно подробно. Кроме того, каждый монарх обещал в случае смерти другого позаботиться о законной передаче трона его наследнику. Как мы видели, обоюдные гарантии поддержания династии занимали важное место и в договорах с зависимыми царствами, ибо государство в те времена отождествлялось с правящей династией и любой переворот влек за собой крушение

самого государства, каков бы ни был прежде его статус на международной арене. Включалось в «братские» договоры и взаимное обязательство выдачи беженцев. В остальном суверенитет двух держав никоим образом не ограничивался. Обе они сохраняли за собой право вступать в дипломатические отношения с любой третьей стороной. Формулировки всех пунктов договора с обеих сторон были полностью идентичны; более того, каждая сторона составляла весь договор полностью и отсылала другой для рассмотрения и одобрения. Так, договор между Рамсесом и Хаттусили найден в двух версиях: одна высечена на стенах храма в Карнаке египетскими иероглифами, а другая записана на глиняной табличке из Богазкёя аккадской клинописью. Изредка аналогичную привилегию в качестве особой милости даровали зависимому царю.

Проводя тот или иной политический маневр, владельцы великих держав следили за тем, чтобы не оскорбить своих могущественных «братьев». Хорошей иллюстрацией к этому служит история договора между Суппилулиумой и царем Киццуватны — одного из древнейших хеттских договоров, дошедших до наших дней. Привлечение Киццуватны на сторону Хеттского царства представлено как вопрос самоопределения и оправдано ссылкой на прецедент, когда на основе аналогичного принципа свою правоту отстаивал царь Митанни.

«Народ Исувы [, — говорит Суппилулиума, —] бежал от моего величества и перешел в страну хурритов. Я, Солнце, отправил хурритам послание: «Верните мне моих подданных!» Но хурриты ответили моему величеству таким посланием: «Нет! Эти города прежде <...> пришли в страну Хурри и поселились там. Верно, что потом они вернулись в землю Хатти как беженцы; но

теперь скот наконец выбрал себе стойло, они решительно вернулись в мою страну». Так хурриты и не выдали мне моих подданных... И я, Солнце, отправил хурритам такое послание: «Если какая-нибудь страна отпадет от вас и перейдет в землю Хатти, как тогда будет?» Хурриты ответили мне: «Точно так же». Ныне же народ Киццуватны — хеттский скот; он выбрал себе стойло, он ушел от хурритов и пришел к моему величеству. <...> Земля Киццуватны ликует, радуясь своему освобождению».

Разумеется, от нашего искушенного современника не укроется, что это откровенно пропагандистский текст. И все же приведенный фрагмент свидетельствует, что хеттскому царю приходилось считаться с неким международным общественным мнением и оправдывать в его глазах свои поступки.

Глава III

ЭКОНОМИКА

Анатолийское плоскогорье — в известном смысле продолжение русской степи, и климат здесь суровый. В зимние месяцы резкий северный ветер приносит обильные снегопады, а изумительная, но короткая весна сменяется долгим знойным летом. Дождевые облака собираются в основном над склонами Тавра и у хребтов, окаймляющих побережье Черного моря. Таким образом, центральное плато — это продуваемая всеми ветрами степная местность, и найти воду и защиту от непогоды здесь можно только в речных долинах. Унылое холмистое плато простирается во все стороны до самого горизонта, и лишь после многих часов пути однообразный пейзаж внезапно обрывается и далеко внизу путник видит плодородную долину, за которой, однако, тянется вдаль все та же равнина, покрытая округлыми холмами. На территории древнего Хеттского царства, к северу от реки Каппадокс (Делидже-Ырмак), рек и долин больше и рельеф в целом не столь однообразен. Эта местность заселена очень густо, каждый клочок земли усердно возделан, но на возвышенностях деревьев почти нет, а следовательно, нет и защиты от суровых зимних ветров (фото 31).

Условия жизни в эпоху хеттов едва ли существенно отличались от современных. Тот факт, что местные жители, как и в наши дни, занимались преимущественно

но земледелием и скотоводством, находит подтверждение в исторических текстах. Государственный свод законов — наш основной источник сведений о характере хеттского общества — составлен с явным расчетом на аграрную экономику. Кроме того, сохранились перечни сельскохозяйственных угодий и документы на право собственности с подробными реестрами имущества, которым располагали крупные поместья.

Приведем несколько статей из свода законов, наглядно иллюстрирующих сельскохозяйственный уклад, лежавший в основе хеттской цивилизации:

«75. Если кто возьмет в долг и запряжет вола, коня, мула или осла, а тот падет, или будет сожран волками, или же заблудится и пропадет, то одолживший пусть выплатит полную его стоимость; но если скажет он: «От руки бога он умер», — то пусть поклянется в том.

86. Если свинья зайдет на гумно, на поле или в сад, а владелец того луга, поля или сада забудет ее до смерти, то пусть вернет эту свинью ее владельцу; если же не вернет, то станет вором.

105. Если кто положит [хворост (?)] на огонь и [оставит] его так, а огонь перекинется на виноградник и лозы, яблони, гранатовые деревья и груши (?) сгорят, то за каждое дерево пусть выплатит он по [шесть] сиклей серебром и заново насадит сад. Если же он раб, то пусть выплатит три сикля серебром.

151. Если кто наймет пахотного вола, то за каждый месяц наема пусть выплатит один сикль серебром.

159. Если кто запряжет упряжку волов, то плата за нее — полмешка ячменя.

191. Если кто украдет пчел из улья, а прежде они приносили одну мину серебром, то ныне пусть заплатит он за них пять сиклей серебром».

А вот характерный фрагмент грамоты об условном держании земли:

«Поместье Тиватапары: 1 мужчина, Тиватапара; 1 мальчик, Харувандули; 1 женщина, Ацция; 2 девочки, Анитти и Хантавия; (итого) 5 человек; 2 вола, 22 овцы, 6 тягловых волов...; [18] овец, и при них 2 ярочки и два барашка; 18 коз, при козах 3 козочки и 1 козленок; (итого) 36 голов мелкого рогатого скота; 1 дом. Пастбище для волов — 1 акр¹ лугов в городе Паркалла. 3¹/₂ акра виноградника, и в нем 40 яблонь (?), 42 гранатовых дерева (?), в городе Ханцусра, принадлежащем поместью Хантапи».

В этих цитатах перечислены почти все виды домашних животных и многие плодовые деревья, имевшиеся в хозяйстве у хеттов. В основном этот перечень соответствует составу сельскохозяйственной продукции, производимой крестьянами на Анатолийском плоскогорье в наши дни.

Главными зерновыми культурами были ячмень и эммер (разновидность полбы), из которых не только делали муку и пекли хлеб, но и варили пиво. Виноград считается местным анатолийским растением; во времена древних хеттов он широко культивировался. Оливковые деревья в римскую эпоху выращивали в окрестностях Мелитены (Малатья) и на Понтийском побережье, но в нагорьях оливки не вызревают, так что масло, по-видимому, хетты получали из миндального ореха. В стандартных молебствиях благословение богов призывалось на зерновые, вино и масло, которые, очевидно, и были главными сельскохозяйственными продуктами. Кроме того, в текстах изредка упоминаются

¹ А к р — английская единица площади, около 4050 кв. м. (Примеч. перев.)

горох и бобы. Кое-где, вероятно, также выращивали лен, как и в наши дни.

Горные массивы Анатолии богаты полезными ископаемыми, залежи которых, несомненно, разрабатывались с глубокой древности. Незадолго до основания царства Хатти главной статьей экспорта ассирийских торговцев в Каппадокии была медь. С тех же времен и в дальнейшем серебро служило хеттам мерилom стоимости, а значит, в этом металле они также не испытывали недостатка. Определить точное местонахождение древних рудников невозможно, но не приходится сомневаться, что главным центром добычи серебра и свинца уже в ту эпоху, как и в наше время, был Булгар-Маден в киликийской части Тавра, поскольку в его окрестностях сохранились неохеттские памятники. В хеттских и ассииро-каппадокийских текстах приводятся названия гор и городов, в которых добывали эти металлы, но отождествить эти топонимы с современными, к сожалению, не удастся.

Недра анатолийских гор изобилуют и железными рудами, но до конца 2-го тысячелетия до н. э. железо в Анатолии, как и повсюду на Ближнем Востоке, считалось драгоценным металлом, поскольку еще не стали общеизвестны секреты его плавления и методы получения высоких температур, необходимых для его обработки. Для изготовления оружия и всевозможной утвари использовали медь и бронзу, широко распространенные в ту эпоху. Железных предметов от хеттского периода сохранилось очень мало, и, несмотря на то что в хеттских текстах упоминаются железные мечи, железные пластины для письма и даже железные статуи богов и животных, все это были особые предметы — дары храмам или царям. Предположительно древнейшее упоминание о дарах такого рода мы встречаем в надписи Анитты, где царь утверждает, что по-

лучил в дань от города Пурусханды железный скипетр и железный трон. Но поскольку аутентичность этого документа вызывает сомнения, считать его надежным свидетельством того, что такие крупные железные предметы изготавливались уже в столь раннюю эпоху, мы не можем, невзирая на то, что мелкие железные предметы — булавки, украшения и т. п. — производились и значительно раньше. Судя по всему, техникой обработки железа в хеттский период владело лишь несколько искусных кузнецов, и, в отсутствие конкуренции, изделия, выходявшие из их мастерских, ценились очень высоко.

Тот факт, что в XIII веке до н. э. жителям Малой Азии была известна железная металлургия, подтверждается знаменитым фрагментом из письма хеттского царя Хаттусили III к одному из его современников (вероятно, к царю Ассирии):

«Что же до хорошего железа, о котором ты писал мне, то хорошего железа в моем доме печатей в Киццуватне нет. Для производства железа, о котором я писал, время сейчас неподходящее. Хорошее железо будет, но пока еще его не доделали. Когда доделают, я тебе пришлю. А на сей день отправляю тебе железное лезвие для кинжала».

Было бы ошибкой вкладывать в это письмо какой-то особый смысл — к примеру, утверждать, будто хеттский царь из военных соображений наложил запрет на экспорт железа. Слова о «неподходящем времени для производства железа» можно объяснить гипотезой, опирающейся на известные нам обычаи других стран, а именно, что плавлением железа крестьяне занимались у себя дома в зимние месяцы, когда не было полевых работ. Поэтому не исключе-

но, что к концу лета или к осени запасы железа истощались. Первоначально этот фрагмент сочли свидетельством того, что Киццуватна находилась в области Понта (позднее, согласно греческим источникам, там обитали халибы, кузнецы которых славились своими железными изделиями). Но теперь мы знаем, что Киццуватна располагалась на юге и включала в себя Катаонию и часть Киликии. Таким образом, здесь, по-видимому, просто находилось временное хранилище для шедшего на экспорт железа, которое либо привозили из какой-то другой области страны, либо добывали в горах Тавра.

Основным средством обмена в Хеттском царстве, как и во всем ближневосточном мире, служило в то время серебро (а для мелких расчетов — свинец) в брусках или кольцах, оценивавшееся по весу; упоминания о более примитивном методе расчетов мерами ячменя встречаются редко. Весовой единицей был сикль, 60 сиклей составляли 1 мину, как и в Вавилонии, но не исключено, что хеттский сикль весил меньше вавилонского (8,4 грамма). Во всяком случае, в одном из договоров особо указывается, что дань должна взвешиваться «на весах торговцев Хатти», а из другого, значительно более позднего текста мы узнаем, что мина Каркемиша весила 300 граммов, в отличие от вавилонской мины, вес которой составлял 505 граммов. Рассмотрим фрагменты из перечня цен, включенного в хеттский свод законов.

1. Домашние животные

Овца — 1 сикль

Коза — $\frac{2}{3}$ сикля

Корова — 7 сиклей

Лошадь — 14 сиклей

Лошадь «для упряжки» — 20 (или 30?) сиклей

Вол «для пахоты» — 15 сиклей
 Бык (или взрослый вол?) — 10 сиклей
 Мул — 1 мина

Далее в тексте утверждается, что жеребец, кобыла для упряжки, осел и ослица для упряжки стоят «одинаково», но сколько именно — не указывается. Цена на свинью также не приводится.

2. Мясо

Цены на мясо приведены в «овцах», но пересчитывать их в сикли не понадобится, так как 1 овца стоит ровно 1 сикль.

Мясо 1 овцы — $\frac{1}{10}$ овцы
 Мясо 1 вола — $\frac{1}{2}$ овцы
 Мясо 1 ягненка — $\frac{1}{20}$ овцы
 Мясо 1 козленка — $\frac{1}{20}$ овцы
 Мясо 1 теленка — $\frac{1}{10}$ овцы

3. Шкуры

Шкура овцы с руном — 1 сикль
 Шкура остриженной овцы — $\frac{1}{10}$ сикля
 Шкура козы — $\frac{1}{4}$ сикля
 Шкура остриженной козы — $\frac{1}{15}$ сикля
 Шкура взрослого вола — 1 сикль
 Шкура ягненка — $\frac{1}{20}$ сикля
 Шкура козленка — $\frac{1}{20}$ сикля
 Шкура теленка — $\frac{1}{10}$ сикля

4. Сельскохозяйственная продукция

Соответствия мер точно не установлены.

1 *парису* эммера — $\frac{1}{2}$ сикля
 1 *ципиттани* растительного масла — 2 сикля
 1 *ципиттани* сливочного масла — 1 сикль

- 1 *парису* ячменя — $\frac{1}{4}$ сикля
- 1 *ципиттани* топленого свиного жира — 1 сикль
- 1 *ципиттани* меда — 1 сикль
- 1 *парису* вина — $\frac{1}{2}$ сикля
- 1 круг сыра — $\frac{1}{2}$ сикля

5. Земля

- 1 акр орошаемой земли — 3 сикля
- 1 акр земли-*халани* — 2 сикля
- 1 акр виноградника — 1 мина

Значение термина «*халани*» неясно.

6. Одежда и ткани

- Одеяние из тонкой ткани — 30 сиклей
- Одеяние из синей шерсти — 20 сиклей
- Головная повязка — 1 сикль
- Тонкая рубаша — 3 сикля
- Большое полотнище льняной ткани — 5 сиклей

7. Металлы

- 1 мина меди — $\frac{1}{4}$ сикля

Серебряная меновая единица и вавилонские названия мер веса — еще одно культурное достижение, которым хеттская цивилизация была обязана своим восточным соседям. В своде законов упоминается, что хеттские купцы совершали путешествия в зависимые области Лувия и Пала, и нет причин сомневаться, что они возили свои товары и за границу, в соседние страны. Воссоздать довольно точную картину международной торговли в древнейшую эпоху можно по табличкам ассирийских колонистов XIX века до н. э., которые были всего лишь торговыми посредниками меж-

ду Ашшуром и древними анатолийскими царствами. Из Анатолии вывозили металлы, главным образом медь, а из Месопотамии в Анатолию ввозили ткани и олово; последнее, таким образом, добывали где-то к востоку от Хеттского царства и доставляли (по крайней мере, в те времена) через Ашшур. Но с уверенностью утверждать, что в эпоху расцвета Хеттского царства ситуация не изменилась, мы не можем. Не исключено, что хетты получили прямой доступ к залежам олова в Кавказском регионе. Кроме того, в одном религиозном тексте упоминается между прочим, что медь ввозили из Аласии — то есть, вероятно, с Кипра, где находилось богатейшее в Древнем мире месторождение этого металла. Следует ли из этого, что месторождения меди в Анатолии истощились? Если Аласия не входила в состав империи, то, по-видимому, на этот вопрос придется ответить утвердительно. Но не следует забывать, что хеттский царь Арнуванда III заявлял, по крайней мере, о принадлежности Аласии к сфере хеттского влияния. И если Аласия была всего лишь дополнительным поставщиком меди в рамках империи, то становится ясно, почему этот металл ценился так низко в сравнении с серебром (1:240; см. приведенный выше перечень цен); и не исключено, что в таком случае оставались еще излишки меди для экспорта, как в прежние времена. Впрочем, прямых сведений об организации внутренней и внешней торговли в Хеттском царстве ни тексты, ни раскопки нам почти не дают.

Глава IV

ПРАВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

1. СВОД ЗАКОНОВ

В развалинах Богазкёя было обнаружено множество фрагментов глиняных табличек с текстами законов. Две таблички сохранились почти целыми, и содержание их в основном удалось реконструировать по параллельным фрагментам. На каждой из этих табличек записано по 100 параграфов. Указаний на то, что их следует считать частями единого свода, у нас нет, однако современные ученые в большинстве своем рассматривают эти 200 статей как связную последовательность и для удобства ссылок придают им сквозную нумерацию. Обломки других табличек, первоначальное количество которых неизвестно, содержат фрагменты других подобных текстов — от почти точных копий основной серии до подборок, в которых законы сформулированы существенно иначе. В некоторых таких подборках появляются дополнительные законы. Однако ни малейших свидетельств того, что кроме основного свода существовали еще и другие, независимые от него, у нас нет.

Таким образом, в нашем распоряжении оказалось несколько тесно связанных, но не идентичных друг другу сборников законов. В основном своде часто встречается утверждение, что за то или иное пре-

ступление «прежде» полагалось такое-то наказание, но «теперь» царь назначил другое (как правило, менее суровое). Очевидно, хетты боролись с тенденцией к застою, заложенной в самой природе процесса кодификации, и без колебаний реформировали свои законы в соответствии с меняющимися обстоятельствами. Хеттское право можно уподобить живому развивающемуся организму, а различные версии свода законов, по-видимому, отражают последовательные этапы его развития. Но поскольку таблички не датированы, не исключено и другое объяснение: что в различных областях страны применялись разные законы. В пользу этого предположения говорит следующий отрывок из инструкций, адресованных начальнику одного хеттского гарнизона:

«Как в разных странах в прошлом поступали с людьми, совершившими преступление, караемое смертью, [так пусть и поступают впредь:] в том городе, где казнили его, да и казнят впредь, но в том городе, где изгоняли его, пусть и впредь изгоняют».

Но как бы то ни было, о постепенном развитии хеттского свода законов свидетельствует сама его внутренняя организация. Структуру его можно представить следующим образом.

Табличка I («Если мужчина...»)

1—6. Убийство.

7—18. Разбойное нападение и нанесение побоев.

19—24. Нормы рабовладения, в том числе обращения с беглыми рабами.

25. Санитарные нормы.

26—36. Процедура заключения брака (особые случаи).

- 37—38. Оправданное убийство.
- 39—41. Повинности, связанные с землевладением.
- 42. Наем в армию (ответственность и оплата).
- 43. Несчастные случаи при переправе через реку.
- 44а. Убийство (если преступник толкнул жертву в огонь).
- 44б. Наведение порчи.
- 45. Находка имущества.
- 46—56. Условия землевладения.
- 57—92. Угон скота и прочие преступления, связанные со скотом.
- 93—97. Воровство.
- 98—100. Поджог.

Табличка II («Если лоза...»)

- 101—118. Преступления, связанные с виноградниками и садами.
- 119—145. Воровство и нанесение ущерба различным формам имущества.
- 146—149. Торговые правонарушения.
- 150—161. Оплата различных видов работ.
- 162. Преступления, связанные с оросительными каналами.
- 163. Преступления, связанные со скотом.
- 164—169. Религиозные предписания, связанные с сельским хозяйством.
- 170. Колдовство.
- 171. Лишение наследства матерью.
- 172. Компенсация за содержание в голодное время.
- 173. Отказ от исполнения приговора (неповиновение власти).
- 174. Убийство.
- 175. Иррегулярный брак (случай, аналогичный 35).
- 176а. Преступление, связанное с быком (неясно).

1766—186. Перечень цен.

187—200а. Половые преступления.

2006. Стандартная плата за обучение подмастерья.

Из этой схемы явствует, что некоторые предметы, в особенности те, что перечислены в начале первой таблички, рассматривались относительно систематически, но частные случаи тех же правонарушений трактуются отдельно в других статьях, которые, по-видимому, были добавлены к своду позднее. Тема землевладения разделена на две группы статей, между которыми размещено пять параграфов, посвященных совершенно посторонним вопросам. Далее, в одной из статей второй таблички рассматривается случай, уже описанный в первой табличке, но предписания даются различные (35 и 175), и это, разумеется, наводит на мысль о том, что считать две эти таблички частями единого целого все же неправомерно.

Высказывалось и такое предположение, что две сохранившиеся таблички не могут представлять собой полный свод законов Хеттского царства, поскольку, например, предмет брака здесь рассматривается лишь на примере исключительных случаев, а такие важные темы, как усыновление, наследование или заключение договоров, не рассматриваются вообще. Но как могли исчезнуть без следа остальные статьи законодательства, если до нас дошло так много вариантов основной серии? Кроме того, никакими свидетельствами, способными поддержать гипотезу о том, что хетты когда-либо руководствовались некой иной системой законов, к которой эти две таблички служили бы только поправками, мы не располагаем. Поэтому, видимо, следует принять как данность, что хетты не сочли нужным издать законы, относящиеся к указанным предметам. Быть может, по этим

вопросам просто не возникало судебных тяжб и все разногласия улаживались в рамках обычного права.

Вправе ли мы утверждать, что эти 200 законов воссоздают подлинную картину юридической практики хеттов? Схожие вопросы возникали и в отношении месопотамских законов. Но в Вавилонии и Ассирии сохранилось множество частных договоров и протоколов судебных разбирательств, позволяющих оценить, в какой мере законы соблюдались на практике. От хеттов же до нас не дошло ни единого частного документа. Из текстов мы знаем, что подобные документы существовали, и не исключено, что рано или поздно мы их найдем. Но до тех пор, пока этого не случилось, нам остается полагаться лишь на сами тексты законов.

По образцу законов Хаммурапи и других древних законодательств, хеттские законы, за редкими исключениями, облечены в форму гипотетических казусов, за изложением которых следует судебное предписание. Многие из них необычны и изобилуют несущественными деталями, а следовательно, по всей видимости, восходят к реальным прецедентам. Не вызывает сомнений, что именно так сложилась большая часть свода. В одной статье даже содержится краткое описание реальной тяжбы, разбиравшейся при царском дворе. Таким образом, можно смело полагать, что значительных расхождений между теорией и практикой не наблюдалось, хотя в различных областях страны, как мы уже видели, законы могли слегка варьироваться.

Особую проблему представляют собой статьи, в которых перечисляются цены на различные товары и нормы оплаты тех или иных видов работ. Трудно поверить, что эти предписания соблюдались повсеместно. Ведь цены неизбежно колеблются в зависимости от спроса и предложения, и для контроля за ними потребовался

бы такой огромный и разветвленный бюрократический аппарат, какого в те времена существовать просто не могло. Аналогичные нормы, закрепленные законами Хаммурапи, не соответствуют реальным фактам, отраженным в частных договорах. Можно предположить, что приведенные в хеттском законодательстве цифры — это не обязательные цены, а лишь максимально допустимые. Впрочем, даже эта приблизительная структура цен позволяет воссоздать довольно точную картину экономической ситуации в государстве.

Итак, мы вправе сделать вывод, что большая часть хеттских законов восходит к реальным судебным решениям. Но что нам известно о хеттском судопроизводстве?

2. СУДОПРОИЗВОДСТВО

С самого начала придется признать, что из-за отсутствия частных документов наши сведения о судах и судопроизводстве в стране Хатти весьма скудны.

Низшей инстанцией для рассмотрения тяжб, по-видимому, были суды старейшин, составлявших органы городского управления в большинстве городов страны. Такой суд упоминается в своде законов лишь однажды, в статье, посвященной спорам о праве собственности на скот, отбившийся от стада. Скорее всего, это был народный арбитражный суд, и государственные чиновники имели к нему лишь косвенное отношение.

Представителем государства в судебных делах обычно выступал один из военачальников, к примеру начальник гарнизона, обязанности которого полностью изложены в документе, дошедшем до нас в хорошем состоянии. Приведем несколько цитат из этих инструкций.

«Возвратившись в город, призови к себе весь народ этого города. У кого будет иск, рассмотри его и вынеси решение. Если раб мужчины, служанка мужчины или *ваннумия* женщины предъявит иск, рассмотри его и вынеси решение.

Не оправдывай неправого и не осуждай правого. Поступай по справедливости».

Предполагалось, однако, что начальник гарнизона будет разбирать судебные тяжбы не самостоятельно, а в сотрудничестве с местными властями:

«Итак, пусть начальник гарнизона, глава городского совета и старейшины вершат суд справедливо, и народ будет идти к ним со своими тяжбами».

Из другого фрагмента того же текста явствует, что решение последней инстанции выносил царь:

«Если кто придет с тяжбой, [предварительно] скрепленной печатью на табличке, то пусть командир разберет дело справедливо и вынесет решение. Но если дело находится под давлением (?), пусть перешлет его царю».

По-видимому, царь должен был принимать решение по всем искам, связанным с колдовством, а также по всем случаям преступлений, влекущих за собой смертную казнь. Кроме того, ему препоручалось рассмотрение дел, связанных с кражей древесины общим весом более двух талантов.

Авторитет судов покоился на суровых наказаниях, ожидавших всякого, кто откажется исполнять судебное решение:

«Если кто воспротивится решению царя, то дом его превратится в руины (?)¹. Если кто воспротивится решению сановника, то ему отрубят голову (173)».

Термин «сановник», по-видимому, обозначает представителя царя.

Примечательная особенность хеттского судопроизводства — чрезвычайно тщательная проверка фактов. Сохранились подробнейшие протоколы судебных допросов по обвинениям в растрате государственных средств и пренебрежении должностными обязанностями. Эти документы звучат на удивление современно, и в литературе Древнего Востока они занимают совершенно уникальное место. Лучшее всего сохранившийся текст этой группы начинается так:

«Что касается запасов, которые [царица] вверила [человеку по имени] «Велик-Бог-Грозы», сыну Уккуры, «начальника над десятью», — к сведению, [были там колесницы], изделия бронзовые и медные, одеяния и ткани, луки, стрелы, щиты, [булавы], гражданские пленники (!), волы, овцы, лошади и мулы, — то запасы эти он раздавал всем, не ставя печатей, и не было у него ни *дусдуми*, ни *лалами* [значение двух этих слов неизвестно]. И царица сказала: «Пусть «золотые прислужники» и казначеи царицы и [человек по имени] «Велик-Бог-Грозы» и (?) Уккура, начальник над десятью, пойдут и принесут торжественные клятвы в храме Лилвани».

Слушание начинается со скрепленных клятвой заявлений отца обвиняемого и еще одного свидетеля, в совокупности занимающих 95 строк. Затем с вопросом обращаются к обвиняемому:

¹ Возможно, слово «дом» здесь означает «домашнее хозяйство со всеми домочадцами», и тогда за это преступление полагалось такое же наказание, какому подвергся библейский Ахан (Иис. Нав., 7:16—26).

«Так сказал Марува: «Одну пару мулов ты дал Хилларици». Велик-Бог-Грозы ответил: «Эти мулы принадлежат Хилларици; я взял их и вернул обратно целыми и невредимыми (?)».

Так сказал Марува: «Ты дал мулов Пиха- <...>. Велик-Бог-Грозы ответил: «Они были не из того хлева».

Так сказал Яррацалма, «золотой прислужник»: «Цуваппи продал лошадь и получил талант бронзы». Велик-Бог-Грозы ответил: «Он сказал мне, что она пала!»

Затем следуют выступления различных свидетелей, после чего текст внезапно обрывается; вероятно, протокол продолжался на другой табличке. Разумеется, судебные разбирательства, связанные с делами при дворе, происходили нечасто. Но в приведенном тексте наглядно отражен дух непредвзятого и тщательного расследования, который, весьма возможно, был характерен и для всего хеттского судопроизводства в целом.

3. НАКАЗАНИЯ И РЕСТИТУЦИИ

В первобытном обществе наказание отождествляется с возмездием, а «гражданские» преступления не отличаются от «уголовных». Потерпевший мстит обидчику сам, насколько это в его силах, а если погибает, то долг отмщения ложится на его родственников. Так начинается кровная месть. Впрочем, дело может быть улажено миром, если обидчик согласится выплатить потерпевшему или его родным определенную сумму денег; такой договор в юриспруденции называется «компромиссным соглашением».

Государство ставит во главу угла соблюдение закона и порядка, а потому изначально должно стремиться к ограничению, а затем и к полному

искоренению обычая личной мести. Первый этап этого процесса, по-видимому, отразился в так называемом «законе талиона» («око за око, зуб за зуб»): потерпевший не мог нанести обидчику ущерб, превышающий тот, что нанес ему обидчик. Впоследствии же находился достаточно разумный и просвещенный законодатель, который понимал, что из двух зол добра не выйдет, и давал себе труд задуматься о цели наказания. Он приходил к выводу, что кара сама по себе полезна лишь как сдерживающее средство, тогда как уже совершенное преступление можно исправить только реституцией или компенсацией ущерба. И лишь на довольно позднем этапе некоторые законодатели начинали принимать в расчет третий фактор — исправление преступника.

В этом отношении хеттская пенитенциарная система довольно прогрессивна. Наказания в своде законов занимают значительно менее важное место, чем реституции. Смертная казнь полагалась только за такие преступления, как изнасилование, скотоложество и неподчинение авторитету государства, а рабам — еще и за неповиновение хозяину и колдовство. Телесным увечьям, которые в Ассирии были одним из самых распространенных наказаний, у хеттов могли подвергаться только рабы. За все преступления, совершенные свободными людьми, включая разбойное нападение, занятия черной магией и убийство, а также воровство и нанесение ущерба имуществу в самых разных формах, предписывались только компенсации или реституции; элемент наказания мог проявляться только в том, что за некоторые преступления ответчику приходилось выплачивать штраф, в несколько раз превышающий сумму нанесенного ущерба. Иногда ущерб возмещался натурой (например, от-

ветчику предписывалось отстроить сожженный дом или заменить испорченный предмет новым), но чаще всего — деньгами (серебром).

Приведем несколько примеров:

«11. Если кто сломает свободному человеку руку или ногу, пусть он выплатит ему двадцать сиклей серебром, — и он [т. е. истец] отпустит его домой¹.

12. Если кто сломает руку или ногу рабу или рабыне, пусть он выплатит десять сиклей серебром, — и он [т. е. истец] отпустит его домой.

63. Если кто украдет пахотного вола, то прежде ему полагалось бы вернуть пятнадцать волов, но ныне пусть он дает десять волов: трех волов двухлетних, трех годовалых и четырех сосунков (?), — и он [т. е. истец] отпустит его домой.

170. Если свободный мужчина убьет змею и назовет имя другого [разновидность колдовства], то пусть выплатит один фунт серебром; если же раб сделает это, то пусть умрет.

25. Если мужчина положит грязь в горшок или чан, то прежде ему полагалось бы заплатить шесть сиклей серебром: тот, кто положил грязь, платил три сикля серебром [владельцу?] и три сикля серебром — дворцу, куда его [т. е. горшок] носили. Но ныне царь отменил долю дворца: тот, кто положил грязь, платит только три сикля серебром, и он [т. е. истец] отпускает его домой.

98. Если свободный мужчина подожжет дом, то пусть он отстроит дом заново; но если кто погибнет в этом доме, будь то человек, вол или овца, платить за это пеню он не должен».

¹ Это сложная синтаксическая конструкция, включающая смену субъекта. Профессор Седат Альп предложил перевести ее именно так, и с нашей точки зрения этот перевод верен.

Интересно сравнить законы об убийстве с соответствующими статьями других древних законодательств. В хеттском своде законов во всех случаях предписывается компенсация, причем пеня за убийство раба всегда ровно вдвое меньше пени за убийство свободного человека. Законы для свободных людей таковы:

«1. Если кто убьет мужчину или женщину в ссоре, то пусть похоронит его [или ее] и даст четырех человек, мужчин или женщин [соответственно], — и он [т. е. наследник покойного] отпустит его домой.

3. Если кто ударит свободного мужчину или женщину, и он [или она] умрет, то если виною тому [только] его рука, то пусть он похоронит [умершего] и даст двух человек; и он [т. е. наследник покойного] отпустит его домой¹.

5. Если кто убьет хеттского купца, пусть заплатит $1\frac{1}{2}$ (?) фунта серебром, и он [т. е. наследник купца] отпустит его домой; если [это случится] в стране Лувия или в стране Пала, пусть он заплатит $1\frac{1}{2}$ (?) фунта серебром и возместит утрату его товаров; если же в стране Хатти, пусть [также ?] похоронит этого купца.

6. Если кого-либо, мужчину или женщину, убили в другом городе, то пусть человек, на чьей земле он умер, отрежет 100 локтей того поля, и он [т. е. наследник] возьмет ее».

В параллельном тексте два последних параграфа приводятся в ином варианте:

«III. Если кто убьет хеттского купца ради его товара, то пусть даст <...> фунтов серебром и заплатит за товар втрое. Но если у него [т. е. купца] нет при себе товара, а убит он в ссоре, то пусть [убийца] даст

шесть фунтов серебром. Но если виною тому [только] его рука, то пусть даст два фунта серебром.

IV. Если кто убит на чужой земле, то, если это свободный человек, то пусть он [т. е. владелец земли] даст поле, дом [и] один фунт и двадцать сиклей серебром; если это женщина, то пусть даст три фунта серебром. Но если та земля, находящаяся в чужом владении, невозделанна, [то пусть отмерят] расстояние в три мили туда и сюда, и какое селение обнаружится на [этой территории], то он [т. е. наследник] пусть возьмет такую же [компенсацию там]; если же не будет селения, то уйдет он ни с чем».

В обеих версиях четко проводится разграничение между убийством в гневе и нечаянным убийством; любопытно, однако, что единственный случай, который мы могли бы описать как преднамеренное убийство, связан с купцом, который, по всей видимости, рассматривается как некая специфическая персона и ассоциируется с мотивом ограбления. Особой статьи, посвященной преднамеренному убийству, нет ни в своде законов Хаммурапи, ни в числе ассирийских законов. В израильском своде законов этот род преступлений трактуется весьма подробно, но из таких фрагментов, как Втор., 19:12, явствует, что древнееврейский судья не мог сделать с убийцей ничего, кроме как передать его в руки «мстителя», то есть ближайшего родича убитого. На основании этого исследователи делают вывод, что в странах Древнего Востока кара за преднамеренное убийство все еще осуществлялась во внесудебном порядке — посредством личной мести. О существовании кровной мести в Древнехеттском царстве свидетельствует следующий отрывок из «Указа Телепина»:

«Закон крови таков. Кто совершит кровопролитие, то [будет то], что ни скажет «владыка крови» [то же, что древнееврейский «мститель»]: если скажет он: «Пусть умрет», — то пусть умрет; но если скажет он: «Пусть возместит ущерб», — то пусть возместит ущерб; царю здесь сказать нечего».

Примечательна практика расплаты «людьми» за убийство. Обычно в таких предписаниях подразумеваются рабы. Не исключено, что этих рабов убивали на могиле покойного, как в некоторых других древних обществах.

Если убийце удавалось скрыться, компенсацию родственникам убитого выплачивали жители ближайшего селения, и этот обычай издавна был широко распространен в странах Востока. Аналогичные статьи мы находим и в кодексе Хаммурапи, и в законах современных мусульман. Известен случай, когда один араб, работавший на раскопках близ Мосула, выразил намерение убить первого попавшегося человека из некоего селения, в котором убили его родственника. Во Втор., 21:1—10 разъясняется, каким образом старейшины города, ближайшего к месту убийства, могут очиститься от вины за пролитую кровь, проведя торжественный обряд; тем самым подразумевается, что в противном случае ответственность за преступление ляжет на город. Уникальной особенностью хеттского закона является ограничение расстояния радиусом в три мили: селения, находящиеся дальше от места убийства, ответственности не несли.

Параграф 5 не вполне ясен. Можно, конечно, предположить, что «штраф» за убийство купца в такой далекой стране, как Лувия или Пала, был ниже «штрафа» за убийство в пределах Хатти по той причине, что, отправившись в дальние края, чуждые цивилизации,

купец сознательно взял на себя риск. Однако вывести этот смысл непосредственно из текста закона довольно сложно (главным образом потому, что не удастся в точности восстановить указанные в тексте цифры).

4. КОЛЛЕКТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Как мы видели, в хеттском обществе сохранялись пережитки примитивного обычая кровной мести. Именно с этой традицией связано убеждение в том, что вина ложится на все семейство преступника и что наказанию, следовательно, могут подвергаться и члены его семьи.

Следы этого принципа встречаются только в одном из хеттских законов — в уже цитированном 173-м, где говорится, что за неподчинение царскому приказу карается весь «дом» послушника, то есть все его родственники и домочадцы. Во всех остальных статьях соблюдается принцип индивидуальной ответственности.

Однако приведенный выше фрагмент, на примере которого мы рассматривали положение рабов в хеттском обществе, наглядно показывает, что принцип коллективной ответственности по-прежнему действовал применительно к рабам: «И если полагают ему умереть, то умирает он не один, но и его семья с ним». В том же тексте отношения между рабом и хозяином уподобляются отношениям между человеком и богами, поэтому нет ничего удивительного в том, что божественная кара традиционно мыслится как возмездие, постигающее не только преступника, но и всю его семью и потомков (ср. Исх., 20:5). Но вне религиозной сферы подобный принцип проводится крайне редко.

5. БРАК И СЕМЬЯ

Из свода законов несомненно явствует, что в хеттской семье царил патриархальный уклад. О том, что мужчина обладал неограниченной властью над своими детьми, свидетельствует и предписание статьи 44а, где сказано, что человек, убивший ребенка, должен отдать его родителям своего собственного сына, и тот факт, что отец был волен «отдать» свою дочь жениху. Власть мужа над женой косвенно подтверждается выбором лексики в статьях, где речь идет о заключении брака: муж «берет» жену и «владеет» ею; если он уличит ее в прелюбодеянии, то волен сам решить ее судьбу.

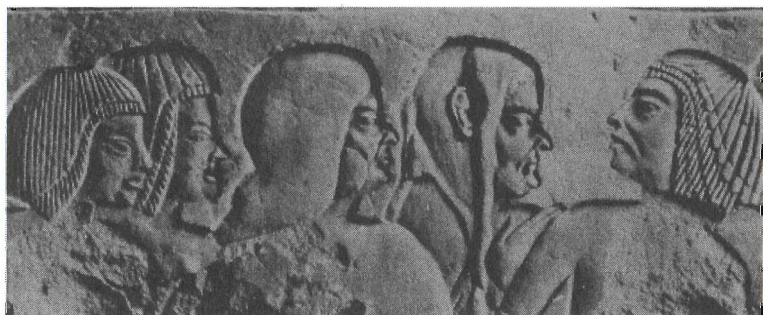
Известно, что в некоторых областях Малой Азии, в особенности среди ликийцев, еще во времена Геродота соблюдался счет происхождения и наследования по материнской линии, и не исключено, что некоторые привилегии, сохранявшиеся за хеттскими женщинами, представляли собой пережитки этой древней системы. Так, в одном не вполне ясном законе (171) описываются обстоятельства, при которых мать может лишить сына наследства, а в другом (28—29) подразумевается, что в выдаче дочери замуж участвует не только отец, но и мать. Вероятно, схожими пережитками объясняется и в высшей степени независимое положение хеттской царицы.

Брачные обычаи хеттов и вавилонян во многом очень схожи. Сначала заключалась помолвка, при которой жених дарил невесте подарки. Однако окончательной силы помолвка не имела, и девушка, с согласия родителей или без него, по-прежнему могла выйти замуж за другого мужчину — при условии, что отвергнутый жених получал обратно свои подарки. При заключении брака жених обычно вручал семье невесты некий

Бронзовая статуэтка из Богазкёя. Бер-
линский государственный музей

Каменная фигурка из Кюль-тепе

Изображения хеттских пленников на египетских памятниках

Хеттские воины на боевых колесницах

Изваяние с Царских ворот в Богазкёе

Бронзовая статуэтка. Бер-
линский государственный
музей

Золотая статуэтка. Британский музей

Свинцовая фигурка из Кюль-тепе

Богазкёй. Вид на развалины Нижнего храма

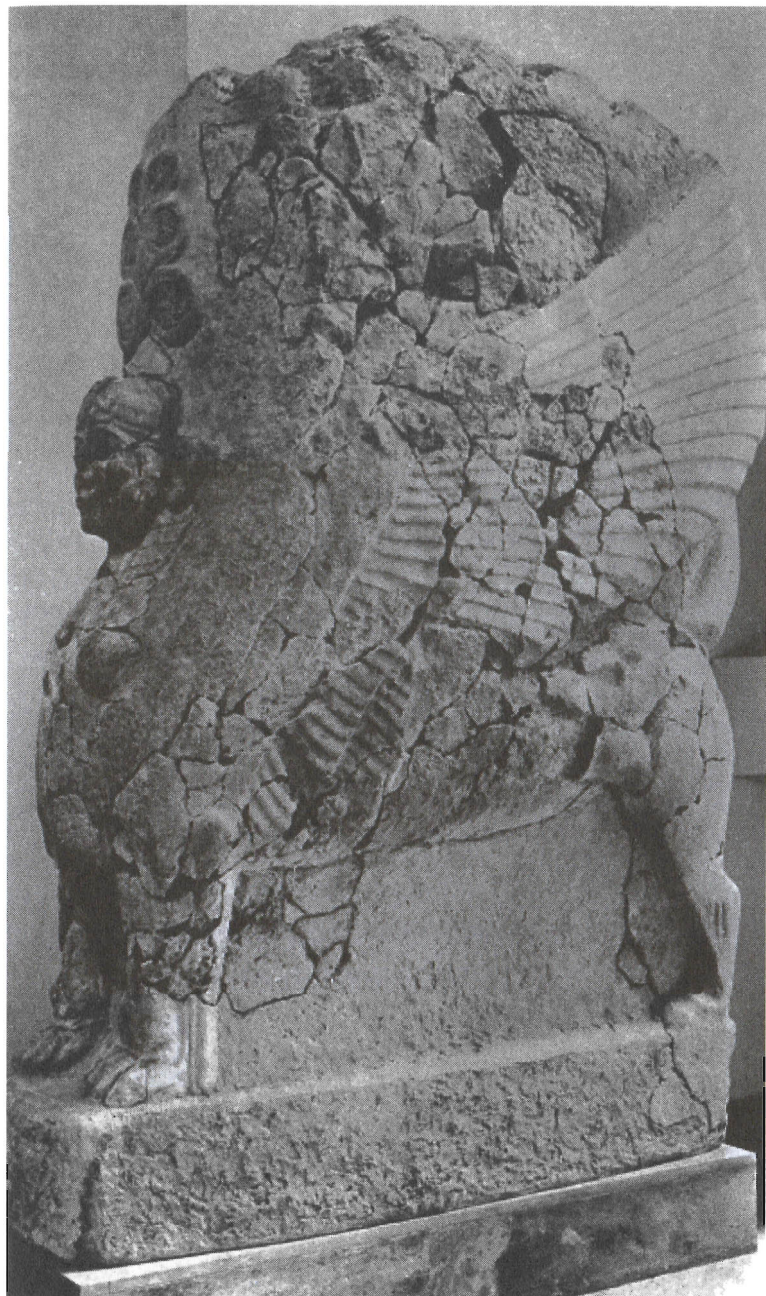
Богазкёй. Южная стена и крепостной вал

Богазкёй. Львиные ворота

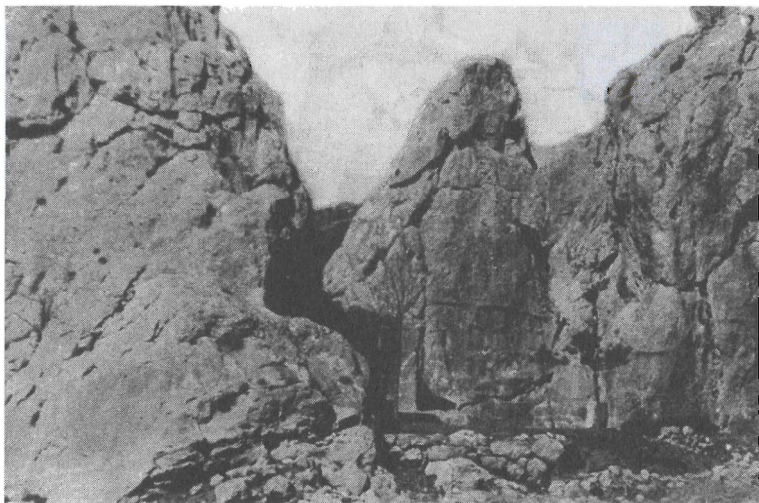
Аладжа-хююк. Сфинксы

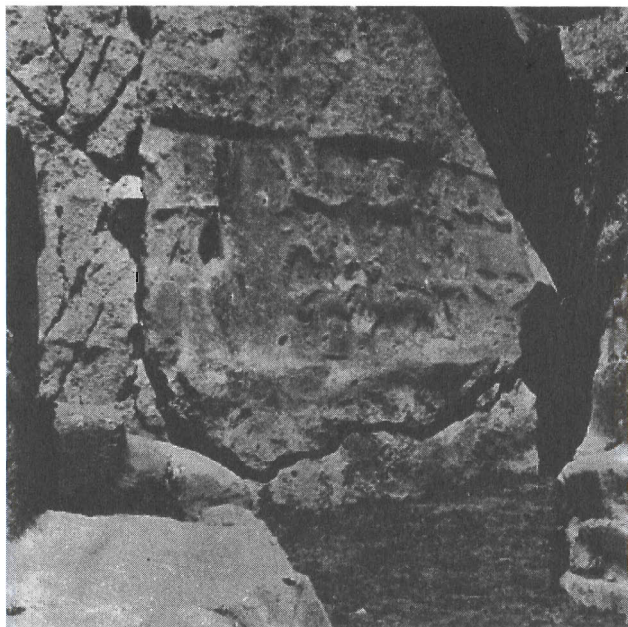
Богазкёй. Сфинкс с ворот Еркапу

Богазкёй. Потерна
и туннель

Язылыкая. Вид на главную галерею

Язылыкая. Центральная группа

Язылыкая. Процессия божеств

Язылыкая. Часть боковой галереи

Язылыкая. Барельеф на боковой галерее

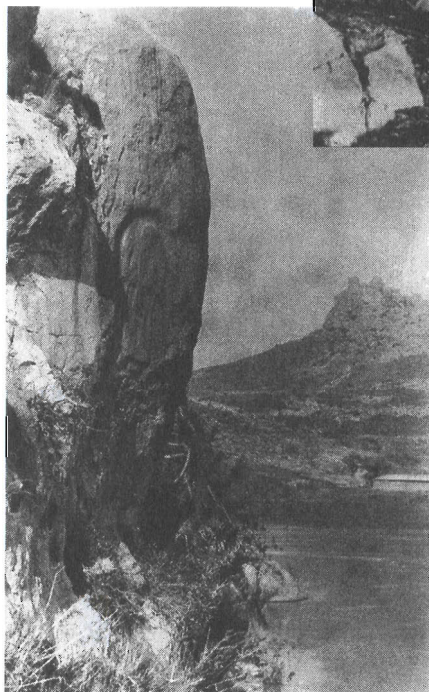
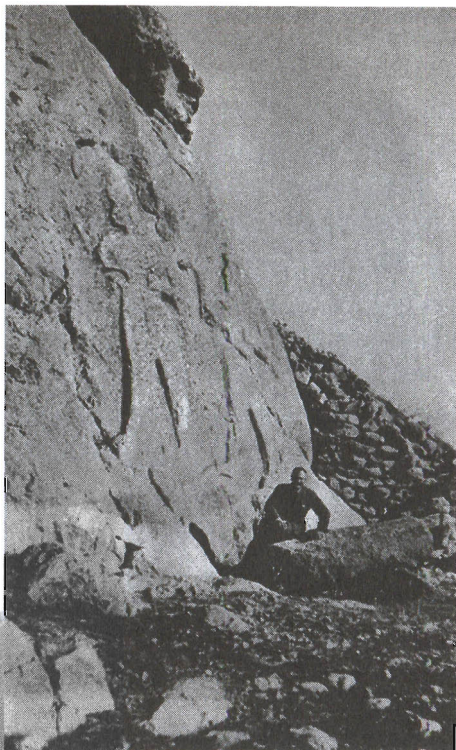

Аладжа-хююк. Царь и царица, поклоняющиеся быку

Аладжа-хююк. Охота на вепря

Наскальный рельеф из Гя-
ур-Калеси

Наскальный рельеф из Сир-
кели (близ реки Джейхан). На
заднем плане средневековый
замок Йылан-Кале

Каменный пьедестал из Богазкёя

«Печать Таркондемоса». Музей Ашмола

Хеттские печати с оттисками. Музей Ашмола

Печати в форме куба

Линзовидные печати

Оттиск хеттской цилиндрической печати

Золотое кольцо, куплено в Конье. Музей Ашмола

символический дар (хеттск. *кусата*), в точности соответствующий вавилонскому *терхату*; но по ряду причин было бы ошибкой считать этот подарок «выкупом за невесту» и свидетельством того, что у хеттов и вавилонян первоначально практиковалась «покупка невест». Невеста, в свою очередь, получала от отца приданое (хеттск. *ивару*). В случае, когда после этого обмена дарами жених отказывался от заключения брака или тому препятствовали родственники невесты, это приравнивалось к неисполнению договора. Помолвка расторгалась, и виновная сторона подвергалась наказанию: либо жених лишался *кусаты*, либо семья невесты выплачивала жениху компенсацию в двойном или тройном размере. Как правило, молодожены обзаводились собственным хозяйством, но законом предусматривалась и возможность жены остаться в родительском доме (такой же обычай существовал и у ассирийцев). После заключения брака жена должна была хранить супружескую верность и за прелюбодеяние могла быть наказана смертью.

После смерти жены ее приданое переходило в собственность мужа, если она жила в его доме; но если она жила в доме своего отца, муж ей не наследовал. Текст в этом месте испорчен, но, судя по всему, приданое переходило к ее детям.

В законе подробно оговаривается запрет на близкородственные браки. Мужчине запрещалось вступать в половую связь со своей матерью и дочерью, с матерью, сестрой или дочерью (от бывшего брака) своей жены, а также с женами своего отца и брата при жизни последних. С другой стороны, в 193-м законе утверждается следующее: если мужчина умрет, его вдова должна сначала выйти замуж за его брата, затем (т. е., очевидно, если брат умрет) — за его отца, а затем, если умрет и отец, — за его племян-

ника. В контексте соседних статей этот пункт представляется всего лишь исключением из ряда запретов, и в одном из вариантов к нему прибавлены слова: «Это ненаказуемо». И все же данный закон схож с еврейским обычаем левирата, согласно которому, если мужчина умирал бездетным, его брат (или отец, или ближайший из оставшихся в живых родственников) обязан был взять вдову в жены, и ребенок от этого брака становился наследником покойного. Иллюстрациями к этому обычаю служат истории Иуды и Ира (Быт., 37) и Руфи и Вооза (Руф., 4); смысл его, по всей видимости, состоял в том, чтобы продолжить род покойного, «чтоб имя его не изгладилось в Израиле» (Втор., 25:6). Вавилоняне и ассирийцы добились той же цели другими средствами, и нужды в левирате у них не было; но 193-й свидетельствует о том, что у хеттов этот обычай существовал, хотя в контексте он не формулируется как закон в своем праве и упоминается с иной целью. Схожим образом в 190-м утверждается, что половая связь с мачехой после смерти отца ненаказуема, и это, по-видимому, свидетельство еще одного древнего обычая, широко распространенного среди народов древности, — обычая, в согласии с которым сын получал в наследство жен отца (за исключением собственной матери). Примечательно, что брак между братом и сестрой хеттскими законами не запрещается; и нам известно, к примеру, что царь Арнуванда I был женат на собственной сестре.

Законными признавались и такие браки, в которых один из супругов принадлежал к сословию рабов. Условия таких браков оговариваются по меньшей мере в шести статьях, однако между версиями этих законов имеется множество расхождений.

6. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Право землевладения у хеттов было сопряжено со сложной системой государственных повинностей, детали которой еще весьма далеки от прояснения. Этому предмету посвящено по меньшей мере 14 законов, из чего можно сделать вывод, что спорные вопросы землевладения довольно часто становились причиной судебных тяжб.

Различаются два класса землевладельцев: условно говоря, «вассалы», то есть держатели поместий, и «люди орудия (или оружия)». Земли, принадлежавшие последним, можно было продавать и покупать без ограничений, но первые, по-видимому, были связаны договорами об условном держании земли, так что их поместья могли переходить из рук в руки только при наличии судебной резолюции. Проводя аналогию с системой, которую Хаммурапи ввел в Ларсе, многие отстаивали гипотезу о том, что «человек оружия» был воином, получавшим надел за службу. Но в свете последних исследований перед нами обнаружилась иная картина. Выяснилось, что «человек оружия» в действительности был «человеком орудия», то есть представителем класса ремесленников. Основное различие между двумя формами землевладения заключалось в том, что «вассал» получал свой титул от царя, а «ремесленник» — от местного управляющего; соответственно со смертью «вассала» его земля возвращалась во владение дворца, а со смертью «ремесленника» — присоединялась к землям города или деревни, где он проживал. Теоретически «вассал» владел своим имением на условиях несения службы (хеттск. *саххан*), но на практике все нередко сводилось к особой форме арендной платы за землю; «ремесленник» же, как и большинство простолюдинов, нес трудовую повинность

(хеттск. *луцци*). Однако со временем различия между двумя классами землевладельцев, по-видимому, стерлись, и земли стали переходить между ними из рук в руки, если новый владелец соглашался принять на себя соответствующие обязанности. Более того, владения «ремесленника» могли после его смерти перейти к «гражданскому пленнику» — представителю многочисленного класса перемещенных лиц, которых вывозили из завоеванных стран и предоставляли в распоряжение царя. Вместе с землей такой человек приобретал и статус «ремесленника».

Царю, по-видимому, принадлежали огромные территории, так как многие из наделов, переходивших от него к «вассалам», были очень большими. Помимо того, к числу крупнейших землевладельцев принадлежали храмы, иные из которых представляли собой, по существу, «государства в государстве». Храмы также выделяли наделы земледельцам, которые взамен выплачивали арендную плату натурой.

Глава V

ВОЕННОЕ ДЕЛО

1. АРМИЯ

Могущество Хеттской империи, как и других современных ей государств, зиждилось на интенсивном развитии нового типа вооружения, распространившегося по всей Западной Азии вскоре после 1600 года до н. э., — легкой колесницы, запряженной лошадьми.

Боевая колесница как таковая новшеством не была. Уже у шумеров применялось два типа колесниц — двух- и четырехколесная; но из-за сплошных колес они были тяжелыми, и в качестве тягловой силы приходилось использовать диких ослов. Главной боевой силой в шумерском войске всегда оставалась пехота. О том, как обстояло дело в этой области в последующий период аморейских царств, мы знаем не так уж много, но почти наверняка можно утверждать, что лошади в военных целях не применялись. Ассирийские торговцы в Каппадокии использовали лошадей как тягловую силу, но колесницы у них по-прежнему были старого шумерского образца (четырехколесные). Запряженная лошадьми легкая колесница со спицевыми колесами впервые появилась только после падения аморейских царств. В Вавилонии касситского периода, в Египте XVIII династии и в молодом царстве Митанни такие колесницы возникли примерно в одно и

то же время, и появление их вызвало настоящую революцию в военном деле. Отныне решающим фактором в сражении стала скорость.

Ответить на вопрос о причинах появления этого неожиданного нововведения нам помогают богазкёйские архивы: в них обнаружился трактат о выезде и акклиматизации лошадей, записанный на четырех табличках неким Киккули из Митанни и содержащий некоторые специальные термины из языка, родственного санскриту. На этом языке говорили арии Северной Индии. Из других текстов нам известно, что правители Митанни поклонялись индоарийским божествам — Индре, Варуне и богам-близнецам Насатьям; и таково же было происхождение их личных имен. Следует сделать вывод, что с этим арийским племенем в Западную Азию пришли мастера-коневоды, от которых местные народы и переняли искусство разведения лошадей. Примечательно, что имена индийских божеств входят в состав личных имен касситских правителей Вавилонии, хотя в прочих отношениях касситский язык не имеет ничего общего с наречием ариев.

При Суппилулиуме и его преемниках Хеттская империя также приобщила к этому искусству. Наглядное представление о хеттской армии того периода можно создать по египетским рельефам, на которых изображены сцены великой битвы при Кадеше. Здесь сразу бросается в глаза, что колесницы хеттов действительно не имели себе равных. Но вопрос о том, был ли этот вид вооружения столь же развит в эпоху Древнехеттского царства, остается открытым. С одной стороны, сообщается, что при осаде Уршу, которая, как мы помним, имела место в ходе одной из ранних кампаний, в битве участвовало 80 колесниц. Но текст, в котором мы находим это указание, не документ, а лите-

ратурное произведение, относящееся, по-видимому, к более позднему времени. Трактат Киккули был написан еще позже, а хетты едва ли стали бы нанимать митанийского специалиста, если бы к тому времени уже сами освоили искусство выездки лошадей. Впрочем, как бы то ни было, в своем описании хеттской армии мы сосредоточимся исключительно на периоде империи, от которого сохранилось столь впечатляющее свидетельство, как египетские рельефы.

Хеттская колесница отличается по конструкции от египетской. У той и у другой — колеса с шестью спицами. Но египетская колесница рассчитана на двух седоков — возницу и бойца, а хеттская, несколько более массивная, — на трех, так как функции нападения и обороны были разделены между двумя бойцами. Оружием нападения служили копья и луки. Наряду с прямоугольными использовались щиты, напоминающие по форме широкое двойное лезвие боевого топора; такой щит держали вертикально (фото 3). Благодаря дополнительному бойцу хеттская колесница получала преимущество в ближнем бою, который мог последовать за первой атакой.

Пехота в хеттской армии, несомненно, превосходила колесницы по численности, но в бою на открытой местности, к которому хетты всегда стремились принудить своего врага, она играла лишь вспомогательную роль. На египетских рельефах пехотинцы изображены не в сражении, а стоящими вокруг крепостных стен Кадеша на охране царя и обоза.

Таковы были главные роды войск в хеттской армии. Конницы у хеттов не было, хотя в отдельных случаях упоминаются верховые гонцы. Иногда для внезапных атак применялись подвижные отряды «суту» — по-видимому, наемных легковооруженных лучников. В связи с возведением фортификаций время от времени упо-

минаются саперы. Обозы, как свидетельствуют изображения на египетских рельефах, составлялись из массивных четырехколесных повозок, запряженных волами, и тяжело груженных ослов. Флотом хетты не располагали, и остается неясным, какие суда использовались для сообщения с островом Кипр, который, по всей вероятности, находился под хеттским контролем.

Что касается экипировки хеттских пехотинцев, то египетские рельефы здесь вступают в противоречие с собственно хеттскими памятниками. На первых хетты изображены в длинных свободных одеяниях с короткими рукавами. А на анатолийских памятниках воины (и божества-воители) облачены в короткие рубахи наподобие туник, подпоясанные на талии и достигающие только до колена, а иногда — только в юбки, похожие на шотландский килт, причем торс остается обнаженным. Высказывалось предположение (впрочем, чисто умозрительное), что длинная одежда, изображенная на египетских рельефах, — это своего рода униформа, в которую хетты облачались на время походов через жаркие сирийские равнины.

Самое интересное и примечательное изображение хеттского воина — горельефная фигура на внутренней стороне огромной монолитной створки так называемых Царских ворот в Хаттусе (фото 4). На этом стражнике — только подпоясанная юбка и шлем; вооружен он коротким мечом и боевым топором. Юбка воина представляет собой простой кусок ткани, обернутый вокруг бедер; кромка этого полотнища обозначена на изображении косой полосой, идущей книзу от пояса. Юбка украшена горизонтальными полосами, в орнаменте которых косые линии чередуются со спиральными завитками. Шлем снабжен наушниками, плюмажем и длинным назатыльником. Рукоять меча vyplнена в форме полумесяца, клинок слегка изогнут,

а ножны оканчиваются резким изгибом кверху. Лезвие боевого топора вырезано по форме человеческой руки, зажавшей рукоять между большим и указательным пальцами; режущий край образует округлую выпуклость над «запястьем». Само местонахождение данного рельефа позволяет с уверенностью утверждать, что перед нами — типичный хеттский воин в боевом облачении. Много общего у этого воина с одной бронзовой статуэткой неизвестного происхождения (фото 5a): юбка такого же покроя, обнаженный торс и следы шлема, некогда венчавшего голову; правда, на ногах у воина со статуэтки заметна обувь, а воин со створки Царских ворот, скорее всего, босоног. Топор и меч, подобные тем, что изображены на рельефе Царских ворот, были найдены при раскопках в Бейсане (Палестина); топоры такого же типа встречались и в персидской области Луристан.

В отличие от этих воинов хетты, изображенные на египетских рельефах, вооружены длинными копьями. Данный вид оружия встречается и на анатолийских памятниках, но главным образом на тех, что были возведены уже в неохеттский период, после падения империи. Возможно, эти расхождения объясняются неоднородностью культур, входивших в состав Хеттского царства.

Следует иметь в виду, что армия, выступившая против египтян при Кадеше, была самой мощной из всех, что когда-либо удавалось собрать хеттским царям. На эту величайшую в истории хеттов военную кампанию царь Муватали призвал войска из всех союзных и зависимых государств, связанных соответствующими статьями договоров. В обычных походах хетты, как правило, обходились собственными силами и поддержкой стран, расположенных вблизи места сражения.

В покоренных городах, по всей вероятности, оставался небольшой гарнизон, некоторую часть которого составляли наемники, однако о методах его рекрутирования нам почти ничего не известно. Дезертирство считалось тяжким преступлением, и начальнику гарнизона четко предписывалось сообщать обо всех таких случаях во дворец.

2. ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ

Сезон военных кампаний приходился на весенние и летние месяцы; зимним операциям препятствовали обильные снегопады на Анатолийском плоскогорье. Ежегодно с наступлением весны рассматривались знамения, и если они предвещали удачу, то царь отдавал приказ о мобилизации, назначал время и место сбора и лично выступал в поход во главе войска. Как правило, кампания продолжалась все лето. С приближением осени военачальники нередко говорили царю, что «год слишком короток» и времени хватит лишь на мелкие операции, по завершении которых воины возвращались по домам, на зимние квартиры.

Хеттские цари были искусными стратегами и тактиками. Они всегда стремились напасть на вражеское войско врасплох на открытой местности, где непобедимые хеттские колесницы можно было пустить в ход с полной отдачей. Единственное спасение для неприятеля заключалось в том, чтобы уклониться от решительного сражения, рассредоточить свои войска и перейти к партизанской войне. В этом отношении великий поход в Месопотамию, который Суппилулиума совершил в начале своего правления, обернулся для хеттского царя стратегической неудачей, ибо он прошел мимо митаннийской столицы в глубь Сирии, так

и не встретившись с армией Митанни. Зато в «Анналах Мурсили II» сохранилось краткое описание удачной военной операции:

«Как только я услышал эти слова [имеется в виду донесение о замысле некоего Питтаггаталли, намеревавшегося не допустить хеттское войско в город Сапиддува], я устроил лагерь в Алтанне и оставил там обоз; войску же я приказал заранее построиться в боевой порядок. И поскольку [у неприятеля] были сторожевые заставы, то если бы я попытался окружить Питтаггаталли, дозорные заметили бы меня, и тогда он не стал бы меня дожидаться и ускользнул бы до моего прихода. Поэтому я обратился лицом в противоположную сторону, к Питтапаре. Но когда наступила ночь, я развернулся и двинулся на Питтаггаталли. Я шел всю ночь без остановки, и рассвет застал меня на окраине Сапиддувы. Как только взошло солнце, я выступил против него на битву; и те 9000 человек, которых Питтаггаталли привел с собой, вступили против меня в битву, и я сражался с ними. И боги стояли рядом со мной, величавый бог грозы, господин мой, и богиня солнца из Аринны, госпожа моя, <...> и я сокрушил врага».

Если хеттам не удавалось застать неприятеля врасплох, тот нередко успевал укрыться в крепости или засесть на вершине горы. Тогда принудить его к капитуляции можно было лишь продолжительной осадой.

О том, каким способом хетты вели осаду, мы знаем не так уж много, но, без сомнения, в этом деле они были мастерами. В противном случае царь Суппилиума едва ли смог бы взять столь мощную твердыню, как Каркемиш, всего через восемь дней осады. Единственное указание на технику осадного дела

мы встречаем в повествовании об осаде Уршу, где упоминаются таран и «гора» — крепостной вал наподобие того, каким позднее пользовались римляне для подведения осадных машин к стенам.

О том, сколь искусны были хеттские цари в тактике ведения боя, лучше всего свидетельствует подробно описанное в одном египетском тексте сражение при Кадеше. Хеттской армии в Кадеше удалось укрыться от египетских разведчиков. Ничего не подозревающие египтяне подошли к городу и принялись разбивать лагерь. В это время отряд хеттских колесниц незаметно для неприятеля покинул город через противоположные ворота, переправился через реку Оронт и нанес сокрушительный удар по центру египетской колонны. Вероятно, египетская армия была бы полностью уничтожена, если бы в этот момент на выручку ей не подоспел отдельный полк, который двигался к Кадешу с другой стороны и, в свою очередь, застал врасплох хеттов, разорявших лагерь. Благодаря этой счастливой случайности египетский фараон спас остатки своей армии и сумел представить своим подданным битву с хеттами великой победой, но обмануть беспристрастных исследователей ему не удалось.

3. ОБОРОНА

Искусством обороны хетты владели в таком же совершенстве, как и стратегией и тактикой нападения. Находки археологов наглядно свидетельствуют о том, насколько мощными укреплениями были окружены хеттские города.

Богазкёй почти со всех сторон был защищен природными укреплениями — глубокими ущельями и скалами; но открытый сектор на вершине горы огороди-

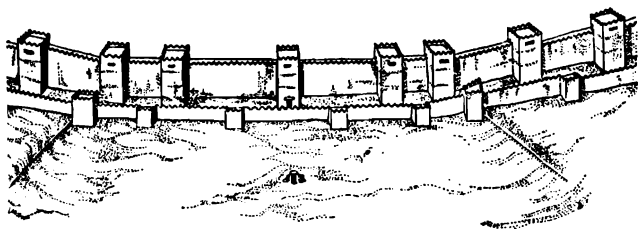

Рис. 3. Крепостные стены (реконструкция) и выход из туннеля.
Богазкёй

ли массивными стенами, остатки которых сохранились и по сей день. Укрепления были двойные: перед главной линией стен, примерно в 6 метрах от них, проходило невысокое вспомогательное ограждение. Главная стена состояла из двух слоев кладки, соединенных поперечными стенками; образованные ими прямоугольные ячейки были заполнены щебнем. Таков типичный для хеттов метод строительства оборонительных стен. Внешний слой стены особенно прочен: он сложен из массивных камней неправильной формы (предпочтение отдавалось камням, близким по форме к прямоугольнику или пятиугольнику) длиной от 0,3 до 1,5 м, плотно подогнанных друг к другу, но не скрепленных строительным раствором. Каменную стену когда-то венчала кирпичная надстройка, но до наших дней она не сохранилась. Оба ограждения — и главное, и вспомогательное — укреплены выступающими за линию стен прямоугольными башнями, отстоящими друг от друга приблизительно на 30 м; каждые из трех ворот фланкированы гигантскими блоками каменной кладки, выступающими внутрь ограждения. Обе стены покоятся на высоком крепостном валу, передняя сторона которого облицована камнем. К воротам ведут крутые скаты, тянущиеся вдоль наружного ограждения; на уровне верхнего края внешней стены скат рез-

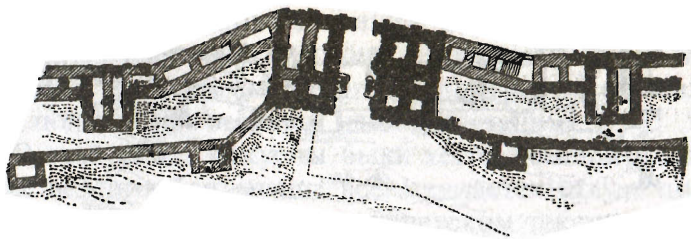

Рис. 4. План ворот. Богазкёй

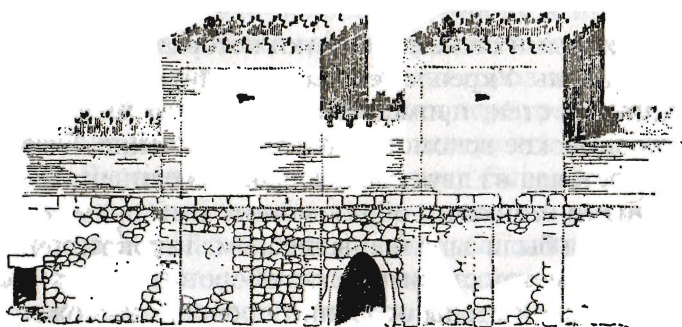

Рис. 5. Ворота, внутренняя сторона (реконструкция). Богазкёй

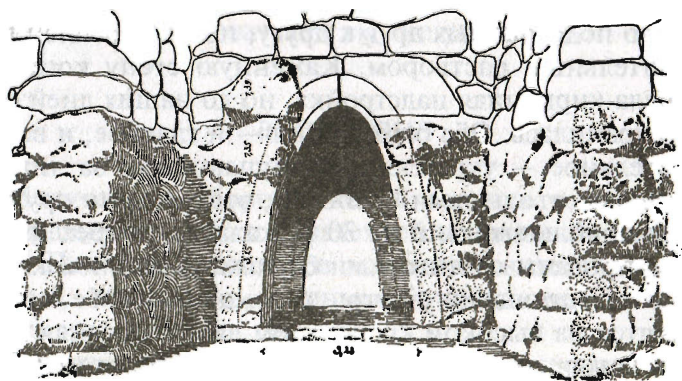

Рис. 6. Ворота, наружная сторона (реконструкция). Богазкёй

ко переходит в площадку шириной около 6 м, по сторонам которой высятся огромные привратные башни; внешние ворота отодвинуты вглубь, за линию наружного ограждения, более чем на 4 м, а внутренние представляют собой проем в главной стене. Кроме того, под крепостным валом проходил туннель, позволявший защитникам города совершать внезапные вылазки. Оборонительная мощь этой системы укреплений настолько очевидна, что трудно понять, каким образом неорганизованным варварским племенам удалось несколько раз захватить и разграбить город. (Рис. 3—6 и фото 7.)

Городская стена, обнаруженная при раскопках в Алишаре (неподалеку от Богазкёя), имела схожее устройство, но вместо башен-бастионов здесь применили менее удачную зубчатую (ступенчатую) конструкцию, при которой анфилада открывается только в одном направлении. А стена небольшой крепости на вершине Юмюк-тепе близ Мерсина в Киликии — почти точная копия главной богазкёйской стены, только каменная кладка здесь не столь массивна.

Как уже упоминалось, до нас дошли инструкции, адресованные командиру, возглавлявшему гарнизон приграничной крепости. В число его сугубо военных обязанностей (гражданские перечислены в предыдущей главе) входили расстановка часовых для наблюдения за дорогами, запираение ворот на ночь, своевременный ремонт укреплений и поддержание запасов пищи, воды и дров. К сожалению, большая часть пунктов, в которых изложены эти предписания, дошли до нас в плохом состоянии, и процитировать их дословно мы не можем.

Политика позиционной обороны проводилась главным образом на северной и юго-западной границах — в тех областях, где были обнаружены города-крепости.

Именно в этих направлениях Хеттское царство граничило с суровыми гористыми районами, от завоевания которых хетты отказались, предпочтя удерживать обитавшие там дикие племена на почтительном расстоянии. А от более цивилизованных соседей (Арцавы на западе и Египта на юго-востоке) страну Хатти отделяли зависимые «буферные государства», защищавшие ее территорию от внезапного нападения.

4. ЗАКОНЫ ВОЙНЫ

Древнейшие хеттские цари завоевывали и грабили соседние земли без зазрения совести и в извинениях не нуждались; но к XIV веку до н. э., как мы уже видели, взаимосвязи между цивилизованными государствами окрепли, поэтому хеттские цари эпохи империи никогда не объявляли войну, не подыскав тому оправдания, даже если речь шла всего лишь о конфликте с безвестным племенным вождем у северной границы. Как правило, хеттский царь посылал неприятелю письмо с требованием выдать хеттских подданных, укрывшихся на его территории. Если требование не удовлетворялось, за первым письмом следовало второе, в котором царь возлагал вину за первый акт агрессии на неприятеля и объявлял, что небеса сами укажут правого в этом споре, даровав ему победу в испытании войной. Вот описание переписки такого рода, предварившей нападение на Хайясу в седьмой год правления Мурсили II:

«Покорив землю Типии, я послал письмо Аннии, царю Ацци, и написал ему: «Мои подданные, что решили к тебе, пока мой отец находился в земле Митани... [верни их мне]» [Один из списков документа

здесь обрывается, и далее мы цитируем по параллельному тексту, в котором содержится сильно пострадавшая от времени другая версия этого письма.]

Но царь земли Ацци написал мне в ответ <...> следующее: «Относительно того, что ты пишешь мне, — если бы [у меня были гражданские пленники], или кто-либо другой перешел ко мне, [я бы их не выдал], и если ты требуешь <...>».

Но я написал в ответ так: «Я пришел и встал лагерем у границы твоей страны, но я не нападал на твою страну и не захватывал ни гражданских пленников, ни коров, ни овец. Но ты возбудил ссору (?) [с моим величеством], и пришел [и напал на] землю Данкувы [и истребил ее жителей]. Посему боги встанут на мою сторону и решат дело в мою пользу».

В таком же духе выдержан вызов, который Мурсили послал царю Арцавы на третьем году своего правления:

«Мои подданные, что перешли к тебе, — когда я потребовал их обратно, ты мне их не вернул; ты называл меня ребенком и не принял меня всерьез. Вставай же! Сразимся, и пускай бог грозы, господин мой, разрешит наш спор!»

Самой изысканной апологией такого рода следует признать 326-строчный документ, который царь Хаттусили III написал после успешного свержения Урхи-Тешуба. Это произведение, свидетельствующее о высокоразвитом политическом сознании, мы подробно обсудим ниже.

Условия мирного договора с врагом зависели от того, сдался ли тот добровольно или сопротивлялся до последнего. Город, захваченный силой, считался за-

конной добычей победоносного войска; обычно его отдавали воинам на разграбление, после чего сжигали дотла. Иногда руины такого города объявляли навеки проклятым местом и посвящали богу грозы в ходе торжественной церемонии. В дальнейшем это место считалось пастбищем божественных быков Сери и Хурри, а тех, кто осмелился бы нарушить запрет и поселиться здесь, ждала гибель. Выживших жителей разрушенного города переселяли вместе со скотом в Хаттусу, где распределяли как крепостных между хеттскими военачальниками и сановниками. Но, судя по всему, никакого иного вреда им не причиняли. Жестокость и страсть к пыткам, которыми, по свидетельствам хроник, отличались ассирийские цари, хеттам были совершенно чужды.

В случае, если неприятель быстро капитулировал, хеттский царь обычно довольствовался присягой на верность. Соображения, которыми он руководствовался в подобных ситуациях, наглядно иллюстрирует эпизод с Манапа-Даттой из «земли реки Сеха», прежде проявившим себя ненадежным союзником:

«Как только Манапа-Датта, сын Мувы-льва, услышал обо мне: «Его величество идет!» — он послал гонца мне навстречу и написал мне так: «[Господин мой], не убивай меня, но возьми меня в союзники; что же до людей, которые перешли ко мне, то я доставлю их моему господину». Но я ответил ему так: «Некогда твои братья изгнали тебя из твоей земли, а я препоручил тебя жителям Каркисы; я даже послал жителям Каркисы подарки от твоего имени. Но, несмотря на это, ты не последовал за мной, а последовал за Ухха-цити, моим врагом. Как же теперь мне взять тебя в союзники?» Я бы пошел дальше и уничтожил бы его, но он послал навстречу мне свою мать; и она пришла, и пала к моим

ногам, и сказала так: «Господин наш, не убивай нас, но возьми нас, господин, в союзники!» И поскольку женщина вышла навстречу мне и пала к моим ногам, я сделал одолжение этой женщине и не пошел в землю реки Сеха».

Приняв капитуляцию, хеттский царь прекращал военные действия против бывшего врага и заключал с ним договор, в соответствии с которым правитель неприятельского царства оставался на троне, но попадал в зависимость от хеттского царя и принимал на себя ряд обязательств. Жители побежденного царства в этом случае именовались «покоренными на месте». О типичных условиях таких договоров можно судить по следующим выводам, завершающим рассказ о завоевании Арцавы:

«Итак, я покорил землю Арцавы. И одних я взял в Хаттусу, а других покорил на месте и наложил на них дань войсками; и с тех пор они поставляли мне войска регулярно. И когда я покорил всю землю Арцавы, общее число гражданских пленников, которых я, мое величество, привел в свой царский дворец, составило 66 тысяч гражданских пленников; тех же гражданских пленников, волов и овец, что привели с собою в Хаттусу знатные люди, воины и колесничие, было не счесть. И когда я покорил всю землю Арцавы, я возвратился домой, в Хаттусу».

Глава VI

ЯЗЫКИ И НАРОДЫ

1. ПИСЬМЕННЫЕ ЯЗЫКИ

В 1919 году Э. Форрер заявил, что в языковом составе клинописных текстов из Богазкёя можно выделить восемь различных языков. С тех пор неоднократно выдвигались гипотезы о многоязычном характере Хеттской империи. До некоторой степени это верно, но утверждение Форрера не следует понимать в том смысле, что население Хеттского царства говорило на всех этих восьми языках или что все они представлены в текстах в равной мере. Для официальных документов хеттские цари использовали только два языка — хеттский и аккадский; кроме того, изредка встречаются тексты на хурритском языке. Что касается остальных языков, то три из них представлены лишь в форме отдельных фраз в составе религиозных текстов, а еще один удалось выделить лишь по нескольким специальным терминам в одном-единственном документе. Восьмой же язык — шумерский — присутствует лишь постольку, поскольку хеттские писцы составляли для личного пользования словари, основанные на шумерских словниках.

Рассмотрим основные характеристики этих языков.

Хеттский язык

Принадлежность хеттского языка к индоевропейской языковой семье продемонстрировал в 1915 году чешский ученый Б. Грозный. Гипотеза о том, что во 2-м тысячелетии до Рождества Христова население Малой Азии говорило на индоевропейском языке, показалась в то время невероятно смелой, и поначалу к ней отнеслись с большим недоверием; однако связь хеттского с другими языками этой семьи была доказана неоспоримо, и вот уже более 20 лет все исследователи, работающие в данной области, признают этот факт.

Связь эта очевидным образом проявляется в склонении имени существительного. В хеттском языке шесть падежей (именительный, винительный, родительный, дательный, отложительный и творительный); личные имена обладают также звательным падежом, выраженным чистой основой. Сходство падежных окончаний с соответствующими флексиями древнегреческого и латинского языков наглядно показано в следующей таблице:

Падеж	Окон- чание	Пример	Древнегреческий и латынь
Им.	-s	humant-s (хуманца)	λόγο-ς, νύξ, mont-s
Вин.	-(a)n ¹	humant-an (хумантан)	λόγο-ν, νύκτ-α, mont-em
Род.	-as	humant-as (хуманташ)	(λόγου), νυκτ-ός, mont-is
Дат.	-i	humant-i (хуманти)	λόγῳ, νυκτ-ί, mont-i
Отл.	-ts ²	humant-a-ts (хумантац)	ἐκ-τός, fundi-tus
Инстр.	-it	humant-it (хумантит)	? ?

¹ От -m (вокализованного); отсюда лат. -em и гр. -α.

² На письме — ζ.

В отличие от греческого и латинского хеттское имя существительное имеет только два рода, выражающие соответственно одушевленность и неодушевленность; имена прилагательные в неодушевленном роде имеют нулевую флексию в именительном и винительном падежах единственного числа. В склонении множественного числа сходство с индоевропейскими языками не столь заметно. Двойственного числа в хеттском языке нет.

Энклитичные личные местоимения *-mi* («ко мне»), *-ta* («к тебе») и *-si* («к нему») содержат те же согласные звуки, что и соответствующие латинские местоимения *-me* («мне»), *-te* («тебе») и *-se* («себе самому»).

Глагол имеет два залога — актив и медиопассив. Спряжение глагола в активном залоге разительно сходно со спряжением греческих глаголов на *-μι*.

Ед. ч.	1	-mi	ya-mi (иями)	τιθημι	
	2	-si	ya-si (ияси)	τιθης	
	3	-tsi	ya-tsi (ияци)	τιθητι	(дорийск.)
Мн. ч.	1	-weni	ya-weni (иявени)	τιθεμεν	
	2	-teni	ya-teni (иятени)	τιθετε	
	3	-ntsi	ya-ntsi (иянци)	τιθεντι	(дорийск.)

Существует также другой тип активного спряжения, до некоторой степени близкий к спряжению перфекта в других языках, но здесь сходство не столь очевидно, а признаков семантического различия между глагольными окончаниями двух этих типов не наблюдается.

С другой стороны, в лексике индоевропейский элемент проявлен относительно слабо. Этимология некоторых слов, несомненно, индоевропейская:

wātar — «вода»; греч. *ῥῥωρ* — «вода»;
akw-anzi — «они пьют»; лат. *aqua* — «вода»;
genu — «колени»; лат. *genu* — «колени»;
kwis — «кто»; лат. *quis* — «кто».

Однако большая часть словарного состава имеет неиндоевропейское происхождение. Вот лишь несколько примеров: *tanduki* — «род человеческий»; *totita* — «нос»; *kunna* — «правая (рука)»; *taptappa* — «гнездо»; *amiyara* — «канал».

С углублением наших познаний в хеттском языке развернулась широкая дискуссия о том, какое именно место он занимает в индоевропейской семье. Довольно скоро было замечено, что в хеттском отсутствуют основные признаки так называемых *satem*-языков (переход первоначального *k* — в *s*, *qu* — в *k*, а *e* — в *o* или *a*), из чего сделали вывод, что хеттский принадлежит к *centum*-группе (включающей латинский, греческий, кельтский и различные германские языки). Но дальнейшие исследования показали, что такое отнесение весьма сомнительно, и сейчас общим признанием пользуется версия, согласно которой хеттский язык относится к особой ветви индоевропейских языков, не совпадающей ни с одной из десяти ветвей, выделенных к настоящему времени. Многие ученые идут еще дальше. Там, где в языках прочих десяти ветвей образовались общие инновации, в хеттском языке сохранились следы архаических форм, и на этом основании высказывают гипотезу, что хеттская ветвь отделилась от праязыка раньше прочих. Но другие исследователи не соглашались с таким предположением, и вопрос этот до сих пор остается в высшей степени спорным.

Следует отметить, что в известном отношении хеттский язык оказал индоевропеистике важную услугу. Издавна считалось, что различные формы, которые

приобретают определенные слова в различных языках, можно удовлетворительно объяснить только допущением, что все эти языки утратили определенные гортанные (ларингальные) звуки, первоначально присутствовавшие в праязыке. Однако в хеттском языке буква *h* часто встречается в позициях, точно соответствующих тем, где в других языках предположительно утратился гортанный звук, и этот факт, вне зависимости от его детальной интерпретации (к примеру, от того, как именно произносилась эта буква *h*), нанес сокрушительный удар по так называемой «ларингальной» теории в целом.

Распознать истинную природу этого языка первым дешифровщикам помешали особенности хеттского письма. Заимствованная хеттами клинопись представляла собой слоговое письмо: каждый знак читался как слог, состоящий из сочетания «гласный+согласный», «согласный+гласный» или «согласный+гласный+согласный». Такое письмо хорошо приспособлено к семитским языкам, где редко встречаются стечения более двух согласных, но в хеттском (как и в других индоевропейских языках) такие группы часты, и на письме хетты были вынуждены обозначать их сочетанием слоговых знаков, при последующем прочтении которых гласные опускались. Еще одно затруднение заключалось в том, что звонкие и глухие согласные (например, *d* и *t*, *b* и *p*, *g* и *k*) различались на письме не соответствующими знаками, как в аккадском (эти знаки хетты использовали беспорядочно), а при помощи такой условности, как удвоение букв для обозначения глухих согласных. В результате из-за обилия лишних гласных и согласных многие слова искажаются до неузнаваемости.

В связи с этим можно отметить еще одну особенность хеттского письма — аллографию, то есть прак-

тику обозначения произносимого слова на письме иным словом. Хеттские тексты изобилуют вставками аккадских и шумерских слов, причем последние, как правило, записываются одиночным знаком, опознать в котором «идеограмму» (точнее говоря, «шумерограмму») нередко удается лишь по контексту, так как подобный знак может совпадать с одним из тех, которыми обозначаются обычные слоги. Но при чтении эти «иностранные» слова, вероятно, не произносились (во всяком случае, шумерские не произносились наверняка), они просто обозначали соответствующее хеттское слово, которое следовало подставлять на их место. Несомненно, писцы пользовались этим приемом как своего рода скорописью. С точки зрения исследователя, он имеет как свои достоинства, так и недостатки. С одной стороны, тексты, содержащие много аккадских слов, можно частично перевести еще до расшифровки хеттских слов; но, с другой стороны, правила аллографии были, по-видимому, настолько жесткими, что многие употребительные хеттские слова (такие, например, как «женщина», «овца», «медь» и т. д.) вообще никогда не записывались фонетически, а потому до сих пор нам неизвестны.

Если же «иностранные» слова предназначались для буквального прочтения, то в текстах их предвещал значок, соответствующий нашим кавычкам. Определить, к какому языку принадлежит такое слово, нередко бывает затруднительно.

Современные ученые называли этот клинописный язык — официальный язык страны Хатти — «хеттским», и термин этот получил всеобщее признание; однако в строгом смысле слова он неточен. Дело в том, что в текстах словом *hattili* (буквально «на хеттском языке») предваряются фрагменты, написанные на совершенно ином языке, о котором речь пойдет в следующем раз-

деле. Обнаружив это, ученые принялись искать в текстах подлинное название официального языка. Но Грозный решил, что его следует называть «неситским» (т. е. языком города Неса), а Форрер отдал предпочтение термину «канишский» (т. е. язык города Каниш), и, поскольку к единому мнению прийти не удалось, термин «хеттский» так и остался общепринятым. Недавно было высказано предположение, что словом *nasili*, от которого Грозный произвел термин «неситский», в действительности обозначался некий иной язык и что в текстах название официального языка не встречается вовсе. Что же касается названия «канишский», то попытка его введения основана на том факте, что многие фрагменты на хеттском обозначены как слова некоего «певца из Каниша» (возможно, этот язык использовался в канишских религиозных обрядах).

Протохеттский (хаттский) язык

Этот язык присутствует в высказываниях жрецов в различных религиозных культах, в том числе культах главных божеств хеттского пантеона. Но все подобные высказывания очень кратки, и, для того чтобы ясно воссоздать структуру или словарь языка, этого материала недостаточно. По-видимому, для данного языка было характерно обильное использование префиксов (к примеру, множественное число от слова *binu* — «ребенок» — образуется с помощью префикса *lē* — *lēbinu*). Установить, с какой языковой группой он мог быть хотя бы отдаленно связан, пока не удалось.

Как уже отмечалось, фрагменты, записанные на этом языке, предваряются в текстах словом *hattili*. Во избежание путаницы с официальным хеттским большинство ученых согласились называть этот язык про-

тохеттским, однако данный термин условен: ведь перед нами — не ранняя форма хеттского, а совершенно иной язык, с хеттским никак не связанный. Название «хаттский» следует признать более удачным, так как оно произведено непосредственно от наречия *hattili* (ср. «лувийский» — от *luwili*; см. следующий раздел).

Лувийский язык

Этот язык тесно связан с хеттским, но отличается от него, среди прочего, избытком гласных *a* и тем, что множественное число имен существительных, местоимений и прилагательных в лувийском образуется с помощью флексии *-nzi* (произносившейся, вероятно, как «-нц»), а не *-es*, как в хеттском. Однако главная особенность лувийского языка состоит в том, что зависимость одного существительного от другого выражается в нем не родительным падежом, как в других индоевропейских языках, а с помощью притяжательного прилагательного, которое образуется присоединением суффикса *-sas* (со значением «принадлежащий ему») к зависимому существительному. Именно так образуются топонимы: к примеру, названия «Даттасса» и «Тархунтасса» означают «принадлежащий (богам) Датте и Тархунду». Это позволяет прояснить смысл многих известных по греческому периоду топонимов, оканчивающихся на *-assos*. Лувийский язык тоже встречается лишь в сравнительно кратких высказываниях жрецов в ритуалах, посвященных некоторым божествам, но материал этот обширнее, чем в случае с хаттским языком. Высказывания на лувийском предваряются в текстах наречием *luwili*, от которого и произведено название данного языка.

Палайский язык

Об этом языке, встречающемся лишь в ритуалах одного-единственного божества, Ципарвы, мы знаем еще меньше. Название его произведено от наречия *palaumnili*. Не так давно исследователи установили, что палайский, подобно хеттскому и лувийскому, принадлежит к индоевропейской языковой семье.

Хурритский язык

Материал для изучения хурритского языка несравненно более обилён. В текстах из Богазкёя хурритские фрагменты в ритуалах встречаются очень часто, и, более того, удалось обнаружить несколько полных текстов на хурритском, в том числе переводные фрагменты эпоса о Гильгамеше — величайшего из литературных памятников вавилонской цивилизации. Однако главным источником для исследования хурритского языка по-прежнему остается письмо, написанное царем Митанни Тушраттой египетскому фараону Аменхотепу III около 1400 года до н. э. и найденное на раскопках в Эль-Амарне. Этот документ содержит около 500 строк связного текста, дошедшего до нас в хорошем состоянии. Недавно были обнаружены и другие хурритские тексты — в Телль-Харири (древнее царство Мари) в среднем течении Евфрата (около 1750 года до н. э.) и в Рас-Шамре (Угарит) на побережье Сирии. Непосредственно от хурритского произошел язык царей Урарту, известный нам по царским надписям, выполненным ассирийской клинописью в VII веке до н. э. О прочих родственных связях хурритского языка нам ничего не известно. Характерная его особенность — изобилие суффиксов — коренным образом отличает

его от другого языка с неизвестным родством — протохеттского. Не исключено, что со временем обнаружится связь хурритского с малоизвестными языками народов Кавказа.

Название этого языка почерпнуто из хеттских текстов, где фрагменты на хурритском обычно предваряются особыми формулами: «...певец земли Хурри поет так» или «певец поет так *hurlili*» (по какой причине в это наречие вставлена дополнительная буква *l*, мы не знаем).

Арийский (индоиранский) язык правителей Митанни

В уже упоминаемом нами трактате о выезде лошадей, составленном Киккули из Митанни, встречаются некоторые специальные термины, при анализе которых выявились элементы, тесно связанные с санскритскими числительными:

aika-wartanna — «один поворот». Ср. санскр. *eka vārtana-m* — «один поворот»;

tēra-wartanna — «три поворота». Ср. санскр. *tri vārtana-m* — «три поворота»;

panza-wartanna — «пять поворотов». Ср. санскр. *pañca vārtana-m* — «пять поворотов»;

satta-wartanna — «семь поворотов». Ср. санскр. *sapta vārtana-m* — «семь поворотов»;

navartanna — «девять поворотов». Ср. санскр. *nava vārtana-m* — «девять поворотов».

Текстов на этом языке нет, однако эти несколько слов свидетельствуют, что в хеттские времена на нем говорили. Ниже мы покажем, что это был язык правителей Митанни. Поэтому можно было бы называть его

«митаннийским», если бы прежде этим термином не обозначали хурритский язык. Форрер, отождествивший царей Митанни с *Umman Manda* из некоторых вавилонских и ассирийских текстов, изобрел для этого языка название «мандейский», но оно так и не прижилось. Удовлетворительного наименования данный язык не получил до сих пор.

Аккадский язык

Это общепринятое ныне название хорошо изученного языка Вавилонии и Ассирии; хетты, однако, называли его «вавилонским». В древности на Ближнем Востоке аккадский язык широко применялся в дипломатической переписке и международных документах. В общении со своими южными и восточными соседями хеттские цари следовали этой традиции. Поэтому многие хеттские договоры и письма написаны полностью на аккадском языке и были переведены задолго до того, как удалось расшифровать основные тексты из Богазкёя. Кроме того, как уже упоминалось, аккадские слова в форме аллографов часто встречаются в текстах, написанных на хеттском языке.

Шумерский язык

Это древнейший язык Нижней Месопотамии. Ко времени образования Хеттского царства он уже вышел из разговорного употребления, однако и в Хаттусе, и в Вавилонии его активно изучали, о чем свидетельствуют, среди прочего, обнаруженные при раскопках шумерско-хеттские словари. Шумерские слова в большинстве своем односложны, и многие из слоговых

обозначений, принятых в хеттской клинописи, в действительности представляли собой шумерские слова, значение которых к тому времени уже забылось. Поэтому знаток шумерского языка мог использовать одиночные знаки как «идеограммы» для передачи того или иного значения, экономя тем самым время, которое иначе пришлось бы потратить на запись значительно более длинного хеттского или аккадского слова. Таким образом, шумерский язык играл роль скорописи, и образованные хеттские писцы часто прибегали к этой разновидности аллографии.

Таковы восемь языков, встречающихся в клинописных текстах на глиняных табличках из Богазкёя-Хаттусы. Но наш обзор письменных хеттских языков не будет полным, если мы не уделим внимания еще одному из них — иероглифическому.

Хеттский иероглифический (табалский) язык

Историю открытия хеттских иероглифических надписей мы изложили во введении к этой книге. Почти все они высечены на скальных рельефах или каменных (чаще всего базальтовых) памятниках. Исключение составляют лишь несколько надписей на печатях и семь свинцовых полос из Ашшура, свернутых в форме иероглифических знаков, отчет о которых был опубликован в 1924 году. Древнейшей известной нам формой монументальной письменности такого рода были рельефные, выпуклые иероглифы; позднее на их основе развилась курсивная форма письма. Сами по себе знаки представляют собой пиктограммы; предметы, обозначаемые ими, во многих случаях легко узнаваемы. Обширный класс знаков образуют части человеческого тела — кисти рук в различных положениях,

лица (всегда изображаемые в профиль), ноги и ступни; встречаются также головы различных животных (быков и коров, лошадей, собак, свиней, львов, оленей, зайцев, птиц и рыб), предметы мебели (стулья, столы) и части зданий, среди которых следует отметить тщательно прорисованный фасад двухэтажного дома. Принятым способом письма был бустрофедон¹: 1-я строка читалась справа налево, 2-я — слева направо, 3-я — снова справа налево и т. д.; таким же способом читаются древнегреческие надписи с Ионийского побережья. Данную форму письменности хетты, вне сомнения, изобрели самостоятельно: влияние египетской иероглифики имело лишь самый общий характер. Это одна из нескольких новых форм иероглифического и клинописного письма (среди которых была и та, что впоследствии породила современные европейские алфавиты), возникших в середине 2-го тысячелетия до н. э., когда активизировалось международное взаимодействие в странах Леванта, где входили в соприкосновение древние культуры Нила и Евфрата. (Фото 26.)

Первых успехов в дешифровке хеттских иероглифов ученые добились лишь несколько лет назад; но теперь, по крайней мере, ясно, что язык этих надписей тесно связан с хеттским, лувийским и палайским (хотя и не тождествен ни одному из них), но еще теснее — с ликийским языком, известным нам по надписям греческой эпохи. Гипотеза о том, что иероглифический хеттский относится к группе *satem*-языков, опирается лишь на спорную интерпретацию одного-единственного знака и нуждается в дальнейшем подкреплении.

Большинство надписей на памятниках, выполненных этим письмом, были сделаны уже после падения

¹ Б у с т р о ф е д о н — греческое слово, буквально означающее «на манер пахоты на быках».

Хеттской империи. Но хеттские иероглифы использовались и раньше. Правда, к периоду расцвета Хатти относится лишь несколько достаточно длинных надписей, и мы не можем утверждать наверняка, что язык их тождествен языку неохеттских памятников; но исследования последних лет свидетельствуют в пользу этого тождества, а следовательно, иероглифический хеттский также следует включить в число языков, которыми пользовались писцы Хеттской империи. Иероглифы не только применялись для длинных надписей, но и регулярно служили для обозначения имен хеттских царей (как своего рода монограммы) на каменных памятниках и на печатях. Не исключено, что в действительности они использовались гораздо шире, чем может показаться исследователю сохранившихся свидетельств: выдвигалась гипотеза, что иероглифами писались все административные документы Хеттского царства; документация велась на деревянных дощечках, а потому до наших дней не дошла.

Древнее название этого языка в текстах не зафиксировано. Форрер назвал его «табалским», так как большая часть этих надписей обнаружена в области, которая в ассирийскую эпоху именовалась «Табал» (в Ветхом Завете — «Тувал»). Но большинство других исследователей отдали предпочтение довольно громоздкому обороту «хеттский иероглифический язык».

2. Разговорные языки

Теперь настало время перейти к вопросам о том, кто, где и когда говорил на этих языках.

Аккадский и шумерский языки в этом отношении проблем не вызывают: их родина и история нам изве-

стны, а в Хаттусе они использовались только в письменной форме.

Не возникает затруднений ни с хурритским языком, ни с арийскими терминами из коневодческих текстов, автор которых был хурритом из Митанни. Известно, что с 2300 года до н. э. и далее хурриты постепенно мигрировали к югу и западу из первоначальных мест своего обитания — горного района к югу от Каспийского моря и что во 2-м тысячелетии до н. э. они основали несколько могущественных государств в верхнем течении Евфрата и Хабура. Во главе одного из этих царств, Митанни (языком дипломатической переписки которого, как мы видели, был хурритский), стояла династия царей, имена которых имеют арийскую этимологию; кроме того, в пантеоне Митанни важное место занимали индийские божества — Индра, Варуна и прочие. Из этого явствует, что основное хурритское население Митанни находилось в зависимости от правящего класса индоарийского происхождения. На территориях, впоследствии попавших в орбиту хеттского господства, оба эти языка распространились сравнительно поздно, и обилие хурритских текстов в архивах Хаттусы объясняется только тем, что до воцарения Суппилулиумы держава Митанни была чрезвычайно влиятельной.

Иначе обстоит дело с остальными пятью языками: хаттским и четырьмя тесно связанными между собой индоевропейскими языками — хеттским, лувийским, палайским и «хеттским иероглифическим». Есть основания полагать, что к моменту написания известных нам текстов хаттский язык был уже мертвым, так как многие хаттские фрагменты сопровождаются вспомогательным подстрочником на хеттском языке. Название *hattili* указывает на то, что родиной этого языка была «земля Хатти» в узком смысле слова, и подтвер-

ждением тому служат древние топонимы этого региона. Однако именно в этой области в эпоху Хеттского царства должны были говорить собственно на хеттском языке, и мы вправе заключить, что хаттский язык был вытеснен языком индоевропейских завоевателей.

Недавно было высказано предположение, что ко времени написания текстов из Богазкёйского архива хеттский язык также утратил роль разговорного и был вытеснен «хеттским иероглифическим» (или, что менее вероятно, лувийским), точно так же, как аккадский впоследствии уступил место более гибкому арамейскому. В период поздней империи, вероятно, так и случилось, хотя вплоть до правления Суппилулиумы хеттский язык продолжал развиваться, а следовательно, оставался в устном употреблении. Трудно представить себе, чтобы цари и царевичи поздней эпохи воздвигали по всей стране памятники с надписями на языке одной из провинциальных областей, слабо развитой в культурном отношении; гораздо более вероятно, что в народе или даже в среде правящей знати «иероглифический хеттский» язык действительно стал разговорным. Однако эта теория подвергается жесткой критике, и ее, очевидно, признают несостоятельной, если обнаружатся указания на то, что собственно хеттский язык продолжал развиваться и в более поздние времена. Пока что этот вопрос не решен окончательно.

Согласно свидетельствам, имеющимся в нашем распоряжении на сей день, родиной «иероглифического хеттского» языка была Киццуватна, так как древнейшая надпись, выполненная этим письмом, содержится на печати Испутасу, царя Киццуватны, обнаруженной в Тарсе экспедицией мисс Голдман в 1935 году. Более того, в этой надписи присутствует имя Тархунда — бога грозы, которому предстояло заместить само-

го Тесуба в роли главы неохеттского пантеона. Если теория, изложенная в предыдущем абзаце, верна, то следует сделать вывод, что в эпоху поздних царей Хаттусы этот язык (без своих исконных носителей) распространился на север через Таврские хребты. В бурном XII веке до н. э. в Киликии, по-видимому, обосновалась одна из этнических групп, известных египтянам под названием «народы моря», а прежние обитатели Киццуватны были вынуждены отступить к востоку, в Сирию. Дело в том, что в киликийском царстве Куэ (IX—VIII вв. до н. э.) иероглифическим хеттским письмом не пользовались, и жители его, судя по всему, не были причастны к развитию хеттских культурных традиций. Вопрос о том, как связано царство Куэ с народом *Dnnum* («данунейми»), упомянутым в надписи из Кара-тепе, остается открытым.

Лувийский был разговорным языком в области Лувия, входившей в состав царства Арцава, которое, по нашим сведениям, находилось где-то на западном или юго-западном побережье Малой Азии. В этой области весьма распространены топонимы с окончанием *-assa*, восходящие, как мы видели, к лувийскому языку. Лувия граничила с Киццуватной, так как в лувийском пантеоне важное место занимают боги Тархунд и Санта (Сандон), а создателем одного из лувийских ритуалов назван человек из Киццуватны; этот факт должен найти отражение в тесной связи лувийского языка с «хеттским иероглифическим».

Наиболее вероятным местонахождением земли Пала, где говорили на палайском языке, считается область на севере Каппадокии между современным Кайсери и Сивашем, однако этот вопрос остается одной из самых сложных проблем хеттской географии. Некоторые ученые отождествляют Палу с античной Блаэной на крайнем северо-западе Анатолии.

Глава VII

РЕЛИГИЯ

1. ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

В предыдущих главах мы показали, как изолированные анатолийские города-общины объединились под властью царей Хаттусы в некое подобие единого государства, сохранив при этом многие местные традиции и частичное самоуправление. В религиозной сфере каждая община также, по-видимому, удерживала независимость, так как централизация власти в Хаттусе носила по преимуществу административный и военный характер. Местные святилища продолжали функционировать по-прежнему, местные культы не претерпели никаких изменений. Цари не только не пытались ограничить влияние местных культов, но и поддерживали их, сохраняя, однако, за собой роль верховного жреца государства. В этом качестве царь ежегодно совершал путешествие по стране, посещая важнейшие культовые центры и лично возглавляя праздничные церемонии. Уход за храмами и своевременный их ремонт входили в число главных обязанностей наместников и начальников гарнизонов, поэтому очевидно, что на местах были заинтересованы в росте общегосударственной стабильности и благосостояния.

В то же время централизация власти неизбежно порождала тенденцию к синтезу. Высшие акты го-

сударственной власти должны были скрепляться торжественной клятвой всеми богами и богинями страны; с этой целью хеттские писцы составляли перечни всех местных божеств, которых следовало упоминать в текстах договоров и царских указов. В процессе синкретизации божества со схожими функциями объединялись в группы и отождествлялись друг с другом; так предпринимались попытки выработать упорядоченный пантеон. В то же время государство и монархия были помещены под покровительство особой группы великих общегосударственных божеств, в честь которых в столице проводили изысканные, сложные ритуалы.

Существование этого государственного культа подтверждается множеством сведений из богазкёйских табличек, а религиозные представления, лежавшие в его основе, раскрываются в молитвах различных членов царского дома и тщательных инструкциях, адресованных жрецам и храмовым прислужникам. Кроме того, сохранились чрезвычайно интересные мифологические поэмы, в которых характеры божеств обрисованы очень живо и ярко; но в большинстве своем эти божества не принадлежали к государственному культу (или же играли в нем совершенно иные роли, чем в мифологических сюжетах). Таким образом, эти мифы, очевидно, происходят от локальных культов, но место их происхождения нигде не указывается и о связанных с ними обрядах и ритуалах нам ничего не известно. С другой стороны, о прочих местных божествах и посвященных им культовых центрах мы не знаем почти ничего, кроме имен и названий.

Несколько прояснить этот вопрос нам помогают монументальные произведения искусства. В отличие от глиняных табличек памятники скульптуры распространены по всей территории Хеттского царства и по-

рой предоставляют нам непосредственные сведения о местных культах. Если в табличках содержатся только имена божеств и названия культовых центров, то на памятниках мы находим типизированные изображения божеств, связанных с определенной местностью. Отличительными признаками типов обычно служат: а) оружие или орудие труда в правой руке; б) символический предмет в левой руке; в) крылья или иные дополнительные детали; г) священное животное, на спине которого стоит божество. С точки зрения исследователей хеттской религии, основной недостаток этих памятников заключается в том, что большинство из них было воздвигнуто уже после падения Хеттской империи, в период, когда синкретические тенденции уже затронули не только столичный, но и большинство местных культов. Поэтому полагаться на свидетельства этих памятников можно с большой осторожностью. Из тех немногих монументов, что с уверенностью датируются эпохой империи, важнейшим является скальное святилище в Язылыкая (тур. «скала изваяний»), расположенное приблизительно в двух милях от Богазкёя. Стены естественного углубления в горном склоне здесь украшены горельефным изображением хеттских богов и богинь, которые шествуют двумя процессиями, встречающимися в центре дальней стены, напротив входа (фото 12 и 13). Это памятник государственной религии. Многие божества несут в руках символические предметы. Несмотря на то что за минувшие века рельеф сильно пострадал от выветривания, недавние достижения в расшифровке хеттских иероглифов обнаружили перед нами удивительный факт: оказывается, в XIII веке до н. э. теологи хеттской столицы восприняли хурритский пантеон. О том, при каких обстоятельствах и как именно это случилось, мы поговорим позднее.

2. МЕСТНЫЕ КУЛЬТЫ

Пантеон хеттской Анатолии возглавлял бог грозы, и это неудивительно, ибо, в отличие от засушливых равнин Месопотамии, Анатолийское нагорье — страна бурь и дождей. Сохранилось множество местных памятников с изображениями различных типов этого божества, а из текстов явствует, что культ бога грозы ассоциировался с очень многими городами. На памятниках сирийского искусства этот бог нередко изображается одиноко стоящим, с топором в правой руке и символической молнией — в левой; на анатолийских памятниках он едет по горам (изображенным в антропоморфном облике) на колеснице примитивного типа, запряженной быками. Бык — священное животное бога грозы, подчас замещавшее его на алтарных изображениях (как, например, на ортостатах из Аладжа-хююка; см. рис. 11). Образ бога грозы, стоящего на спине быка, по-видимому, появился позднее; в эпоху Римской империи он получил широкую известность под именем Юпитера Долихена.

В мифологии бог погоды предстает убийцей дракона Иллуянки (изложение мифа см. ниже).

Самые знаменитые храмы бога грозы были обнаружены в области Тавра и на равнинах Северной Сирии. К тому времени эти территории входили в состав Хеттской империи, преобладающую часть населения которой составляли хурриты; соответственно в этих районах поклонялись хурритскому богу грозы Тесубу и его супруге Хебат.

В хурритском пантеоне богиня Хебат (или Хепит) почти не уступает по значению своему мужу Тесубу. Этой божественной чете поклонялись в Алеппо, Самухе (современная Малатья), Кумманни (античная Комана), Уде (античная Гида), Хурме и Апцисне. Хебат

изображалась как степенная женщина без особых атрибутов, иногда стоящая на спине льва — своего священного животного. В Кумманни именно она возглавляет пантеон; и в связи с этим немаловажно, что Комана впоследствии стала культовым центром богини войны Ма-Беллоны. Однако в хеттскую эпоху богиня Кумманни не ассоциировалась с войной. Возможно, черты воительницы она приобрела позднее, под действием синкретических процессов.

Хурриты поклонялись также божественному сыну этой супружеской пары — Шарруме (или Шарме). Его отождествили с божеством, символом которого в изобразительном искусстве служит пара человеческих ног и который изображен на рельефах в Язылыкая дважды: в процессии богинь за спиной своей матери Хебат и на рельефе, украшающем малую галерею у входа в главное святилище, где он представлен в пропорциях крупнее натуральных и держит в объятиях царя Тудхалию IV (фото 15). В текстах этот бог упоминается главным образом в связи с городами Уда и Кумманни.

Важную роль в хурритском пантеоне занимала богиня Шаушка, отождествлявшаяся с Иштар и подчас фигурирующая в текстах под именем последней. Этой хурритской Иштар поклонялись в Самухе и в ряде других городов Таврского региона. Царь Хаттусили III вручил себя ее покровительству и посвятил ей свою так называемую автобиографию. Эта богиня изображалась крылатой и стоящей на спине льва; ее можно опознать в изображениях крылатой богини на некоторых памятниках и оттисках печатей. У Шаушки было две прислужницы — Нинатта и Кулитта.

Многие хурритские божества, культовые центры которых находились вне сферы хеттского влияния, так и не вошли в хеттский пантеон. Божеств Месо-

потамии (Ану и Уту, Эллиля и Наннара, Эа и др.) хетты также считали чужеземными, хотя и познакомились с ними при посредничестве хурритов.

К западу от страны хурритов, между южной оконечностью Соленого озера и подножием Тавра, находился ряд крупных городов, самым известным из которых была Тувана (античная Тиана). Здесь бога грозы почитали, вероятно, под другим именем, так как и его супруга здесь выступает не как Хебат, а как Сахассара, Хувассана или Тасими. По-видимому, этот район был культовым центром хаттского бога Вурункатти (букв. «царь страны»), который фигурирует в текстах под именем шумерского бога войны Цабабы.

Продвинувшись от Туваны к северу, мы окажемся в самом сердце Хеттского царства, на родине хаттов. Главным культовым центром здесь была Аринна — священный город, точное местонахождение которого неизвестно, но который, согласно текстам, находился в одном дне пути от Хаттусы. В Аринне верховным божеством была солнечная богиня Вурусему; бог грозы занимал второе место в пантеоне как ее супруг; почитались также их дочери Мецулла и Хулла и внучка Цинтухи. К востоку отсюда, по-видимому, располагался еще один важный культовый центр бога грозы — город Нерик. Бог Телепин, имя которого неразрывно связано с мифом об исчезающем боге (см. ниже), ассоциировался с четырьмя городами этого региона. Судя по всему, он был богом земледелия, так как его отец, бог грозы, говорит о нем следующее: «Этот сын мой могуч; он боронит и пашет, он орошает поля и возвращает урожай». В мифе о Телепине с исчезновением этого божества вся жизнь на земле замирает, а потому исследователи нередко причисляют его к классу «умирающих и воскресающих богов» — таких, как Адонис, Аттис или Осирис. Божества этой группы символизир-

Рис. 7. Бог на олене. Стеатитовый рельеф из Еникея

руют жизненную силу природы, угасающую зимой и возрождающуюся с приходом весны. Но, учитывая то, что аналогичную роль в хеттской мифологии играют бог грозы и бог солнца, разумнее будет предположить, что это и в самом деле всего лишь роль, которую могло исполнять любое божество, и что в культовых центрах различных богов независимо складывались различные версии этого мифа с соответствующим богом в главной роли.

В Сариссе, Карахне и, по-видимому, во многих других городах существовал культ бога, который фигурировал в текстах под эпитетом, означающим, вероятно, «дух-защитник» или «провидение». Если мы правильно отождествили этого бога с изображениями на памятниках, то он был покровителем дикой природы; и, действительно, в одном из текстов он описывается как «бог открытой местности». Он изображается стоящим на олене (своем священном животном) и держащим в руке зайца и сокола. Культ этого бога был очень популярен и, несомненно, восходил к глубокой древности, так как статуэтки оле-

ней встречаются в захоронениях, датируемых еще 3-м тысячелетием до н. э.

В хаттском пантеоне было еще множество богов, но мы не знаем о них почти ничего, только имена. Многочисленный класс, по-видимому, составляли горные божества.

О лувийском пантеоне известно не так уж много. Лувийским божеством был Санта («царь»), отождествленный хеттами с Мардуком; неясно, однако, каковы были его атрибуты. Бога грозы лувийцы почитали под именем Датты. К лувийскому языку следует отнести многочисленные имена божеств, оканчивающиеся на *-assas*, *-assis* и *-imis*, но все это скорее эпитеты, чем имена собственные. Санта сохранился вплоть до греческой эпохи под именем Сандона, которому поклонялись в Тарсе.

Бог Тархунд, позднее отождествленный с этрусским Тархоном, от имени которого произошло личное имя Тарквиний, также был богом грозы, но в каких слоях населения его почитали, остается неясным. Он возглавлял пантеон неохеттских царств, а потому у нас есть основания соотнести его с носителями «иероглифического хеттского» языка; однако, как уже говорилось, родина этого народа нам неизвестна. В хеттских религиозных текстах Тархунд не упоминается, но имя его входит в состав многих личных имен, по всей видимости относящихся к лувийскому языку. Кроме того, заслуживает упоминания богиня Кубаба: в текстах она играет незначительную роль, и в какой области ей поклонялись, мы не знаем, однако она, вне сомнения, послужила прообразом фригийской Кибебы (Кибелы).

Во избежание путаницы мы ограничились перечислением лишь самых важных культовых центров. Однако следует иметь в виду, что хеттские тексты

буквально пестрят именами разнообразных божеств, и напрашивается вывод, что каждый из главных богов был окружен свитой менее значительных богов и богинь, о функциях и атрибутах которых мы имеем лишь самое общее и смутное представление.

3. ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕЛИГИЯ

На основе всех многообразных местных культов теологи Хаттусы выработали официальный пантеон, ядро которого образовал культ близлежащего святилища в Аринне. Солнечную богиню Аринны превозносили как «царицу земли Хатти, царицу Неба и Земли, госпожу царей и цариц земли Хатти, направляющую царя и царицу Хатти в их правлении». Она стала верховной покровительницей хеттского государства и монархии; именно к ней царь обращался в первую очередь за помощью в битве и во времена, когда благополучие всего государства оказывалось под угрозой.

Какое место в пантеоне она занимала по отношению к богу солнца, по-видимому, так никогда и не прояснится. В мифах бог солнца предстает как царь богов, и в большинстве списков богов, перечислявшихся в договорах, он стоит на первом месте. Подобно вавилонскому богу солнца, он считался владыкой истины и справедливости, что вполне естественно, так как солнце в своем движении по небосклону с равным беспристрастием взирает с высоты на все людские дела. Царь Муватали обращается к нему со следующей молитвой:

«Небесный бог солнца, господин мой, пастырь рода человеческого! Ты восходишь, о небесный бог солн-

ца, из моря и поднимаешься в небеса. О небесный бог солнца, господин мой, каждодневно ты восседаешь в судилище над человеком, собакой, свиньей и дикими зверьми полевыми».

Аналогичные представления мы встречаем и в гимне, обращенном, предположительно, к солнечному божеству Аринны, но в мужской ипостаси: «Ты — вдохновенный владыка истины, и в месте суда ты не ведаешь устали». Почему сказано, что солнечный бог поднимается из моря? Согласно одной гипотезе, здесь перед нами свидетельство того, что хеттский культ солнечного бога не зародился в Анатолии, а был принесен туда неким народом, прежде обитавшим на восточном побережье. Любопытно, что в одном тексте о солнечном боге говорится, что у него на голове рыбы; кроме того, выделялся особый тип солнечного бога — «бог солнца в воде». Наконец, существовал солнечный бог (или, возможно, солнечная богиня) подземного мира, через который солнце возвращалось ночью к месту своего восхода.

Однако, согласно официальной теологии, мужем богини солнца из Аринны был вовсе не солнечный бог, а бог грозы Хатти, которого иногда именовали «небесным богом грозы». Возможно, это могущественное божество выделилось из местного культа Аринны, Хаттусы или Куссара (в надписи Анитты он уже предстает верховным богом пантеона), но по своей сущности он, несомненно, тождествен древнейшему богу грозы, культ которого, как мы видели, был распространен по всей Анатолии. Он именуется «царем Небес, владыкой земли Хатти». Как и его супруга, он считался богом битвы и тесно связывался с понятием военных судеб всего государ-

ства. Нередко он выступал представителем всей страны Хатти в отношениях с другими державами. Так, в договоре между Хаттусили III и египетским царем Рамсесом II сказано, что договор этот заключается ради того, чтобы «увековечить узы, которыми солнечный бог Египта и бог грозы Хатти связали землю Египта с землей Хатти».

Позднее государственная религия Хеттской империи попала под сильное хурритское влияние. Несомненно, большой вклад в эти перемены внесла царица Пудухепа: ведь она была дочерью царя Кумманни, города в Киццуватне, где находился один из главных культовых центров Хебат, и само имя Пудухепы наводит на мысль о том, что она была служительницей этой богини¹. В молитве, авторство которой приписывается супругу этой царицы, царю Хаттусили, богиня Хебат явственно отождествляется с солнечной богиней Аринны; ранее этой даты признаков подобного синкретизма не встречается. И наоборот, на царской печати, оттиск которой описан в египетской версии договора Хаттусили с Египтом, царица изображена в объятиях солнечной богини Аринны. Столь тесную связь можно объяснить допущением, что «солнечной богиней» здесь названа хурритская Хебат, богиня — покровительница родного города царицы; впрочем, один из текстов позволяет предположить, что солнечную богиню вообще связывали с царицей Хатти особые отношения. В то же время хурритский Тесуб, по-видимому, отождествлялся с богом грозы Хатти, а его божественный сын Шарма был богом грозы Нерика и Циппаланды.

¹ Точное произношение имени этой богини нам неизвестно; на письме встречаются варианты Хебат, Хепат и даже Хепит.

Независимо от того, верно ли мы датируем момент, когда началось заимствование хурритских культов, рельефы на скале в Язылык, безусловно, появились уже после того, как этот процесс завершился. Богиня, возглавляющая одну из процессий, здесь носит имя *Хепату*, отчетливо высеченное на рельефе иероглифическим письмом, а меньшая фигурка ее сына, стоящего у нее за спиной, обозначена именем *Шарма*. Рядом с богом, возглавляющим вторую процессию, помещены символы, означающие «грозовой бог небес»; но, учитывая то, что его супруга названа хурритским именем, можно не сомневаться, что его самого именовали Тесубом (Тешубом). Он изображен в облике бородатого мужчины с булавой в правой руке. Правой ногой он попирает шею двух человекообразных фигур — обожествленных горных пиков. На других памятниках Тесуб восседает на колеснице, запряженной быками, но здесь эта деталь отсутствует; зато из-за ног бога грозы и его супруги выглядывает по быку. Имена этих быков и горных вершин нам известны: быков звали Сери и Хурри¹, а горы именовались Намни и Хацци. Это хурритские имена: в хурритском языке «сери» и «хурри» означают соответственно «день» и «ночь»; Хацци — это гора Касий близ Антиохии в Северной Сирии (территория которой принадлежала хурритам). Представляется, что и сам образ бога грозы, восседающего на колеснице, имеет хурритское происхождение.

Фактически к настоящему времени доказано, что боги и богини, изображенные на главной галерее в Язылык, — это божества хурритского пантеона. За

¹ В «Песне об Улликумми» они фигурируют под именами Сери-су и Телла.

спиной центральной фигуры Тесуба стоит идентичный ему бородатый бог грозы, держащий в руках символы «бога грозы Хатти», а за ним изображены следующие божества (рис. 8):

40, с пшеничным колосом в руке, — Халки, бог зерна.

39 — Эа (месопотамский бог Нижнего моря, занимавший важное место в хурритском пантеоне).

38 — Шаушка, хурритская Иштар.

37, 36 — Нинатта и Кулитта, служанки Иштар.

35 — лунный бог Кушух.

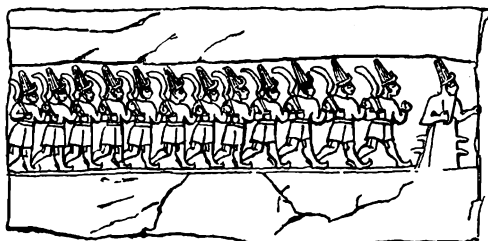
34 — небесный бог солнца.

32 — божество, символический атрибут которого распознан как олени рога, — «дух-защитник».

30 — божество подземного мира, хурритское имя которого предположительно Хесуи.

29, 28, группа изображений — божественные быки Сери и Хурри, стоящие на символе Земли и поддерживающие Небо.

За Хебат и Шармой следует длинная процессия богинь со стертыми атрибутами; отождествить их с хурритскими богинями можно лишь гипотетически. Обнаруженный в близлежащем селении скульптурный блок заполнил промежуток между 55 и 56, после чего стало ясно, что 56 — еще одно изображение Шаушки (эта богиня имела двойственную природу). Царь (64), чья монументальная фигура высечена на выступающих в направлении дальней стены контрфорсах, — это Тудхалия, очевидно, уже «ставший богом», так как изображен он стоящим на вершинах гор.

5

10

15

20

25

30

35

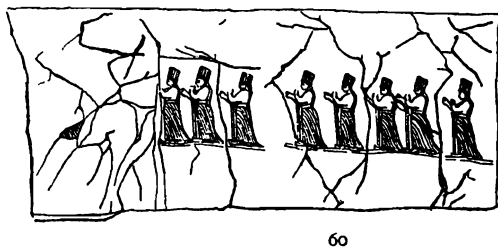
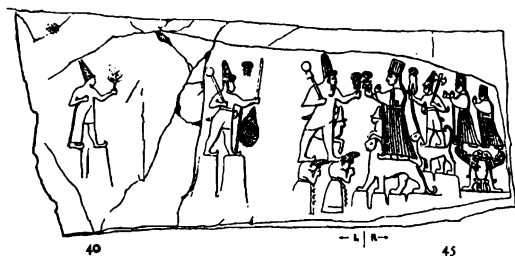

Рис. 8. Изваяния на главной галерее. Язылыкая

4. ХРАМЫ, ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ

Культовые центры хеттов — от скального святилища под открытым небом в Язылыкая до высившихся близ Богазкёя храмовых построек из циклопических каменных глыб — отличались чрезвычайным многообразием. В некоторых городах, как уже говорилось, храм был одновременно и местным административно-хозяйственным центром, и при нем состоял огромный штат жрецов и гражданских чиновников. С другой стороны, в текстах упоминаются такие области, в которых сразу несколько храмов, — очевидно, имевших весьма скромные размеры, — находились под опекой одного-единственного жреца.

Наши представления о планировке хеттских святилищ основываются на обнаруженных при раскопках в Богазкёе развалинах пяти храмов, примечательно схожих между собой по конструкции (рис. 9). Здесь, как и в вавилонских или критских храмовых постройках, множество маленьких помещений окружают мощный двор площадью от 200 до 500 кв. м. Но на этом сходство с вавилонскими святилищами заканчивается. Целла («святая святых») вавилонского храма соединялась прямым коридором с внутренним двором, так что людям, собравшимся во дворе, через два дверных проема ясно была видна статуя бога в целле, помещавшаяся в центральной нише дальней стены. В хеттском же храме вход в целлу располагался не напротив культовой статуи, а в одной из боковых стен, и, чтобы попасть в главное святилище, следовало пройти через два небольших помещения, примыкавшие к нему слева; входя в целлу, нужно было повернуть налево, и только тогда взору представала статуя бога. В храмах верхнего города статую, вероятно, можно было увидеть и со двора — через окна, прорезанные в разделительной стене.

Но в нижнем храме целла была сдвинута так близко к одной из сторон постройки, что увидеть священное изваяние со двора не было никакой возможности, даже если окна здесь тоже имелись. Из этого можно заключить, что поклонение божеству совершали лишь немногие избранные, получавшие доступ в целлу, тогда как большинство верующих, собравшихся во дворе, принимали в этой церемонии лишь косвенное участие.

Еще одной характернейшей чертой хеттских храмов, насколько мы можем судить на основании реконструкций, выполненных в ходе раскопок, являются огромные оконные проемы в наружных стенах, доходившие почти до уровня пола. Пространство вавилонских храмов, напротив, было замкнутым, и солнечный свет проникал в помещения лишь через узкие отверстия в верхней части стен. В четырех из пяти хеттских храмов дальняя часть целлы, где стояла статуя, выступала за линию наружной стены соседних помещений и освещалась через два окна, прорезанные в ее боковых стенках (или одно, если за линию наружной стены выступала только одна сторона целлы). Благодаря этому статуя оказывалась под яркими лучами солнца.

О функциях других помещений хеттского храма мы можем только догадываться. В большом храме нижнего города (рис. 9, 1) целла располагалась в своего рода пристройке, слабо связанной с основной частью храма; вдобавок стены пристройки были сложены из гранита, а основная часть здания, окружавшая внутренний двор, была известняковой. Вероятно, последняя предназначалась для административных и хозяйственных целей, о чем свидетельствует и тот факт, что весь храм был окружен по периметру узкими комнатами различных размеров — по всей видимости, складскими помещениями (в них были найдены большие сосуды для хранения жидкостей и сыпучих продуктов). На

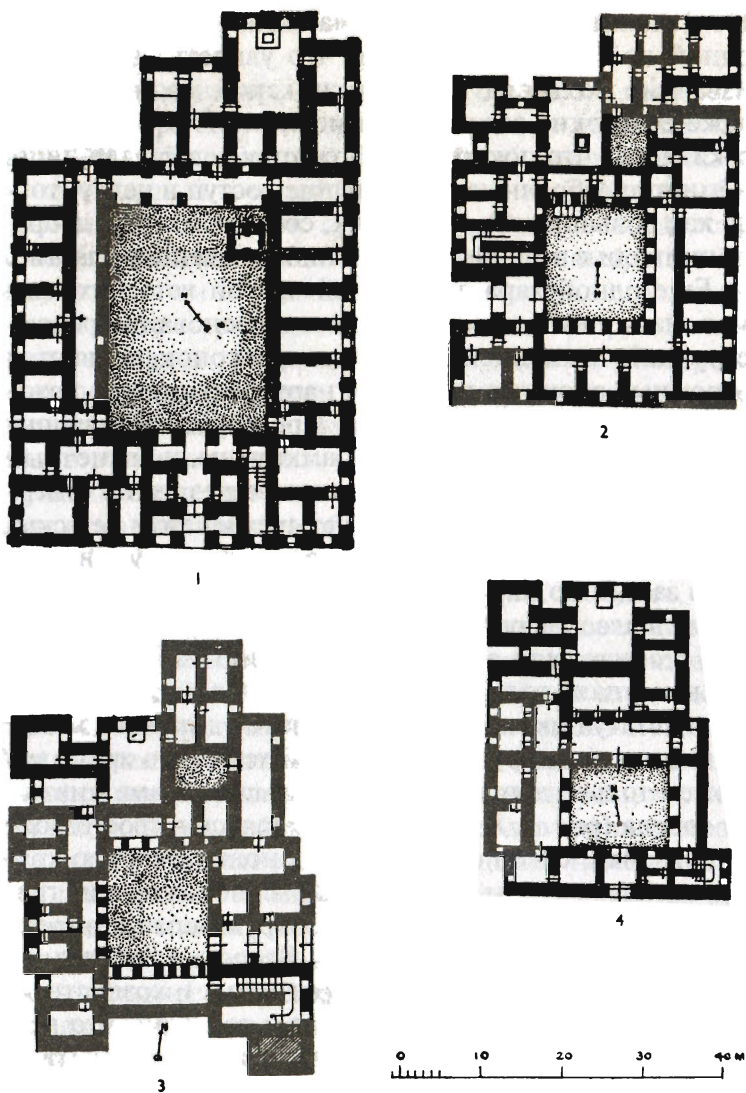

Рис. 9. Планы богазкёйских храмов

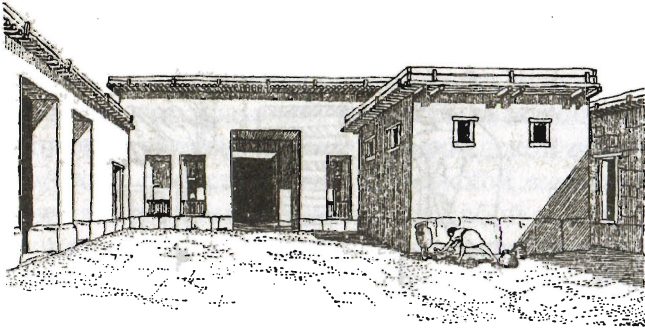

Рис. 10. Двор храма 5 (реконструкция). Богазкёй

вопрос о том, имелись ли административные помещения в храмах верхнего города, ответить сложно; они более однородны по планировке, а в храме 5 содержится еще и второе святилище, расположенное с северной стороны двора.

В ориентации храмов по сторонам света единообразие не соблюдалось: храм 1 обращен фасадом на северо-восток, храм 2 — на юг, храм 3 и 4 — на север, а храм 5 — на восток.

Образом божества служила статуя на пьедестале. До сих пор удалось обнаружить лишь один предмет, который (теоретически) мог играть такую роль: это найденная на склоне холма близ Фасиллара каменная стела с изображением бородатого бога, стоящего на двух львах. Но описания культовых статуй встречаются во множестве, и из текстов становится ясно, что погибли эти изваяния главным образом потому, что изготавливались из драгоценных металлов или из дерева, облицованного золотыми или серебряными пластинами. Небесный бог грозы был представлен золотой статуей с палицей в правой руке и золотым символом «добра» (вероятно, треугольник, изображенный в центре некоторых печатей), стоящей на мужских фигурах горных

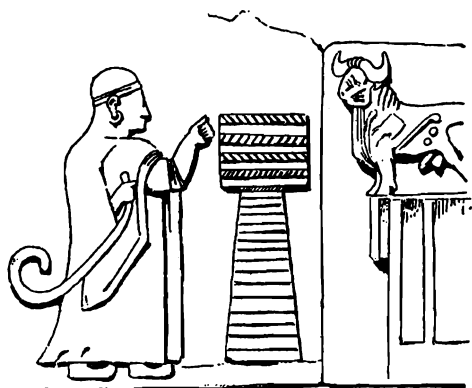

Рис. 11. Барельеф из Аладжа-хююка. Царь, поклоняющийся быку (символу бога грозы)

богов (как на рельефе в Язылыкая). Цабаба представлялся серебряным изваянием стоящего мужчины: «в правой руке своей он держит палицу, в левой он держит щит, под ним стоит лев, подо львом — пьедестал, облицованный серебром». Иштар (вероятно, особый тип этой богини) изображалась в виде сидящей женщины с крыльями за спиной, держащей в правой руке золотую чашу, а в левой — символ «добра»; она восседала на пьедестале, который покоился на спине крылатого льва или грифона, а по бокам от нее стояли богини-прислужницы Нинатта и Кулитта.

В менее богатых святилищах божество было представлено символическим предметом или фетишем. Бог грозы нередко изображался в облике быка, как, например, на рельефе из Аладжа-хююка (рис. 11), его прислужники, горные боги, — в виде палицы или другого оружия (ср. «бог-меч» с малой галереи в Язылыкая, рис. 14). Весьма распространенным культовым предметом был камень *хуваси* — стела, или *массеба*, с высеченными на ней надписями, а иногда и фигурой

бога, установленная на пьедестале наподобие того, что изображен на фотографии 20а на вклейке (этот пьедестал служил основанием сразу для двух *массеб*). Еще одним предметом храмовой утвари была *истанана*, которая отождествлялась в текстах с аккадской *асирту*; в свете этого ее сопоставляли с ханаанской *ашерой*, но в действительности она представляла собой своего рода стойку или алтарь. С утварью, находившейся в святилище и даже в других помещениях храмового здания, обращались как с божественной, и в обрядах жертвоприношения она ассоциировалась с божеством.

Храм считался жилищем бога, а жрецы — его домашними слугами. Как явствует из текстов, именно эта несложная концепция и лежала в основе всех храмовых ритуалов. Ежедневно служители храма удовлетворяли «телесные нужды» божества: его следовало омыть, одеть, накормить, напоить и ублажить танцами и музыкой. Распорядок дня был жестко фиксированным и, по-видимому, общеизвестным, поэтому упоминания о нем редки. «Они омывают бога во внутреннем помещении, умащают его и облачают в одежды из тонкой ткани»; «О бог грозы Циппаланды, живой облик божества, вкушай и насыться, пей и будь доволен». Один из самых ценных в этом отношении текстов — табличка с предписаниями для жрецов и храмовых прислужников; но и здесь, к сожалению, больше внимания уделяется методам проведения церемоний, чем самим церемониям. Служители должны представлять перед божеством в совершенной чистоте — как физической, так и ритуальной. Если служитель соприкоснулся с какой-либо скверной или переспал с женщиной, то он не должен был приближаться к богу, не совершив предварительно ритуал очищения. Пищу и питье, посвященные богу, запрещалось выносить из храма и делить с мирянами. Храмовая дисциплина

требовала от всех служителей на ночь возвращаться в храм, хотя вечер они могли проводить в городе; тех, кто проводил всю ночь со своей женой, карали смертью. Особые предписания следовало соблюдать и тем, кто поддерживал огонь или нес ночную стражу.

Однако бог был не просто хозяином храма, но и владыкой и господином своего народа, и в этом качестве ему полагалось подносить всевозможные дары и оказывать знаки почтения. Любой человек мог в любое время принести умиловительные жертвы божеству, которые, среди прочего, составляли часть магических обрядов врачевания. Богу посвящались первые плоды земли и годовалые животные; люди верили, что щедрыми подношениями могут заслужить его милость. Жертвенными дарами могли становиться практически любые продукты, и отличить их от пищи и питья, подносившихся божеству каждодневно, подчас бывает затруднительно. Приносить в жертву животных с какими-либо дефектами или болезнями запрещалось; если животное еще ни разу не спаривалось, ценность его как жертвы повышалась. При соблюдении этих условий в жертву иногда приносили даже таких традиционно «нечистых» животных, как собака и свинья, но чаще всего жертвенными животными служили волы, овцы и козы. Животному перерезали горло, и, поскольку это жертвоприношение сопрягалось с кровопролитием, его обозначали тем же словом, что и жертвенное возлияние, при котором напиток, подносимый в дар божеству, выливали на землю. Жертвенный хлеб и сыр «преломляли» (точный смысл этого слова неясен).

Как ни странно, изредка хетты приносили в жертву и людей — например в ритуале очищения после поражения на войне (этот ритуал напоминает завет, описанный в Быт., 15:9—18):

«Если войска потерпели поражение от врага, они совершают обряд «за» рекой следующим образом: они «рассекают» мужчину, козу, щенка и поросенка; половину они кладут на этой стороне, а половину — на той стороне, и впереди они ставят ворота из <...> дерева и натягивают <...> над ними, а перед воротами они зажигают огни на этой стороне и на той, и войска проходят через них, и, когда подходят к реке, брызжут на них водой».

В другом фрагменте в числе жертвенных даров наряду с поросенком и псом упоминается военнопленный. Эти варварские ритуалы принадлежали к сфере «народной» религии и в государственный культ не входили; однако в хрониках они описываются без малейшего оттенка осуждения.

Часто встречаются упоминания о периодических религиозных праздниках, которые, очевидно, были весьма многочисленны и разнообразны. В вышеупомянутой табличке с предписаниями для жрецов перечисляется 18 праздников, одни из которых, судя по названиям, связаны с временами года, а другие носят имена с неизвестным значением. Жрецам полагалось «отмечать праздники во время праздников»; не проводить весенние праздники осенью, а осенние — весной; не откладывать праздник только из-за того, что жрец, которому предстоит проводить церемонии, говорит: «У меня сбор урожая, или путешествие, или еще какое-то дело». В этот список праздников вошли только те, что отмечались в Хаттусе, но при сравнении текстов обнаруживается, что в каждом культовом центре соблюдался свой священный календарь.

Одним из главных праздников хеттского календаря был *пурулли* (вероятно, от хаттского слова *purulli* — «на земле», с хеттским суффиксом родительного падежа).

Очевидно, в ходе этого праздника декламировали «*Миф об убиении дракона*». О том, какое важное значение ему придавалось, можно судить по тому факту, что царь Мурсили II счел нужным прервать военный поход и возвратиться в Хаттусу ради этого праздника. Вот как он сам писал об этом:

«Хотя я уже отпраздновал *нурулли*-праздник в честь бога грозы Хатти и бога грозы Циппаланды, я еще не отпраздновал *нурулли*-праздник — великий праздник — в доме *хести* в честь Лилвани, а потому, когда снова пришла весна, я вернулся в Хаттусу и отпраздновал *нурулли*-праздник — великий праздник — в доме *хести*».

Весенний праздник, на котором декламировался или разыгрывался миф о поединке бога с драконом Иллу-янккой, по-видимому, принадлежит к широко известному типу сезонных праздников, символическая цель которых заключалась в том, чтобы пробудить землю от зимнего сна; ритуальный поединок при этом символизировал победу жизни над смертью или добра — над злом. О сезонном характере этого праздника свидетельствует не только его название, но связь его с Лилвани — богиней земли.

«Праздник года», вероятно, был новогодним праздником, на что указывает само его название. Согласно одному из текстов, восьмой месяц года приходился на осень; следовательно, начало года могло совпадать с весенним равноденствием, как в Вавилонии. Тот факт, что Мурсили II отмечал «праздник года» в зимнем лагере, не противоречит этой гипотезе, поскольку на Анатолийском плоскогорье снег не сходит долго.

Когда царю предстояло возглавлять праздничные обряды лично, для него подготавливали специальную

табличку с указаниями, в которой расписывалась вся церемония до мельчайших деталей. Сохранилось множество таких табличек; имеются и описания других праздничных ритуалов, в которых царь играет второстепенную роль; однако из-за того, что колофон (название) многих табличек обломан, определить название праздника зачастую оказывается невозможным. Не исключено, что один из этих безымянных текстов представляет собой недостающую часть указаний к празднику *пурилли*, так как среди обломков найден еще и фрагмент таблички, содержащий только название этого праздника. В табличках с сохранившимися названиями описаны праздники «холодной погоды» (или «зимы»), «месяца», «привратного дома», праздник камня-хуваси в честь нескольких богов, а также представляющий особый интерес праздник растения *андахсум*, также посвященный нескольким богам. *Андахсум* — это съедобное растение, по-видимому расцветавшее весной, так как этот праздник вне всяких сомнений приходился на весеннее время. Описанию его посвящена целая серия больших табличек; сохранилось также несколько копий со слегка отличающимися друг от друга версиями. Основу этого праздника составляли жертвоприношения и возлияния большинству богов и богинь государства и различным частям храма. Жертвоприношения описываются во всех подробностях и с многочисленными повторами; в жертву приносили разнообразную пищу, в том числе и растение *андахсум*. Интерес здесь представляют не столько монотонные обрядовые процедуры, сколько списки божеств.

Схожий характер, по-видимому, имели и обряды большинства других праздников, так что мы вправе почти без преувеличения говорить о некоем единомобразном «царском ритуале». Во всех описаниях целый свод инструкций посвящается подготовитель-

ным процедурам — омовению и облачению царя, вступлению процессии в храм, введению царской четы и сановников в святилище и т. п. Составить представление о стиле этих документов позволят следующие выдержки:

«Царь и царица выходят из дома *халентува*. Двое дворцовых прислужников и один телохранитель идут перед царем, но сановники, (остальные) дворцовые прислужники и телохранители идут следом за царем. «Служители изваяния» играют на *аркамми*, *хухупале* и *галгалтури* [три музыкальных инструмента] за спиной царя и перед ним... Другие «служители изваяния», облаченные в желтые (?) одежды, стоят рядом с царем; они держат руки поднятыми и вращаются, не сходя с места...¹

Царь и царица входят в храм Цабабы. Они преклоняют колени перед копьем; служитель изваяния говорит, глашатай провозглашает.

Царь и царица садятся на трон. Дворцовый прислужник вносит покров золотого копья и литуус². Покров золотого копья он вручает царю, а литуус кладет у трона справа от царя.

Двое дворцовых прислужников подносят царю и царице воду для омовения рук из золотого кувшина. ...Царь и царица омывают руки. Глава дворцовых слуг подает им ткань, и они вытирают руки.

Двое прислужников расстилают подстилку для коленопреклонений перед царем и царицей.

«Стольники» делают шаг вперед, жезлоносец проходит перед ними, подходит к сыновьям царя и ука-

¹ Ритуальный танец, изображение которого сохранилось на рельефе из Кара-тепе (фото 29).

² Л и т у у с (*lituus*) — длинный посох с крюком. (*Примеч. пер.*)

зывает отведенные им места. Затем жезлоносец выходит наружу и проходит перед главными поварами, и главные повара делают шаг вперед.

Жезлоносец снова выходит наружу, проходит перед «чистым жрецом, владыкой Хатти, и матерью бога из Халки» и указывает отведенные им места.

Распорядитель церемоний входит внутрь и представляется царю. Выносят вперед инструменты Иштар, и царь говорит: «Пусть их вынесут вперед!»

Распорядитель церемоний выходит во двор и говорит жезлоносцу: «Они готовы, они готовы!» Жезлоносец подходит к воротам и произносит, обращаясь к певцам: «Они готовы, они готовы!» Певцы берут инструменты Иштар. Жезлоносец проходит перед ними, певцы вносят внутрь инструменты и занимают свои места.

Повара ставят подготовленные блюда с водой и мясом; они отделяют постное (?) от жирного (?).

Жезлоносец проходит перед [различными сановниками] и указывает отведенные им места [в одном варианте здесь упоминаются «надсмотрщики над пищей»].

Блюда «распределены».

После распределения блюд <...> собранию дают *марнуван* [напиток].

Затем царь снимает покров [вероятно, тот, которым были накрыты блюда]. Если он бросает его дворцовым прислужникам, которые стоят [здесь] преклонив колени, то дворцовые прислужники подбирают его; если же он бросает его телохранителям, которые стоят преклонив колени, то телохранители подбирают его и передают его стольникам. [Далее, видимо, следовало ритуальное пиршество, но ни в одном тексте прямо об этом не говорится.] Царь делает знак глазами, и метельщик подметает пол.

[Далее следуют жертвоприношения.]»

Церемония иного рода проводилась, по всей видимости, осенью в городе Гурсамасса (местонахождение неизвестно) в честь бога Ярри. Культовое изображение выносили к камню-хуваси, после чего участники праздника пировали, пели и разыгрывали следующее действо:

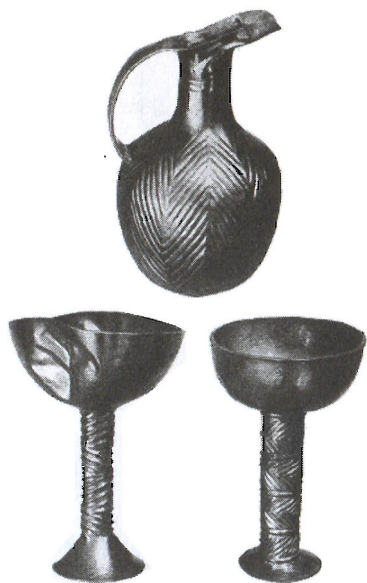
«Юноши разделяются на две группы и получают имена; одну группу называют «людьми Хатти», другую — «людьми Масы», и люди Хатти берут медное оружие, а люди Масы — оружие из тростника. Они сражаются друг с другом, и «люди Хатти» побеждают; и они захватывают пленника и посвящают его богу».

Возможно, в этой инсценировке воспроизводилось реальное сражение, некогда разыграншееся в окрестностях города, но, вообще говоря, подобные ритуальные поединки — широко распространенный элемент народных традиций.

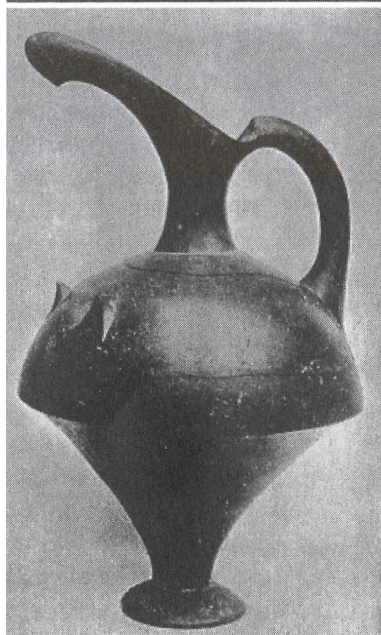
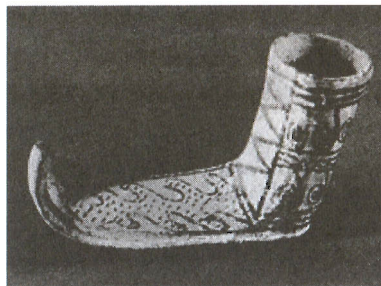
Сохранились отрывки документа с описанием еще одной интересной церемонии:

«С утра перед храмом стоит наготове украшенная колесница; три ленты — красная, белая и синяя — привязаны к ней. Колесницу запрягают, бога выносят из храма и сажают в колесницу. Выходят женщины-буррути, женщины-катру и женщины- <...> выступают вперед, и также выходят мужчины-хубби и храмовые проститутки, и они держат зажженные факелы <...> и бог движется позади, и они везут бога через ворота Тавиния в лес. И когда бог подъезжает к дому тарнави в лесу, жрец берет мутти и воду и обходит дом тарнави, и бог вступает в дом тарнави. [Далее следует текст ритуала, от которого сохранились лишь отрывочные фрагменты.]»

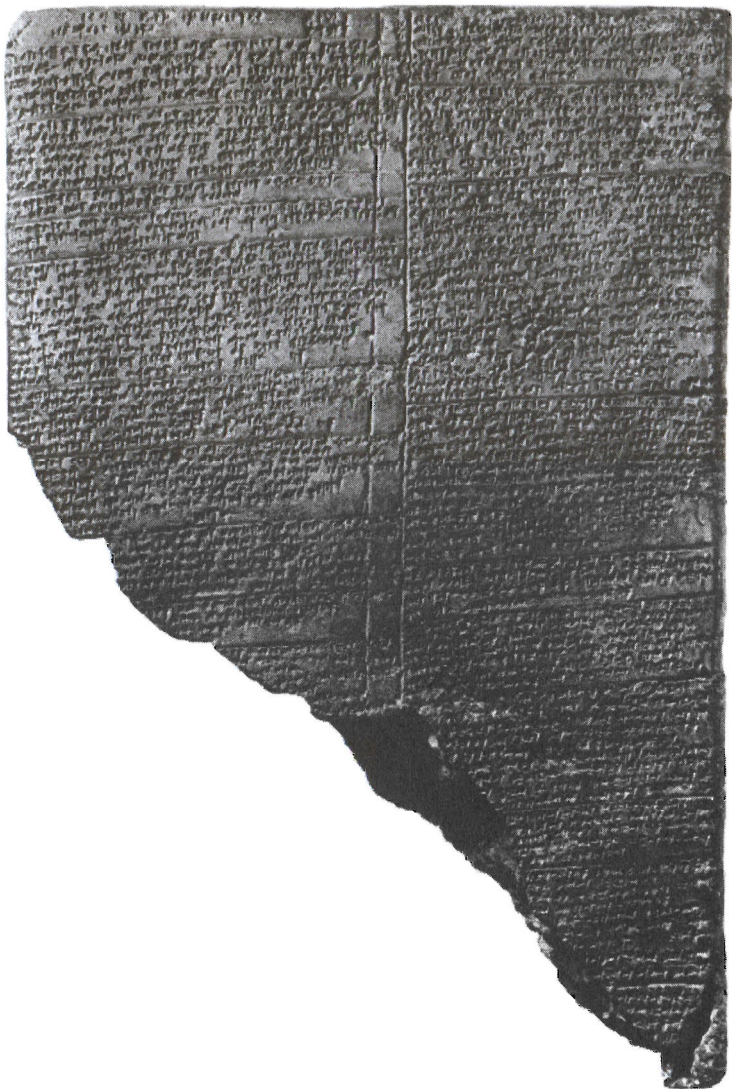
Золотые сосуды из Аладжа-хююка. Дохеттская эпоха

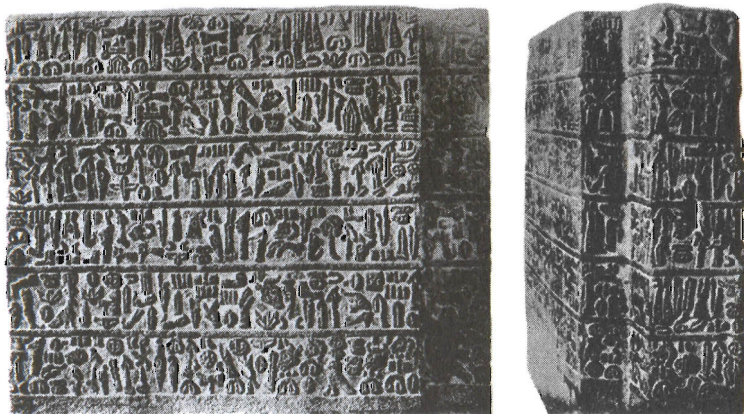
Хеттский ритон из Кара-хююка. Эльбистан

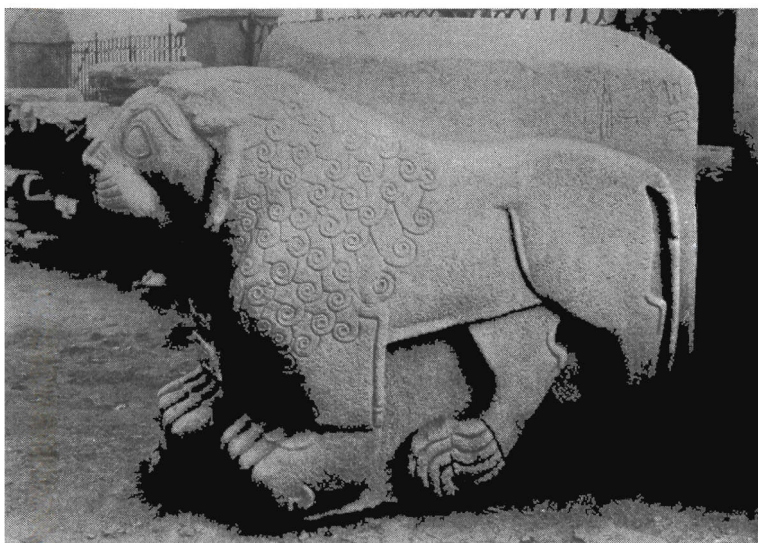
Глиняные сосуды из Кюль-тене

Хеттская клинописная табличка. Берлинский государственный музей

Хеттская иероглифическая надпись

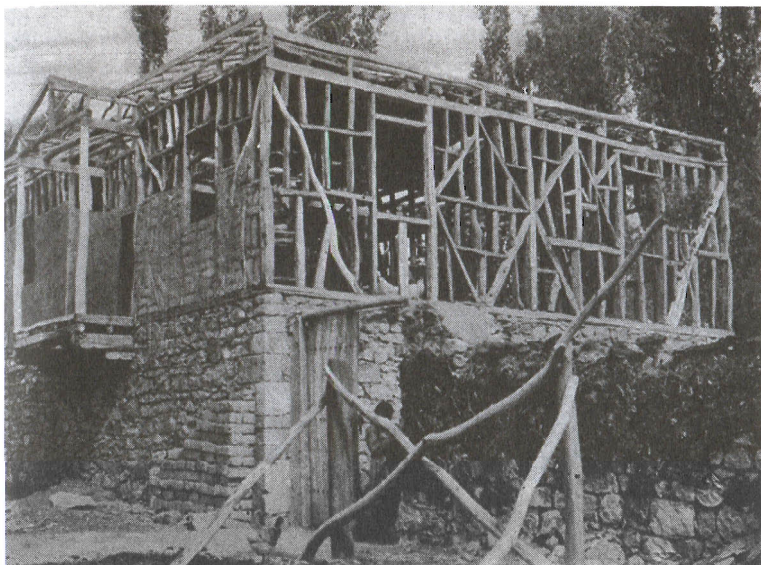
Лев из Малатьи

Бог грозы. Рельеф из Сенджерли. Берлинский государственный музей

Музыканты и танцовщица. Рельеф из Кара-тепе

Анатолийский дом (в стадии строительства)

Центральная часть Анатолийского плоскогорья

Булгар-Маден и горы Тавр

Это описание напоминает вавилонскую новогоднюю церемонию, в которой к дому *акиту* следовала схожая процессия; но проводить между двумя этими ритуалами прямую аналогию было бы преждевременно.

Ритуалам такого рода посвящена значительная часть табличек из хеттского архива, но, к сожалению, многие из них сохранились лишь во фрагментах, а многие поддаются лишь частичной расшифровке. И все же этих примеров достаточно, чтобы составить о данной группе текстов хотя бы общее представление.

5. ТЕОЛОГИЯ И ГАДАНИЯ

В древние времена люди принимали как данность, что все природные явления и вообще все важные события человеку неподвластны и совершаются лишь по воле сверхъестественных сил, во многом подобных человеку, но далеко превосходящих его в могуществе. По аналогии с устройством человеческого общества легко возникало представление о том, что весь мир делится на сферы влияния, каждая из которых находится под контролем определенного божества. Развитию этих представлений, очевидно, способствовал и тот факт, что каждая община поклонялась разным божествам. В каждом городе был свой храм, а в каждом храме обитало божество, при обычных обстоятельствах незримое и пребывающее здесь, на одном и том же месте, с незапамятных времен. Передадим слово хеттскому сказителю:

Бог солнца живет в Сиппаре,
бог луны живет в Куцине,
бог грозы живет в Куммии,

Иштар живет в Ниневии,
Нанайя живет в Киссине,
а в Вавилоне живет Мардук.

Итак, боги были невидимы и бессмертны. Но в прочих отношениях — в своих потребностях и интересах, а также в своем отношении к людям — они представлялись всецело подобными человеку. Далее этого теологические умопостроения не простирались. Хетты без колебаний приписывали своим богам и богиням поступки, которые мы сочли бы неприличными или по меньшей мере недостойными. Бог относился к своим почитателям так же, как хозяин к своим рабам. Его следовало кормить и обихаживать, улаживать и хвалить. Но даже и при этом нельзя было рассчитывать, что бог постоянно будет блюсти интересы своих служителей: ведь ему нужно было время на развлечения и путешествия, сон и другие занятия, и тогда взывать к нему о помощи было бесполезно (ср. библейский эпизод с пророками Ваала на горе Кармил). Более того, бог далеко не всегда действовал мудро, и поступки его могли повлечь за собой непредвиденные и опасные последствия; долг верного служителя заключался в том, чтобы указывать богу на ошибки, после чего тот, вероятно, исправлял их. Хеттский царь вполне мог признавать, что род человеческий неисправимо порочен; но никогда нельзя было исключить, что несчастье, обрушившееся на человека или на весь народ, вызвано не божественной карой за прегрешение, а просто недосмотром со стороны божества. Ведь в отличие от бога-покровителя демоны и злые духи всегда были начеку. Вот, к примеру, отрывок из молитвы царя Мурсили:

«Что же это, о боги, что вы наделали? Вы допустили мор — и вот земля Хатти умирает, и никто не готовит подношения пищей и пить-

ем. А вы приходите к нам, о боги, и вините нас за это... и все наши поступки в глазах ваших хороши».

Царь откровенно объясняет богам, что в конечном счете такое упущение невыгодно им самим, ибо они лишаются прислужников.

Но если несчастье все же явилось карой за преступление, то беда будет преследовать человека или страну до тех пор, пока они не признают и не искупят свой проступок. Правда, преступник не всегда сознавал, что совершил грех; более того, хетты полагали, что за грехи отцов могут быть наказаны и дети. При таких обстоятельствах бог обязан был сообщить наказуемому, за что его карают, и только затем уже приводить приговор в исполнение. Известие такого рода могло прийти как явно (например, из уст человека, охваченного божественным исступлением), так и скрыто, во сне: и экстаз, и сновидения считались формами «одержимости» божеством. Но более надежным, хотя и более трудоемким способом прояснения божественной воли служило гадание. Хетты признавали три метода гадания: по внутренностям жертвенных животных, по полету птиц и по жребию. По жребию гадали женщины-ведуньи, которых называли просто «старухами». Искусство гадания хетты заимствовали из Вавилонии, где традиции прорицательства уходили корнями далеко в глубь веков. Считалось, что боги предупреждают людей о том, что ожидает их в будущем, посылая особые знамения (к каковым на практике могло причисляться едва ли не любое необычное происшествие). Яснее всего воля богов открывалась гадателям в расположении внутренностей жертвенных животных. Определенная форма печени и других внутрен-

ностей, определенное поведение птиц и т. д. считались благоприятными, другие — неблагоприятными (принципы, по которым счастливые знамения отличались от несчастливых, в большинстве своем неясны). Подобно прочим народам древности, хетты всегда рассматривали знамения перед началом военного похода и другими важными мероприятиями. К гаданию прибегали и для того, чтобы выяснить причины божественного гнева. Благоприятное знамение трактовалось как ответ «да», неблагоприятное — как «нет» (или наоборот, в зависимости от формулировки вопроса). Задавая оракулу вопросы, получая на них ответы «да» или «нет» и последовательно отсеивая ошибочные предположения, в конце концов удавалось в точности установить характер проступка, навлекшего на человека или на страну гнев божества. Вот пример такого «расследования»:

«Приняв во внимание то, что они написали мне [т. е. жрецу, проводящему церемонию] из дворца, [а именно]: «Оракул объявил, что Иштар из Ниневии гневается в своем храме», — мы посовещались со жрецами, и они сказали: «Один певец украл золотой кувшин, и пропажу не возместили; золотая туника из Амурру, которую носит бог, износилась; колесница сломана; обычно из дворца приносили в дар <...>, но сейчас не принесли; когда отмечали праздник *ашрахитасси*, богу обычно давали сикль серебром, красную шерсть, синюю шерсть и один <...>, но сейчас праздник *ашрахитасси* отметили, а сикль серебром, красную шерсть, синюю шерсть и <...> не дали; праздник *айяру* обычно отмечали каждый год, а сейчас им пренебрегли». Эти ли прегрешения прогневали бога? Тогда пусть знамение будет неблагоприятным. [Далее в специальных тер-

минах подробно описывается процедура гадания. Итог:] неблагоприятно.

Если причина в этом, и ни в чем более, то пусть знамение будет благоприятным. <...> [Итог:] благоприятно».

Если бы последнее знамение оказалось неблагоприятным, расследование продолжалось бы до тех пор, пока в ответ на аналогичный вопрос жрецы не получили бы благоприятное знамение.

В другой ситуации разгневался бог Хурианципа. Жрецов спросили, что случилось, и они сказали: «Пиршеством <...> пренебрегли; *ситтар* (солнечный диск?) не украсили». Оракул объявил, что бог действительно гневается по этим причинам, но это еще не все.

«Поскольку [знамение] снова оказалось неблагоприятным, то не из-за того ли гневается бог, что жертвы ему принесли слишком поздно? Если это так, то пусть знамение будет неблагоприятным». [Итог:] неблагоприятно. Если это [знак повторения того же самого, т. е. «если это единственная причина»], то пусть знамения будут благоприятными. [Итог:] неблагоприятно. Тогда мы снова спросили служителей храма, и они сказали: «Пес зашел в храм, и опрокинул стол, и сбросил жертвенный хлеб. Не на это ли гневается бог?» [Итог:] неблагоприятно».

И так далее. В хеттском архиве протоколы таких совещаний с «оракулом» составляют самую обширную (и хуже всего сохранившуюся) группу табличек и служат весьма занятным памятником изобретательности, направленной не по адресу.

6. МАГИЯ

Не будет особым преувеличением сказать, что магия появилась на свет в такой же глубокой древности и распространилась на Земле столь же широко, как и сам человеческий род. Обычно магию рассматривают как разновидность религии, однако следует отметить, что такого названия она недостойна, ибо принадлежит к более примитивному уровню мышления. Сталкиваясь с тем, что предмет его устремлений недоступен, древний человек не желал смириться со своим поражением и инстинктивно совершал желаемые действия с неким заместителем желанного объекта. Со временем на этой основе выработалась вера в эффективность «имитативных» методов, которые мы называем магией, и развилась сложная символика, в рамках которой ритуальным заместителем могло выступать все, что угодно, — от «волоска укусившей его собаки» до предмета, имеющего с целью ритуала лишь самое отдаленное сходство (к примеру, созвучие названий). Неудачи же без труда объяснились противодействием другого мага. Поэтому было бы просто удивительно, если бы в картине мира анатолийских земледельцев и скотоводов 2-го тысячелетия до н. э. вера в магию не занимала столь же важного места, как и в представлениях их вавилонских и ассирийских современников.

Значительную долю всей дошедшей до нас хеттской литературы составляют именно магические ритуалы. В хеттском своде законов черная магия признавалась преступлением той же категории, что и разбойное нападение и нанесение тяжких телесных повреждений. С помощью магии пытались врачевать болезни и восстанавливать нарушенные функции тела, а также избавляться от всевозможных несчастий — от раздоров в семье и привидений в доме, от неурожая на полях и в

садах и мора в войсках; с помощью магии насылали порчу на врагов и привлекали удачу к друзьям; клятвы скрепляли призыванием проклятий на голову потенциального клятвопреступника; особыми заклинаниями привлекали внимание людей и богов, когда те пренебрегали своими обязанностями. Перечислять и описывать во всех подробностях многочисленные орудия, применявшиеся в магических ритуалах, было бы слишком утомительно; достаточно будет сказать, что употребление их неизменно основывалось на принципе подобия, и привести несколько примеров.

Вот фрагменты ритуалов, призванных восстановить нарушенные половые функции у мужчины или женщины:

«[Больной или больная] затыкает себе уши черной шерстью <...> и облачается в черные одежды. <...> [Затем, совершив целый ряд ритуальных действий,] старуха разрывает сверху донизу черную рубаху, которую он надел, и стягивает с его ног черные чулки (?), и вынимает из его ушей затычки из черной шерсти, и говорит: «Вот, я снимаю с него тьму и неподвижность, причиненные нечистотой, из-за каковой нечистоты он стал темен и неподвижен; я снимаю грех». Затем она снимает черные одежды, в которые он облачился, и складывает их в одно место».

После этого «старуха» выбрасывает в реку черную рубаху, чулки и все прочие предметы, соприкасавшиеся с больным. В одном из текстов эти предметы закупаются в яму, в которую затем забивают колышки.

«Я вкладываю зеркало и веретено в руку больного, и он проходит под «воротами», и, когда он выходит из-под ворот, я забираю у него зеркало и вер-

тено и даю ему лук, и говорю ему: «Вот! Я забрала у тебя женственность и вернула тебе мужественность; ты отринул повадки женщины и [снова принял] повадки мужчины».

[Старуха] берет рог плодовой коровы и говорит: «Солнечный бог, господин мой, как эта корова плодovита и живет в плодовитом загоне и наполняет тот закон быками и коровами, так и эта больная да будет плодovита, да наполнит она свой дом сыновьями и дочерьми, внуками и правнуками и потомками в грядущих коленах».

Она поднимает над больным [или больной] фигурки из воска и бараньего жира и говорит: «Кто бы ни наслал на этого человека нечистоту, я сейчас держу две магические фигурки». <...> Затем она раздавливает фигурки в руках и говорит: «Какие бы злые люди ни наслали на него нечистоту, да будут они так же раздавлены».

Проклятие, подобное последнему, произносилось и во имя скрепления клятвы:

«Он вкладывает им в руки воск и бараний жир, затем бросает их в очаг и говорит: «Как этот воск растаял, как этот бараний жир погиб, так и тот, кто нарушит эту клятву и совершит измену (?) против царя Хатти, да растает, как воск, и погибнет, как бараний жир».

В ритуал, проводившийся для прекращения мора в военном лагере, входил обряд, подобный библейскому изгнанию «козла отпущения»:

«Они приводят осла и гонят его в сторону вражеской страны и говорят так: «Ты, о Ярри, навлек зло на эту страну и этот лагерь; но пусть этот осел забрет его и отнесет в страну врага».

Стоит обратить внимание на то, как магия тяготела к слиянию с религией: заклинание, первоначально считавшееся действенным и само по себе, здесь уже усиливают молитвенным обращением к богу — либо к солнечному богу, как покровителю очистительных обрядов, либо к богу Ярри, который считался насылателем моровых поветрий.

С другой стороны, магия могла играть вспомогательную роль в собственно религиозных обрядах, когда возникало опасение, что бога «нет дома» и молитва не дойдет до его ушей. Так, весьма распространены были молебствия особого типа — *мугессары*. Сначала бога призывали вернуться домой и благословить свой народ. Затем ему «прокладывали дорогу» и, чтобы привлечь его, выставляли вдоль этой «дороги» мед, масло и прочие яства. С той же целью совершали благовонные воскурения. В некоторых случаях бога «тащили» домой по обставленной должным образом «дороге» — возможно, даже физически, в образе изваяния. Частью подобного ритуала является «*Миф об исчезающем боге*», за текстом которого непосредственно следует описание магических ритуалов, и в том числе «прокладывания дороги». По всей видимости, этот рассказывали ради того, чтобы описанное в нем событие, то есть возвращение пропавшего бога, произошло в действительности.

К другой форме магии относились так называемые апотропаические (т. е. отвращающие зло) обряды, для которых под основание дома закапывали фигурки свирепых животных. Вот, например, ритуал, служивший для изгнания злых духов из царского дворца:

«...делают собачку из сала и кладут ее на порог дома и говорят: «Ты — собачка от стола царской четы. Как ты днем не допускаешь других людей ко двору, так и ночью не допускай [в дом] порождений зла».

В обрядах такого рода нет ничего «мистического» и «сокровенного»: это всего лишь пережитки примитивных суеверий. «Колдуны» разрабатывали подобные ритуалы самостоятельно; многие колдовские обряды и заклинания приходили из глухих уголков и с окраин империи; поэтому «окультурная» литература хеттов представляет собой не систематизированный свод магических приемов, а, скорее, собрание фольклорных текстов. «Старухи» (это неприятное название наверняка было почерпнуто из обыденной речи деревенских жителей) пользовались самыми простыми магическими формулами; жрецы, авгуры и специально обученные прорицатели, напротив, совершали только сложные магические ритуалы, уже включавшие в себя религиозные элементы. Существовала ли у хеттов некая «коллегия» магов или заклинателей, связанных с государственным культом и храмами Хаттусы и пользовавшихся особыми привилегиями, мы не знаем; быть может, тексты магических ритуалов собирали в архивах именно для того, чтобы накопить материал для создания такой коллегии. Но как бы то ни было, никто не ставил эффективность магии под сомнение, и в этом отношении хетты, разумеется, были детьми своего времени.

7. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Среди табличек из Богазкёйского архива были обнаружены фрагменты единой серии, в которой описывается ритуал погребения царя или царицы. Вся церемония продолжалась по меньшей мере 13 дней, а возможно, и дольше; но процедура захоронения тела завершалась уже на второй день. В ходе раскопок в

1936 году был найден хорошо сохранившийся текст с описанием обрядов второго дня. Из него с очевидностью следует, что накануне днем или ночью тело кремировали; и действительно, во фрагменте таблички с описанием обрядов первого дня присутствуют слова «огонь» и «горящий». Далее в тексте, относящемся ко второму дню, говорится:

«На второй день, как только рассветет, женщины идут [к?] *уктури*¹ собрать кости; они заливают огонь десятью кувшинами пива, десятью [кувшинами вина] и десятью кувшинами *валхи*².

Серебряный кувшин весом в полмины и 20 сиклей наполняют очищенным маслом. Кости берут серебряной *лаппа*³ и кладут их в очищенное масло в серебряном кувшине, затем вынимают их из очищенного масла и кладут на льняную *гаццарнулли*, под которой лежит «одеяние из тонкой ткани».

Собрав кости, они заворачивают их вместе с льняной тканью в «одеяние из тонкой ткани» и кладут их на стул; но если это женщина, то их кладут на скамеечку.

Вокруг *уктурий*, [на? в?] которых сожгли тело, они кладут 12 хлебов, а на хлебы кладут пирог с салом. Огонь уже залит пивом и вином. Перед стулом, на котором лежат кости, они ставят стол и подают горячие хлебы, <...> хлебы и <...> хлебы для преломления. Повара и «стольники» ставят блюда впереди и впер-

¹ Контекст наводит на мысль, что здесь должно стоять слово со значением «погребальный костер», однако слово *уктури* имеет основное значение «твердый, неподвижный, постоянный», а производное — «останки, мощи». Против прочтения его как «погребальный костер» говорит и тот факт, что ниже это слово употреблено во множественном числе.

² В а л х и — напиток, часто упоминаемый в описаниях ритуалов.

³ Возможно, ложка особой формы.

ди поднимают их [sic]. И всем, кто пришел собирать кости, они подают еду, чтобы те поели.

Затем они трижды подают им питье и так же трижды они дают выпить его душе. Ни хлебов, ни музыкальных инструментов Иштар нет».

Затем «старуха» и ее «помощница» совершают какие-то магические операции, но понять, в чем состоял их смысл, не представляется возможным, так как эта часть таблички сохранилась плохо. Далее в тексте говорится:

«[Тем временем] из дворца [уже] привели двух волов и дважды по девять овец. Одного [вола и девять овец] приносят в жертву солнечной богине [земли], а одного вола и девять овец [приносят в жертву душе] усопшего. [Затем] берут кости и [уносят их] от уктурий и вносят их в его «каменный дом». В «каменном доме» во внутреннем покое расстилают постель, снимают кости со стула и кладут их на постель; светильник <...> [и?] <...> весом в <...> полусиклей с очищенным маслом помещают перед костями; затем жертвуют душе усопшего вола и овцу».

Далее от текста сохранились только фрагменты, а описания ритуалов, которые проводились в последующие дни, так и не найдены. На восьмой, двенадцатый и тринадцатый день проводились обряды и жертвоприношения общего характера.

В 1911 году д-р Винклер обнаружил в пещере у дороги, ведущей к Язылыкая, множество больших горшков (пифосов), сложенных попарно горлышко к горлышку, а в них — несколько малых сосудов с прахом кремированных тел. Но никаких иных остатков кремации, относящихся ко 2-му тысячелетию до н. э., в ме-

стах расселения хеттов не найдено. С другой стороны, и в Алишаре, и в Богазкёе археологи обнаружили множество ингумированных останков — либо в таких же сложенных горлышко к горлышку пифосах, либо просто в могилах, вырытых в земле; в Богазкёе тела покойных обычно закапывали прямо под полом жилищ. Однако все эти останки, в том числе и обнаруженные д-ром Винклером, судя по всему, принадлежали простолюдинам, тогда как в цитированном выше тексте описывается ритуал погребения царя или царицы. Напрашивается вывод, что в этом заключалось одно из значимых культурных различий между правителем и подданными, проявившееся по меньшей мере в эпоху поздней империи (которой датируется текст с описанием ритуала). Однако это различие, по всей видимости, никак не связано с той социальной пропастью, что резче всего отделяла правящий класс от простолюдинов в период Древнехеттского царства. Ведь царей Древнего царства не кремировали, о чем ясно свидетельствуют заключительные фразы из воззвания Хаттусили I: «Омой мое тело как подобает; прижми меня к груди своей и у груди своей погребви меня в земле».

Еще интереснее эта проблема становится при сравнении вышеописанной церемонии с обрядами погребения Патрокла и Гектора, о которых повествует «Илиада» (XXIII, 233 и XXIV, 782 и далее)¹:

ПОГРЕБЕНИЕ ПАТРОКЛА

Тою порой собиралися многие к сыну Атрея;
Топот и шум приходящих нарушили сон его краткий;
Сел Ахиллес, приподнявшись, и так говорил воеводам:
«Царь Агамемнон, и вы, предводители воинств ахейских!
Время костер угасить; вином оросите багряным
Все пространство, где пламень пылал, и на пепле костерном

¹ Цитаты из «Илиады» даны в переводе Н. Гнедича. (Примеч. пер.)

Сына Менетия мы соберем драгоценные кости,
Тщательно их отделив от других; распознать же удобно.
Друг наш лежал на середине костра; но далеко другие
С краю горели, набросаны кучей, и люди и кони.
Кости в фиале златом, двойным покрывши их туком,
В гроб положите, доколе я сам не сойду к Аидесу.
Гроба над другом моим не хочу я великого видеть,
Так, лишь пристойный курган; но широкий над ним и высокий
Вы сотворите, ахейане, вы, которые в Трое
После меня при судах мореходных останетесь живы».
Так говорил; и они покорились герою Пелиду.
Сруб угасили, багряным вином поливая пространство
Все, где пламень ходил; и обрушился пепел глубокий;
Слезы лиющие, друга любезного белые кости
В чашу златую собрали и туком двойным обложили;
Чашу под кушу внеся, пеленою тонкой покрыли;
Кругом означили место могилы и, бросив основы
Около сруба, поспешно насыпали рыхлую землю.
Свежий насыпав курган, разошлись они. Ахиллес же
Там народ удержал и, в обширном кругу посадивши,
Вынес награды подвижникам: светлые блюда, треноги;
Месков представил, и быстрых коней, и волов крепкочелых,
И красноопоясанных жен, и седое железо.

ПОГРЕБЕНИЕ ГЕКТОРА

Так говорил, — и они лошаков и волов подъяремных
Скоро в везы запрягли и пред градом немедля собрались.
Девять дней они в Трою множество леса возили;
В день же десятый, лишь, свет разливая, Денница возникла,
Вынесли храброго Гектора с горестным плачем трояне;
Сверху костра мертвеца положили и бросили пламень.

Рано, едва розоперстая вестница утра явилась,
К срубу великого Гектора начал народ собираться.
И лишь собрались все (неисчетное множество было),
Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
Все, где огонь разливался пылающий; после на пепле
Белые кости героя собрали и братья и друзья,
Горько рыдая, обильные слезы струя по ланитам.
Прах драгоценный собравши, в ковчег золотой положили,
Тонким обвивши покровом, блистающим пурпуром свежим.
Так опустили в могилу глубокую и, заложивши,
Сверху огромными частыми камнями плотно устлали;
После курган насыпали; а около стражи сидели,

Смотря, дабы не ударила рать меднолатных данаев.
Скоро насыпав могилу, они разошлись; напоследок
Все собрались вновь и блистательный пир пировали
В доме великом Приама, любезного Зевсу владыки.

Так погребали они конеборного Гектора тело.

Черты сходства между хеттским и гомеровским ритуалами таковы: 1) тело сжигают; 2) огонь погребального костра заливают напитками; 3) кости погружают в масло или покрывают жиром («туком»); 4) кости заворачивают в лен и в тонкую ткань; 5) кости помещают в каменную усыпальницу; 6) после погребения устраивают пиршество.

С другой стороны, между двумя этими типами церемоний имеются и отличия: 1) гомеровские воины помещают кости, обернутые туком, в золотой сосуд, а в хеттском ритуале этот элемент отсутствует; 2) в хеттском ритуале кости кладут на стул или скамеечку; 3) хеттский «каменный дом» — это, по всей видимости, самостоятельная постройка, а гомеровские воины только заваливают камнями могилу, вырытую в земле; 4) хеттский ритуал включал в себя магические операции, а гомеровский — игры атлетов.

Можно было бы заключить, что в свете всех этих различий отмеченные общие черты не могут служить достаточным основанием для гипотезы о заимствовании или единой традиции. Ведь после того как тело сжигали, с костями так или иначе приходилось совершать ряд операций подобного рода. Но с другой стороны, маловероятно, чтобы хеттские цари стали использовать обычай кремации, не соприкоснувшись предварительно с народом, уже следовавшим аналогичному обычаю. И возможно, имеет смысл задуматься о том, как и при каких обстоятельствах могла произойти такая встреча.

Известно, что в микенской Греции покойников не сжигали: практику кремации греки приняли позже. Конечно, легко было бы обвинить Гомера в невольном анахронизме, но не следует торопиться с выводами. Согласно археологическим данным, в Трое VI — городе, который, по одной из гипотез, имел в виду Гомер и расцвет которого совпадает по времени с эпохой Хеттской империи, — кремация была общепринятым способом захоронения, и не исключено, что ахейские герои заимствовали эту практику у троянцев как удобный способ погребения покойных на чужой земле. В любом случае сам факт того, что кремация практиковалась в Трое VI, указывает на источник, из которого хетты могли ее заимствовать, и в то же время до некоторой степени обосновывает гомеровское описание этого обряда.

Примечание

В 1952 году д-р Биттель обнаружил, что еще один выход скальных пород у дороги к Язылыкая служил хеттам местом захоронения покойных на протяжении многих веков. Здесь размещалось 72 захоронения, в 50 из которых содержались кремированные останки в глиняных сосудах разной формы и величины. Таким образом, хетты, по-видимому, практиковали кремацию с древнейших времен, и на то, что кремированные покойники принадлежали при жизни к правящему классу, нет никаких указаний. Таким образом, утверждать и далее, что практика кремации отличала правителей от подданных, нет никаких оснований, и если хеттский погребальный ритуал действительно связан с тем, что описан в гомеровских поэмах, то объяснять это следует не заимствованием, а единством традиции.

Глава VIII

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

1. ОФИЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Типичный хеттский государственный документ начинается лаконичной формулой: «Так говорит царь NN, великий царь, царь Хатти, герой, сын MM, великого царя, царя Хатти, героя» (в титулах встречаются вариации; родословная иногда опускается, а иногда расширяется). За таким вступлением может следовать и царский указ, относящийся к настоящим делам, и хроники военных кампаний, и «договор» с описанием условий присяги на верность, наложенной царем Хатти на правителя зависимой страны. С формальной точки зрения все эти типы документов — плоды одного дерева, корни которого уходят далеко в глубь веков.

Древнейшей из царских надписей некоторые исследователи признают надпись Анитты, вопрос об аутентичности которой обсуждался выше; однако по своей форме эта надпись необычна. Повествование, занимающее большую часть таблички, якобы скопировано со стелы, установленной в воротах царского города, и завершается проклятием в адрес любого будущего государя или злодея, который посмеет уничтожить или повредить эту стелу. В этом отношении надпись Анитты близка к типу надписей, распространенному в Ва-

вилонии и Ассирии, что свидетельствует в пользу гипотезы, согласно которой первоначальный текст на стеле был написан на аккадском языке. В Анатолии этот тип надписей не встречался вплоть до падения царства со столицей в Хаттусе. Таким образом, данный документ не принадлежит к основному руслу хеттской традиции.

Имеются основания предполагать, что хеттская клинопись вошла в обращение в годы правления Хаттусили I прежде всего для дословной записи заявлений, с которыми царь время от времени выступал перед собранием знати. Выдающийся образец «протоколов» данного типа — так называемое «политическое завещание» Хаттусили. Это запись речи, которую царь произнес по случаю усыновления юного Мурсили и назначения его наследником престола. Царь обращается к народу свободно и естественно, не ограничиваясь рамками жесткой литературной формы. Приведем несколько отрывков, которые наглядно демонстрируют непосредственный и энергичный стиль этого воззвания:

«Великий царь Лабарна¹ обратился к воинам Собрания и сановникам [со словами]: «Смотрите, я заболел. Того молодого Лабарну, которого я объявил перед вами, [сказав:] «Он сядет на трон», — я, царь, называл его своим сыном, обнимал его, восхвалял его и заботился о нем постоянно. Но он выказал себя таким юнцом, на какого и смотреть не подобает: он не проливал слез, не выказывал жалости, он был холоден и бессердечен. Я, царь, призвал его к своему ложу (и сказал): «Что ж! Пусть никто [в будущем] не

¹ Очевидно, таково было настоящее имя царя; имя Хаттусили он принял позже.

воспитывает сына своей сестры как своего приемного сына! Слово царя он не принял к сердцу, а слово своей матери, змеи, он принял к сердцу». <...> Довольно! Он мне не сын больше! Тогда его мать взревела, как вол: «Они разорвали утробу в моем живом теле! Они его уничтожили, а ты его убьешь!» Но разве я, царь, причинил ему какое-то зло? <...> Смотрите, я дал моему сыну Лабарне дом; я дал ему [пахотную землю] в изобилии, [овец] в изобилии я дал ему. Пускай теперь ест и пьет. [Пока будет вести себя хорошо], пусть приходит в город; но если он выступит (?) [как смутьян], <...> то пусть не приходит, а остается [у себя дома].

Смотрите, Мурсили ныне — сын мой. <...> На место льва бог [возведет] другого льва. И в час, когда раздастся призыв к оружию, <...> вы, мои слуги и лучшие граждане, должны будете [прийти на помощь моему сыну]. Когда истечет три года, он выступит в поход. <...> Если вы возьмете его с собой в поход [когда он будет еще ребенком], приведите [его] обратно [невредимым]. <...>

До сих пор ни один [из моей семьи] не подчинялся моей воле; [но ты, мой сын] Мурсили, ты должен повиноваться. Соблюдай слово [своего отца]! Если ты будешь соблюдать слово своего отца, ты будешь [есть хлеб] и пить воду. Когда зрелость [войдет в] тебя, ешь два или три раза в день, и это пойдет тебе во благо! [Когда же] старость войдет в тебя, тогда пей досыта! И тогда можешь забыть слово своего отца.

[Ныне] вы, мои главные слуги, вы [также] должны [соблюдать] мои слова, [слова] царские. Вы ешьте [только] хлеб и пейте воду. [Тогда] Хаттуса будет выситься крепко, и земля моя [будет] в мире. Если же не соблюдете вы царское слово <...> то не останетесь в живых — погибнете.

Мой дед объявил своего сына Лабарну [наследником трона] в Санахуитте, [но после] его слуги и лучшие граждане отвергли (?) его слова и посадили на трон Пападилму. Ныне сколько же лет минуло и [сколько из них] избежали своей участи? Дома тех лучших граждан, где они? Или они не погибли? <...>

А ты, [Мурсили], не мешкай и поддавайся лени. Если ты промедлишь, [это навлечет на тебя] все то же старое несчастье. <...> Что вложено в твое сердце, сын мой, на это всегда и полагайся в своих деяниях!».

В начальных словах этого текста уже присутствует прототип той вводной формулы, которая обычно встречается в позднейших надписях. Интересен также исторический пример (упоминание о заговоре Пападилмы), ссылаясь на который царь предостерегает своих подданных от раздоров. Фрагменты других текстов того периода свидетельствуют, что это был излюбленный риторический прием. Сохранился один документ, целиком состоящий из «нравоучительных анекдотов», наподобие следующих:

«Цити был чашником. Отец царя приказал поднести госпоже Хестайари и Маратти сосуд-*хархара* вина. Он [т. е. Цити] поднес хорошее вино царю, а им дал другое вино. Первый [т. е. Маратти?] пришел и сказал царю: «Подали другое вино». Когда царь увидел это, он [т. е. Цити?] пришел и сказал, что это так. Тогда его увели и «разделались» с ним, и он умер.

Санта, человек из Хурмы, был дворцовым прислужником в Хассуве. Он служил хурритам и пошел на встречу со своим господином [т. е. царем хурритов]. Царь услышал об этом, и его изувечили».

Быть может, этот странный документ служил ораторам своего рода справочным пособием, из которого они выбирали подходящие «иллюстрации» к своим речам? Так это или нет, но отношение к истории как к поучительному материалу ярко отражено во всех царских указах позднейшего времени.

От периода между правлением Мурсила I (преемником Хаттусили) и правлением Телепина надписей не сохранилось, и, когда у нас в руках наконец оказывается великий указ Телепина, устанавливающий нормы поведения для членов царской семьи и провозглашающий закон о престолонаследии, поздний тип государственных документов предстает перед нами уже полностью развитым. Как и речь Хаттусили, этот текст, очевидно, зачитывался вслух перед собранием знати; но, в отличие от более раннего документа, указ Телепина имеет упорядоченную структуру и, очевидно, был тщательно проработан заранее. Исторический пример превратился в длинную преамбулу (первые несколько абзацев из нее приводились выше), живописующую катастрофические последствия междоусобиц и тем самым подготавливающую почву для главной темы, с объявления которой начинается вторая часть документа. С того времени историческая преамбула становится неотъемлемой частью всех царских указов, в том числе и так называемых договоров, в которых она содержала перечисление всевозможных услуг, оказанных в прошлом зависимому царю, и была призвана пробуждать в последнем чувство долга и благодарности. Наконец, при Мурсилье II описание исторических событий выделилось в самостоятельный жанр: появились первые царские анналы. Однако даже здесь повествование не сводится к простой хронике событий. Оно остается тематическим, причем

тема, как правило, носит религиозный характер: вся летопись царских достижений с благодарностью и почтением излагается перед божеством — покровителем царя. Приведем в качестве примера один абзац из введения в «Анналы Мурсили»:

«Когда я, солнце¹, воссел на трон моего отца, прежде чем выступить против враждебных стран, объявивших мне войну, я посетил ежегодные празднества солнечной богини из Аринны, госпожи моей, и отпраздновал их, и к солнечной богине из Аринны, госпоже моей, я воздел руку и сказал так: «Солнечная богиня из Аринны, госпожа моя, окрестные враждебные страны называют меня ребенком, и не принимают меня всерьез, и постоянно пытались захватить мои земли, о солнечная богиня из Аринны, госпожа моя, — снизойди, о солнечная богиня из Аринны, госпожа моя, и сокруши ради меня эти враждебные страны». И солнечная богиня из Аринны услышала мою молитву и пришла мне на помощь, и по прошествии десяти лет после того, как я воссел на трон моего отца, я покорил эти враждебные страны и уничтожил их».

Анналы этих первых десяти лет правления Мурсили записаны на одной табличке, большой и на удивление хорошо сохранившейся (фото 25). Подводя им итоги, царь возвращается к той же теме, которая заявлена во введении:

«С того времени, как я воссел на трон моего отца, я правлю вот уже десять лет. И эти враждебные страны я покорил за десять лет сам; не считая тех враж-

¹ Обратите внимание на этот новый титул, заменивший более древний и простой оборот «я, царь».

дебных стран, которые покорили царевици и знатные военачальники. И все то, чего в дальнейшем удостоит меня солнечная богиня из Аринны, госпожа моя, я запишу и положу перед ней».

Этот документ можно назвать «личной летописью» Мурсили II. Существовала также подробная версия анналов всего его правления, занимавшая много табличек, но большая часть их до наших дней не дошла. Несколько выдержек, позволяющих составить представление о стиле этой хроники, приведено выше, в главе, посвященной военному делу.

Царь Мурсили был выдающимся хронистом. Он сделал записи не только о собственном правлении, но и о царствовании своего отца Суппилиумы. Но, к сожалению, его преемник Муватали подобных анналов не оставил, а о том, что примеру Мурсили последовал его второй сын, Хаттусили III, свидетельствует лишь единственный небольшой фрагмент таблички. Анналы Тудхалии IV тоже сильно пострадали от времени.

Однако от правления Хаттусили III до нас дошел хорошо сохранившийся текст, в котором эта традиционная литературная форма использована с особой целью. Свергнув своего племянника Урхи-Тешуба, Хаттусили тем самым преступил старинный закон Телепина, благодаря которому в стране царили мир и спокойствие. В оправдание этого своевольного поступка он сочинил изысканную апологию, которую нередко называют «автобиографией Хаттусили». Начинается она следующими словами:

«Так говорит Хаттусили, великий царь, царь Хатти, сын Мурсили, великого царя Хатти, внук Суппилиумы, великого царя, царя Хатти, потомок Хаттусили, царя Куссара.

Я изъявляю божественную власть Иштар; да услышат это все люди, и отныне почести, обращенные ко мне, солнцу, [к] моему сыну, [к] сыну моего сына и [к] потомству моего величества, да будут отданы из всех богов [богине] Иштар».

Это — традиционная тема. Однако в центре дальнейшего повествования оказываются отнюдь не военные победы, одержанные во имя божества. Царь рассказывает о своем детстве (упоминая, в частности, что ребенком он много болел) и описывает, как он был посвящен богине Иштар, как его со всех сторон окружали враги и завистники и как Иштар помогла ему справиться с недругами. Она продолжала помогать ему и тогда, когда он стал наместником северных областей, — но лишь до тех пор, пока Урхи-Тешуб не взошел на трон и из зависти к достижениям Хаттусили не примкнул к рядам его недоброжелателей. Далее царь продолжает:

«Но из уважения к моему брату я воздерживался от своекорыстных поступков и вел себя смиренно семь лет. Но затем этот человек вознамерился уничтожить меня <...> и отнял у меня Хакписсу и Нерикку, и тогда я отринул смирение и взбунтовался против него. Но, взбунтовавшись против него, я совершил это не злодейски, не восставши против него в [его] колеснице и не восставши против него в [его] доме, но [открыто] объявив ему войну [в таких словах]: «Ты предпочел вступить со мною в ссору; ты — великий царь, что же до меня, то как оставил ты мне одну крепость, так я и есть царь этой крепости. Вставай же! И пусть Иштар из Самухи и бог грозы из Нерика рассудят наш спор». Относительно того, что я написал это Урхи-Тешубу, кто-

нибудь мог бы сказать: «Почему ты сначала возвел его на трон, а теперь пишешь ему, чтобы вступить с ним в войну?» Но [я отвечаю так:] если бы он [сам] не поссорился со мной, то разве [боги] допустили бы, чтоб он, великий царь, потерпел поражение от ничтожного царька? Но поскольку он сам предпочел вступить со мною в ссору, боги вынесли приговор и присудили ему поражение. <...> И поскольку госпожа моя Иштар прежде обещала мне трон, ныне она посетила мою жену во сне [и сказала]: «Я помогаю твоему мужу, и вся Хаттуса встанет на сторону твоего мужа». <...> Затем я увидел великую милость Иштар. Она покинула Урхи-Тешуба, и не в каком ином, а [в своем же] городе Самухе она затворила его, как свинью в свинарнике, <...> и вся Хаттуса перешла ко мне».

Далее Хаттусили рассказывает, как он избавился от своих врагов, не казнив их, но лишь изгнав из страны, и кратко описывает свои успехи, снова благодаря Иштар за покровительство и помощь. В следующих двух абзацах царь говорит о том, как он посвятил Иштар несколько зданий и сделал ее жрецом царевича Тудхалию, а в заключение еще раз возвращается к исходной теме: «Когда бы в будущем ни преуспел сын, сын сына или иной потомок Хаттусили и Пудухепы, да поклоняется он из всех богов [богине] Иштар из Самухи».

Ядро этого документа — фрагмент, посвященный Урхи-Тешубу. По стройности аргументации представленное здесь рассуждение равносильно выступлению защитника в суде — еще одной разновидности официальных текстов, часто встречающихся в хеттских архивах, но почти не имеющей аналогов в литературах других народов доклассической древности.

сти. Правда, нашему современнику это рассуждение может показаться безосновательным, но лишь потому, что мы давно перестали воспринимать войну как «испытание», позволяющее отличить правого от виноватого; хетты же, как мы видели, принимали эту концепцию как самоочевидную данность, и оправдания Хаттусили звучали для них вполне убедительно. Выше уже отмечалось, что этот документ — явное свидетельство высокоразвитого политического сознания.

Объем данной работы не позволяет нам подробно описать прочие, менее важные типы государственных документов, обнаруженных в хеттских архивах. Укажем лишь, что среди них выделяются жалованные грамоты, освобождающие частные лица или организации от налогов и других повинностей; дарственные, подтверждающие именем царя передачу крупных поместий новым владельцам; рескрипты, содержащие решения по вопросам о спорных границах или обвинения в адрес мятежников; протоколы судебных допросов, а также должностные инструкции различных чиновников и сановников.

Из вышесказанного явствует, что хетты выработали свои особые формы и стили официальной литературы, отвечающие их особым государственным и политическим нуждам и не имеющие ничего общего с литературными формами, бытовавшими у других народов той эпохи. Можно было бы возразить, что жанр анналов обширно представлен в древневосточной литературе хрониками ассирийских царей; однако эти хроники появились лишь спустя несколько столетий после падения Хеттской империи, и в этом отношении ассирийцев следует признать наследниками хеттов.

2. МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Текстов, относящихся к этой категории, сохранилось немного, и с формальной точки зрения их художественные достоинства невелики. Это прозаические повествования, неритмизованные и безыскусные, за исключением, пожалуй, «Песни об Улликумми», обладающей зачаточной ритмической структурой.

Однако яркие, впечатляющие детали в них встречаются часто, да и сами сюжеты, несмотря на свою примитивность, представляют большой интерес. Несколько мифов посвящено хеттским божествам; но более изысканной композицией отличаются мифы, связанные не с собственно хеттской, а с хурритской религией. Кроме того, сохранились легенды о событиях, относящихся к древней истории Хеттского царства, и хеттские версии вавилонских легенд и эпических произведений. Многочисленные повести меньшего объема, по-видимому, также восходят к хурритской литературе. Изобилие чужеземных мифов, легенд и преданий в хеттских архивах может объясняться фактом политического и культурного господства хурритов в период между Древнехеттским и Новохеттским царствами; не исключено, что даже вавилонские легенды проникли в страну Хатти через посредство хурритов, воспринявших многие вавилонские традиции.

А. Легенды

Из собственно хеттских легенд достаточно хорошо сохранилась только одна — предание об осаде Уршу. Текст этой легенды записан на аккадском

языке, но ее принадлежность к хеттской традиции не вызывает сомнений. Действие разворачивается у стен города Уршу (Северная Сирия), осажденного хеттскими войсками; операцией командует царь из города Лухуцантия. Уршу поддерживает связи (и, вероятно, состоит в союзе) с хурритским государством, с городом Алеппо и городом Царуаром, а также, возможно, с городом Каркемишем, отряды из которого засели в дозоре на вершине горы над Уршу. Пропустив несколько почти неразборчивых абзацев, мы доходим до следующего описания:

«Они сломали таран. Царь вышел из себя, и лицо его омрачилось: «Постоянно мне приносят дурные вести; чтоб вас бог грозы унес потопом!» [Затем царь продолжает:] «Не сидите без дела! Изготовьте такой таран, как у хурритов, и пусть его доставят на место. Изготовьте «гору», и ее [тоже] пусть доставят на место. Вырубите большой таран в горах Хас-су, и пусть его доставят на место. Начинайте насыпать вал. Когда закончите, пускай все займут свои посты. Пускай только враг выйдет на битву! Все его планы смешаются». [Затем царь обращается к своему полководцу Санте — возможно, к тому самому злополучному Санте, о котором повествует приведенный выше «исторический анекдот:»] «Мог ли кто-то подумать, что Ирияя придет и солжет: «Мы доставим башню и таран», — но ни башни, ни тарана никто не доставит, а он доставит их совсем в другое место? Схвати его и скажи ему: «Ты обманываешь нас, а значит, мы обманываем царя».

Далее в тексте пропуск, и чем закончился этот эпизод, мы не знаем. Снова явившись к царю с докладом, Санта опять застает его в гневе.

«Почему ты не дал сражение? Колесницы твои — как вода, и сам ты (?) уже почти превратился в воду <...> Тебе надо было только встать перед ним на колени — и ты убил бы его или, по крайней мере, напугал бы. Но ты повел себя как женщина». ...Вот как они ответили ему: «Восемь раз [т. е. на восьми фронтах?] мы дадим сражение. Мы смешаем их планы и разрушим город». Царь ответил: «Хорошо!»

Но пока они мешкали, многих царских слуг сразили, и многие погибли. Царь разгневался и сказал: «Смотрите за дорогами. Наблюдайте за теми, кто входит в город и кто выходит из города. Пусть никто не выйдет из города к врагу». <...> Они ответили: «Мы смотрим. Восемьдесят колесниц и восемь армий окружают город. Пусть не тревожится сердце царя. Я остаюсь на посту». Но перебежчик вышел из города и донес: «Подданный царя Алеппо приходил пять раз, подданный Цуппы живет прямо в городе, люди из Царуара входят и выходят, подданный моего господина, Сына Тесуба, ходит туда-сюда» <...> Царь вышел из себя...

Остаток текста утрачен. Но по имеющимся отрывкам можно заключить, что легенда составлена из ряда однотипных эпизодов, в которых военачальники своей некомпетентностью навлекают на себя царский гнев. Таким образом, не исключено, что это предание связано с описанным выше жанром «нравоучительных анекдотов». В схожем, но гораздо хуже сохранившемся тексте излагается легендарная история города Цалпы в связи с тремя поколениями хеттских царей.

Легенды вавилонского происхождения представлены в хеттских версиях лишь фрагментарно, а подробному изложению их вавилонских прототипов

здесь не место. Сохранилось множество фрагментов эпоса о Гильгамеше, который существовал не только в хеттской, но и в хурритской версии. Основную долю дошедшего до нас текста составляет эпизод с Хувавой (Хумбабой), действие которого происходит в Сирии и Ливане; не исключено, что в этой версии ему уделено значительно больше внимания, чем в исконном вавилонском варианте. С Анатолией и Сирией связаны и другие вавилонские легенды, представленные в хеттском архиве, — предания о походах древних аккадских царей в страны, расположенные к северо-западу от Аккада. Сохранился хеттский перевод предания о Саргоне под названием «Царь битвы» (оригинальный аккадский текст этой легенды найден в Эль-Амарне), повествующего о том, как этот знаменитый царь пришел на помощь к торговцам, обосновавшимся в Бурушхатуме, кроме того, обнаружены вольные изложения легенд о Нарам-Сине, в том числе о его борьбе с союзом 17 царей. Интересно отметить, что в последнем тексте имена некоторых царей и названия их царств не совпадают с указанными в вавилонском оригинале; очевидно, они были адаптированы к привычным для хеттов реалиям. Кроме того, в Богазкёе найдено множество «научных» трудов вавилонского происхождения, например справочники по истолкованию различного рода знамений, гороскопов, а также медицинские тексты.

Б. Мифы

Мифологические тексты, связанные с хеттскими или хаттскими божествами, распадаются на две группы, которые можно условно обозначить как «Миф об

убиении дракона» и «Миф об исчезающем боге». Существовали ли другие мифы о хеттских или хаттских богах, сказать трудно, поскольку таблички с этими текстами разбиты на мелкие фрагменты, не связывающиеся в единое повествование. Понятно, однако, что имелось несколько версий двух выше-названных мифов.

«Убиение дракона» — это типичный новогодний миф, наподобие вавилонского эпоса творения, английской рождественской пантомимы и прочих преданий и драматических сцен такого рода, бытовавших в самых разных культурах. Смысл этих мифов сводится к ритуальному поединку божественного героя с противником, олицетворяющим собой силы зла. Хеттский «Миф об убиении дракона» существовал по меньшей мере в двух версиях. Обе они начинаются с сообщения о том, что при первой встрече с драконом Иллуянка бог грозы — главный герой обеих версий — потерпел поражение. Далее, согласно первой версии, бог грозы воззвал ко всем богам, и богиня Иштар придумала, как обмануть дракона. Она устроила большой пир, выставив множество бочек со всевозможными напитками. Затем она обратилась за помощью к некоему человеку по имени Хупасия. Хупасия сказал: «Если ты согласишься переспать со мной, я приду и сделаю все, что ты захочешь». Иштар пришлось переспать с ним. Затем она пригласила дракона на пир.

«И дракон Иллуянка пришел со своими детьми; они ели и пили, и опустошили все бочки, и утолили свою жажду. Вернуться назад в свое логово они не смогли. Тогда Хупасия пришел и связал дракона веревкой. Затем бог грозы пришел и убил дракона Иллуянку, и боги были с ним».

Далее следует странный эпизод, конец которого утрачен:

«Инара построила дом на скале в области Таруки и отдала этот дом Хупасии. И Инара ему сказала: «Прощай! Теперь я ухожу. Не выглядывай из окна; ибо если выглянешь, то увидишь свою жену и детей». Но прошло 20 дней, он распахнул окно и увидел свою жену и детей. И, вернувшись из путешествия, Инара стала просить: «Впусти меня!».

Из следующих далее неразборчивых отрывков можно уяснить лишь одно: за ослушание Хупасия был наказан смертью.

По второй версии этого мифа дракон не просто побеждает бога грозы, но и завладевает его сердцем и глазами. Чтобы вернуть их, бог грозы сам прибегнул к хитрости. Он сошелся с дочерью бедняка, и та родила ему сына. Сын вырос и посватался к дочери дракона, а бог грозы дал ему такие наставления: «Когда войдешь в дом своей невесты, потребуй у них мое сердце и мои глаза». Так он и поступил, и родные невесты вернули ему украденные органы без возражений.

«Затем он принес их своему отцу, богу грозы, возвратил богу грозы сердце и глаза. Когда тело его исцелилось и стало таким, как было прежде, он пошел к морю, на битву, и, когда вышли против него сражаться, он сумел сразить дракона Иллуянку».

Эта версия тоже заканчивается странно. Сын бога грозы оказался в это время в доме дракона. Он крикнул своему отцу: «Сокруши и меня! Не щади меня!» Так бог грозы убил и дракона, и своего сына.

Рис. 12. Барельеф из Малатьи

Примитивный характер обеих версий очевиден. Обе они принадлежат к фольклорному пласту, и никаких попыток облагородить их в религиозном или литературном смысле не предпринималось. Типично фольклорными мотивами являются, как указывает д-р Теодор Гастер, глупость и обжорство дракона, победа, одержанная хитростью, и роль человека-посредника, выполняющего подвиг вместо бога. Очевидно, считалось необходимым, чтобы в конце концов этого человека-посредника постигла беда, и обе версии, как мы видели, завершаются двумя вариантами его гибели. Эти эпизоды нуждаются в некотором разъяснении. Д-р Гастер предположил, что в первой версии Хупасия, вступив в половую связь с богиней, приобретает божественную силу, и заточение его на неприступной скале вкупе с запретом смотреть на жену и детей призваны предотвратить передачу этой божественной силы смертным. Во второй версии, согласно гипотезе того же автора, сын призывает отца «сокрушить и его», потому что он невольно нарушил законы гостеприимства и не может жить дальше с таким тяжким грехом на совести.

В тексте прямо говорится, что этот миф декламировали на праздник *пурулли*, который, как мы видели, по всей вероятности, представлял собой еже-

годный праздник весны. Поэтому у нас есть все основания поставить этот миф в один ряд с другими схожими текстами, использовавшимися в обрядах сезонных праздников.

Иллюстрацией к этому или к одному из схожих с ним мифов служит барельеф из Малатьи (рис. 12): бог, за спиной которого изображена фигура поменьше, наступает с поднятым копьём на извивающегося змея. От тела змея поднимаются языки пламени.

«Миф об исчезающем боге» повествует о том, как с исчезновением бога плодородия вся жизнь на земле замирает, о поисках пропавшего бога и, наконец, о том, как с его благополучным возвращением домой жизнь на земле пробуждается вновь. В рамках этой общей схемы сложилось несколько версий, существенно различающихся в деталях. В группе тесно связанных между собой текстов роль исчезающего бога играет Телепин, из-за чего общая схема данного мифа получила широкую известность под названием «Миф о Телепине». Однако обнаружена и другая версия, где главным героем выступает сам бог грозы; более того, в мифе с так называемой «юзгатской таблички» соблюдается та же схема, но исчезают сразу несколько божеств, в том числе и бог солнца. Поэтому представляется разумным сохранить за мифами этой группы обобщающее название.

В утраченном введении к основной версии, повествующей о Телепине, боге земледелия и скотоводства, по всей вероятности, описывалось нормальное течение жизни, предшествующее пропаже бога. Затем, по некой неизвестной причине, бог впадает в гнев и уходит, «надев правый башмак на левую ногу, а левый башмак — на правую» (очевидно, признак спешки). В следующем далее описании всеобщего упадка точное значение некоторых слов установить не удалось.

«Облака пыли (?) заслонили окно, дым (?) окутал дом, угли в очаге задохнулись (?), боги задохались [в храме], овцы задохались в овчарне, волы задохались в хлеву, овца отвергала ягненка, корова отвергала теленка. <...> Ячмень и эммер перестали расти, коровы, овцы и люди перестали зачинать, а те, кто носил плод, не смогли выносить».

Листва на деревьях увяла, луга и ручьи пересохла. Люди и боги начали голодать.

«Великий бог солнца устроил пир и пригласил тысячу богов; они ели, но не насытились, они пили, но не утолили жажду. Тогда бог грозы вспомнил своего сына Телепина [и сказал]: «Телепин покинул страну; он разгневался и ушел и забрал с собой все, что есть хорошего». Боги великие и малые отправились на поиски Телепина. Бог солнца послал орла своим вестником, сказав: «Ступай, обыщи высокие горы, обыщи глубокие долины, обыщи темно-синие воды». Орел полетел, но не нашел его и сказал богу солнца так: «Я не нашел Телепина, могучего бога».

В мифе о боге грозы, сохранившемся лишь в отрывках, этот эпизод повторяется почти дословно, не считая того, что роль Телепина играет бог грозы, а роль бога грозы из мифа о Телепине — «отец бога грозы». Но начиная с этого момента версии расходятся. Далее в своем изложении мы будем следовать мифу о Телепине, так как он сохранился лучше.

«Затем бог грозы обратился к богине Ханнаханне: «Надо немедленно что-то предпринять. Мы умрем от голода».

В ответ богиня посоветовала богу грозы пойти самому поискать Телепина, и он отправился в путь.

«Он стучал в ворота своего города, но те не открывались, и [он лишь] сломал рукоять своего молота. Бог грозы вернулся домой и сел в молчании (?)».

Тогда Ханнаханна посоветовала ему послать на поиски пчелу. Бог грозы возразил:

«Боги великие и малые искали его, но не нашли. Как же эта пчела найдет его? Крылья у нее маленькие, и сама она маленькая».

Но богиня отвергла эти возражения и послала пчелу, наказав ей ужалить Телепина в руки и ноги и заставить его проснуться, а затем вымазать его воском и привести домой. Пчела полетела на поиски. Она обыскала горы, реки и ручьи и нашла Телепина; согласно одному из вариантов, он спал на лугу близ города Лихцины (культовый центр бога грозы). Пчела укусила бога, и тот, проснувшись, снова впал в ярость.

«Тогда сказал Телепину: «Я в ярости! Почему ты заставляешь меня вести беседы, когда я сплю и убавкиваю свой гнев?»»¹

Так он отказался вернуться домой, и люди, коровы и овцы по-прежнему гибли. Начиная с этого места текст становится фрагментарным, но очевидно, что в конце концов бог все же возвратился домой на спине орла.

¹ Перевод из книги Гастера «Феспид» («Thespis»).

«Тогда пришел Телепин в спешке. Были молния и гром. Он [как будто] сражался с темной землей. Камрусепа смотрела; орлы несли его на крыльях. Но гнев все еще кипел в нем, ярость все еще кипела в нем, бешенство все еще кипело в нем, [неистовство] все еще кипело в нем».

Затем Камрусепа произнесла ряд заклинаний, чтобы изгнать из Телепина гнев. И наконец

«Телепин возвратился в свой храм. Он подумал о земле. Он избавил окно от облаков пыли (?), он избавил дом от дыма. Алтари богов подготовили. Он избавил угли в очаге, он избавил овец в овчарне, он избавил волов в хлеву. Мать обратилась к ребенку, овца обратилась к ягненку, корова обратилась к теленку.

Телепин [подумал о] царе и царице, он подумал, как даровать им жизнь и силу на будущее. [О да!] Телепин подумал о царе.

Затем перед Телепином поставили вечнозеленое дерево. На вечнозеленое дерево повесили шкуру овцы. В нее положили бараний жир, в нее положили пшеницу, скот (?) и вино (?), в нее положили долгие дни и потомство, в нее положили нежное блеяние (?) овец, в нее положили процветание (?) и изобилие (?), в нее положили...»

На этом текст обрывается.

От мифа о боге грозы сохранился отрывок диалога между отцом и дедом бога грозы. Здесь дед, по всей видимости, обвиняет отца в каком-то «прегрешении» и грозит убить его. Отец бога грозы обращается за помощью к богиням Гулсам (Паркам?) и к Ханнаханне. Продолжение этой версии утраче-

но; мы не находим ни следа от эпизода с пчелой, и как именно бог грозы вернулся домой, остается неясным. Финальный фрагмент с вечнозеленым деревом сохранился в практически идентичной форме.

Во фрагменте, известном под названием «юзгатской таблички» (Сейс обнаружил его в Юзгате, близ Богазкёя, в 1905 году), вина за катастрофу, постигшую землю, возлагается на персонифицированного *хаххиму* (по-видимому, «оцепенение»), который играет в повествовании весьма активную роль. «Хаххима вверг в неподвижность всю землю, он иссушил воды; Хаххима могуч!» В таких словах в начале сохранившейся части текста бог грозы подводит итог ситуации. Очевидно, он обращается к своей сестре, которая воззвала к нему о помощи; диалог между ними неразборчив. Затем бог грозы обращается к «своему брату-ветру» и говорит:

«[Дыхни на] воды гор, садов и лугов, пусть твое живительное дыхание коснется их и выведет их из оцепенения». Но ветер, по-видимому, не справляется. Он лишь сообщает богу грозы: «Этот Хаххима говорит своему отцу и матери: «Ешьте это, пейте [это]. Не заботьтесь об овчарах и пастухах!» И он вверг в оцепенение всю землю».

Дальше следует более связный фрагмент:

«Бог грозы послал за богом солнца, [сказав:] «Ступайте! Приведите бога солнца!» Они пошли искать бога солнца, но не нашли его. Тогда сказал бог грозы: «Хоть вы и не нашли его поблизости (?), смотрите — мои руки и ноги теплы, [так] разве мог он погибнуть?» Затем он послал Вурункатти (Цабабу), [сказав:] «Ступай! Приведи бога солнца!» Но Хаххи-

ма схватил Вурункатти. [Тогда сказал он:] «Призовите «духа-защитника»¹. Он оживит его², он — дитя открытой местности». Но и его схватил Хаххима. [Тогда сказал он:] «Ступайте! Призовите Телепина! Этот сын мой могуч; он боронит и пашет, он орошает поля и возвращает урожаи». Но и его тоже схватил Хаххима.

[Тогда сказал он]: «Призовите Гулс и Ханнаханну».

Далее идут плохо сохранившиеся строки, из которых, впрочем, явствует следующее: бог грозы опасается, что если этих богинь тоже схватят, то Хаххима затем захватит в плен и его самого; поэтому он дает им в провожатые братьев Хасаммели — бога, который, по-видимому, защищал путников или даже мог делать их невидимыми. Затем бог грозы изрекает угрозу в адрес Хаххимы, и на этом текст обрывается.

Лакуна (пропуск текста) занимает более половины таблички, и прочесть далее можно только самый конец повествования: «[Табличка] воззвания к богу солнца и к Телепину; конец». Однако за текстом мифа следует описание ритуала, цель которого, несомненно, состояла в том, чтобы привлечь двух этих богов обратно в храм. В ходе ритуала накрывали два стола (один — для солнечного бога, другой — для Телепина) и выставляли на них разнообразные блюда и напитки. Конец этого текста также утрачен.

Следует признать, что в литературном плане эти истории, в особенности текст «юзгатской таблички», довольно примитивны. Основной интерес для

¹ Имя этого бога неизвестно; именование «дух-защитник» — это попытка перевода «шумерограммы», которой обозначалось данное божество.

² Как это часто случается в хеттских текстах, не вполне ясно, к кому относится это местоимение — к Вурункатти или к богу солнца.

нас представляет содержащийся в них религиозный компонент. Описанию катастрофических последствий, которые влечет за собой исчезновение бога, и рассказам о поисках пропавшего бога и о том, как с его возвращением вся земля возрождается, находятся близкие параллели в мифах об Адонисе, Аттисе, Осирисе и Таммузе; все это — такие же типичные элементы мифов, связанных с ежегодным весенним празднеством, как и ритуальный поединок в «Мифе об убиении дракона». Однако, в отличие от последнего, ни один из этих текстов не связан с сезонными праздниками. Все это — «воззвания к богам» (*мугавар* или *мугессар*), относящиеся к широко представленному в хеттских архивах роду религиозной драмы. Предполагается, что бог ушел из храма, и с помощью особых молитв и ритуалов его уговаривают вернуться; миф же только описывает события божественного мира, аналогичные тем, ради которых совершается ритуал. В версии с Телепином в главной роли ритуальные действия даже включаются непосредственно в миф: чтец исполняет роль богини Камрусепы. Упоминание о царе и царице в мифе о Телепине могло бы навести нас на мысль, что миф этот декламировали только в связи с событиями общегосударственного значения; однако этому противоречит тот факт, что в одной из версий вместо царя и царицы упоминается некто Пирва, на дом которого, по всей видимости, пало несчастье. Очевидно, жрецы прибегали к этим мифам по мере надобности всякий раз, когда к ним обращался за помощью человек, желавший вернуть себе благорасположение богов. Гипотеза о том, что первоначально они представляли собой тексты для декламации во время весеннего праздника, пока не получила прямых подтверждений.

Особого внимания заслуживает эпизод с миссией пчелы. Широко распространены народные поверья о том, что мед оказывает очистительное действие и может изгонять злых духов, а также что укус пчелы или муравья способен излечить от паралича. Примечательную параллель мы находим в финском эпосе «Калевала»: Леммикяйнена убивают враги, но по просьбе его матери пчела приносит с девятого неба волшебный мед, которым и оживляет героя. В мифе о Телепине представляется важным то, что посылает пчелу на поиски богиня Ханнаханна, имя которой состоит из дважды повторенного слова со значением «бабушка» и обычно заменялось идеограммой со значением «великий»; в случае, если пчела была священным животным этой богини, то любопытный отзвук данного эпизода можно обнаружить в том, что, согласно Лактанцию, жриц «Великой Матери» Кибелы называли «пчелами» (*melissai*).

С точки зрения литературной композиции наибольший интерес представляют художественные тексты хурритского происхождения, в особенности цикл мифов, повествующих о боге Кумарби. В хурритской мифологии Кумарби считался отцом богов и отождествлялся с шумеро-вавилонским богом Эллилем. Основных текстов, в которых он играет главную роль, сохранилось два: миф о борьбе за власть между богами и длинное эпическое произведение, занимающее три таблички и озаглавленное «Песнь об Улликумми».

Согласно мифу о борьбе за власть между богами, некогда царем небес был Алалу. Алалу восседал на троне, и «могучий Ану, первый среди богов, стоял перед ним, склонялся к его ногам и подавал ему чашу с питьем».

Алалу царствовал на небесах девять лет. На девятый год Ану пошел войной против Алалу и победил

его, и Алалу бежал от него на землю (т. е. в подземный мир?). Ану же воссел на трон, и отныне «могучий Кумарби» прислуживал ему и склонялся к его ногам.

Ану тоже царствовал девять лет, а на девятый год Кумарби пошел против него войной. Ану уклонился от битвы и птицей полетел в небо, но Кумарби схватил его за ногу и стащил вниз. Затем Кумарби откусил Ану половой член (эвфемистически названный «коленом») и рассмеялся от радости. Но Ану повернулся к нему и сказал: «Не радуйся тому, что ты проглотил! Ты сейчас зачал от меня трех могучих богов. Во-первых, ты зачал могучего бога грозы (?), во-вторых, ты зачал реку Аранцах (Тигр), а в-третьих, ты зачал великого бога Тасмису (прислужника бога грозы). Трех грозных богов насадил я в тебя плодом своего тела».

И с этими словами Ану взмыл в небеса и исчез из виду. Но «мудрый царь» Кумарби выплюнул то, что было у него во рту, в результате чего трех этих «грозных богов», в свою очередь, зачала и родила Земля. К сожалению, дальнейший текст сильно испорчен, и разобрать его не представляется возможным.

Издатель этого текста, д-р Г.Г. Гютербокс, уже отметил его поразительное сходство с «Теогонией» древнегреческого поэта Гесиода. В «Теогонии» Земля (Гея) рождает Небо (Урана); затем Уран и Гея порождают Кроноса и других титанов. Уран ненавидит своих детей и пытается воспрепятствовать их рождению, но Кронос по совету Геи оскопляет своего отца серпом. Из крови Урана рождаются Эринии (Фурии), гиганты и нимфы Мелии, а из пены, поднявшейся там, где детородный орган Урана упал в море, появляется на свет Афродита. Затем титанида Рея рождает от Кроноса олимпийских богов.

Кронос проглатывает их одного за другим, кроме Зевса, вместо которого Рея подкладывает мужу камень. Возмужав, Зевс побеждает Кроноса и заставляет его изрыгнуть богов; камень же, который Кронос в свое время проглотил вместо Зевса, устанавливают в Дельфах, и он становится предметом поклонения. Завершается поэма битвой богов с титанами и окончательной победой олимпийцев.

Гесиодовскому ряду «Уран—Кронос—Зевс» в хеттской версии соответствует ряд «Ану (шумер. *ан* — небо) — Кумарби, отец богов, — бог грозы»; правда, в хеттской версии в лице Алалу представлено еще более древнее поколение богов, у Гесиода отсутствующее. В обоих мифах присутствуют мотивы оскпления небесного бога и (в различных контекстах) проглатывания и выплевывания. В испорченной части содержатся упоминания о Кумарби, вкушающем какую-то пищу, и о камне, который, возможно, соответствует дельфийскому «омфалу» из гесиодовской версии; и не исключено, что хеттский миф также завершается победой бога грозы. Эти черты сходства — достаточно веские аргументы в поддержку гипотезы о том, что оба мифа восходят к одному хурритскому прототипу.

«Песнь об Улликумми» сохранилась только в обрывочных фрагментах, точная последовательность которых до сих пор не установлена. В целом это история о том, как Кумарби пытался отомстить своему сыну Тесубу, свергнутому с престола. Кумарби решил сотворить могучего мятежника, который победил бы бога грозы и разрушил его город Куммию. Он заручился поддержкой «Моря» и, согласно одной из версий (или, возможно, другому мифу), женился на дочери этого «Моря»; но в основной версии супругой его названа «вершина огромной горы». В поло-

женный срок у него родился сын, которому дали имя Улликумми, что вполне может означать «разрушитель Куммии». Тело этого ребенка (как и подобает сыну такой матери) было из камня — диорита. Затем Кумарби призвал богов Ирширра, и они перенесли ребенка на землю и положили его на плечи Упеллури (аналог Атланта), стоявшего посреди моря; там мальчик стал расти не по дням, а по часам. Когда он вырос таким большим, что море стало ему по пояс, бог солнца заметил его, преисполнился гнева и страха и поспешил известить обо всем Тесуба. Тесуб и его сестра Иштар взобрались на вершину горы Хацци (гора Касий близ Антиохии) и увидели оттуда чудовищного Улликумми, возвышающегося посреди моря. Тесуб горько расплакался; Иштар попыталась его утешить. Тогда Тесуб, по всей видимости, решил выйти на битву против Улликумми. Он велел своему слуге Тасмису привести быков Серису и Теллу, и украсить их, и призвать гром и дождь. Затем началась битва; но боги оказались бессильны. Улликумми подступил к воротам Куммии и принудил бога грозы отречься от престола. Хебат, супруга Тесуба, стояла на башне, наблюдая за ходом сражения; когда ей принесли дурные известия, она едва не упала с крыши от страха. «Если бы она сделала хоть шаг, она упала бы с крыши, но женщины поддержали ее и не дали ей упасть». По совету своего слуги Тасмису Тесуб решил обратиться за помощью к премудрому Эа и отправился в его «город» Абцуву (ошибочная трактовка шумерского слова «абзу», означавшего «Нижнее море», в котором и обитал Эа). Эа собрал совет богов и призвал Кумарби к ответу; тот хвастливо раскрыл перед всеми свой замысел, и боги в ужасе разбежались. Тогда Эа пошел к Эллилю и рассказал ему о случившемся, а затем направился к

Рис. 13. Оттиск печати, предположительно митаннийской

старику Упеллури, на плечах которого вырос Улликумми. И тут выяснилось, что Упеллури ничего не заметил. Вот что он ответил Эа:

«Когда небо и землю воздвигли на мне¹, я ничего не знал об этом, и когда пришли и отсеки небо от земли медным ножом (?), я тоже ничего не знал. А теперь у меня почему-то болит правое плечо, но я не знаю, что это за бог причиняет мне боль». Услышав это, Эа развернул правое плечо Упеллури, и там, на правом плече Упеллури, стоял, словно столб (?), Диоритовый Камень».

Слова Упеллури, по-видимому, навели Эа на счастливую мысль. Он велел открыть древнее хранилище и вынести оттуда древний нож, которым небо когда-то отсеки от земли. Этим могучим оружием он перерубил Диоритовому Камню ноги и тем лишил его силы. Затем он объявил о своем подвиге всем богам и призвал их снова выйти на битву с каменным исполином, который на сей раз оказался против них бессилён. Конец истории утрачен, но можно не сомневаться, что завершилась она возвращением Тесуба на трон и поражением Кумарби и его чудовищного сына.

¹ На рис. 13 изображен митаннийский «Атлант», поддерживающий крылатый диск, в образе которого представлялось солнце.

Этому сказанию также находится параллель (хотя и не столь близкая) в греческой мифологии: миф о чудовищном Тифоне, который вышел на битву с Зевсом по просьбе своей матери Геи. Этот миф служит непосредственным продолжением Гесиодовой «Теогонии», а также встречается у Аполлодора и Нонна. Однако и грекам, и хеттам подобные предания были, в сущности, чужды, и можно не сомневаться, что данный миф они заимствовали из восточных источников — либо через город-порт Посейдейон в Северной Сирии (который, как мы теперь знаем благодаря раскопкам сэра Леонарда Вулли, был важным узлом оживленного торгового маршрута, связывавшего Грецию с удаленными от побережья азиатскими городами), либо при посредстве финикийцев, среди которых бытовали схожие мифы.

Мы рассмотрели подробно лишь те несколько текстов этой категории, которые дошли до нас в относительно хорошем состоянии. Множество произведений схожего характера представлены лишь краткими и почти неразборчивыми фрагментами; таковы, к примеру, миф о змее Хедамну, полюбившем богиню Иштар; эпос о Гурпаранцах, в котором важную роль играет река Аранцах (хурритское название Тигра); эпос об охотнике Кесси; сказание об Аппу и двух его сыновьях — Хорошем и Плохом. Все эти предания имеют хурритское происхождение, хотя не исключено, что многие присутствующие в них мотивы восходят к мифологии шумеров. Кроме того, сохранилось несколько фрагментов ханаанских мифов — такого, например, как миф о богине Ашерту и ее супруге Эль-кунирсе.

Глава IX

ИСКУССТВО

До сих пор в этой книге речь шла главным образом о Хеттском царстве и империи со столицей в Хаттусе. На основе многообразных сведений, почерпнутых из глиняных табличек царского архива, представляется возможным воссоздать довольно полную картину цивилизации, сложившейся в этом царстве. Но когда мы обращаемся к предметам искусства и памятникам материальной культуры хеттов, политический фон утрачивает свое главенствующее значение и пространственно-временные границы раздвигаются. От периода Древнехеттского царства не сохранилось почти ничего, кроме глиняных сосудов. Скульптура появляется в эпоху империи, но не исчезает с ее падением. Напротив, главным источником наших представлений о неохеттских царствах служат именно скальные рельефы, статуи и барельефы, неотделимые от традиций монументального искусства Хеттской империи, несмотря даже на то, что со временем в неохеттской скульптуре (особенно в сирийских царствах) все ярче начинают проявляться черты, характерные для искусства Месопотамии.

Однако свой рассказ о хеттской скульптуре мы начнем с тех известных нам образцов монументального искусства, которые были созданы в Центральной Анатолии еще до прихода хеттов. Турецкая экс-

педия обнаружила в Аладжа-хююке ряд захоронений 3-го тысячелетия до н. э., в которых сохранилось множество примечательных памятников материальной культуры. В их числе — серебряные и бронзовые статуэтки животных, золотые кувшины и кубки, золотые украшения и серии предметов неизвестного назначения (судя по форме, представлявшие собой символы солнечного диска), иные из которых украшены фигурками оленей. Олень, как мы уже видели, был священным животным божества, которому в хеттские времена поклонялись по всей Анатолии. Однако ничего, сопоставимого с этими искусно сделанными предметами, от более поздних времен не сохранилось (хотя в ходе дальнейших раскопок ситуация, конечно, может измениться).

Столь же уникальны примитивные каменные кумиры из Кюль-тепе, тела которых выполнены в форме дисков с геометрическими орнаментами, а головы возвышаются на длинных шеях (фото 1*b*). Иногда попадаются двух- или даже трехголовые кумиры, а в самых примитивных образцах голова замещена парой глаз (что указывает на возможную связь с «глазастыми кумирами», множество которых профессор Мэллоуэн обнаружил на севере Месопотамии). Тип лица, представленный на детально проработанных образцах, не имеет ничего общего с теми, что относятся к хеттскому периоду.

Для керамики этой эпохи характерны изысканные полихромные изделия ручной работы, в прошлом именовавшиеся «каппадокийскими». Эти сосуды покрыты геометрическими орнаментами черного, красного и белого цвета; иногда присутствуют стилизованные изображения птиц. Формы сосудов весьма разнообразны; предпочтение отдается срезанному носику; к числу самых изящных образ-

цов относятся ритоны в форме животных (фото 23b) и сосуд в форме туфли (фото 24). Геометрические орнаменты роднят этот тип керамики с описанными выше «кумирами-дисками».

Подобные гончарные изделия продолжали повсеместно использовать и в Древнехеттском царстве, и четкую археологическую стратификацию по этому признаку между двумя периодами провести невозможно. Однако постепенно они утрачивают популярность и замещаются изделиями, изготовленными на гончарном круге, полированными и, как правило, окрашенными в красный цвет. Чрезвычайное изящество и пропорциональность, которыми отличаются эти сосуды, наводят на мысль о том, что при их изготовлении использовались металлические формы (фото 24). В период Новохеттского царства керамика этого типа становится самой характерной, хотя сосуды с орнаментами тоже не вышли из употребления.

Самой развитой формой искусства в начале 2-го тысячелетия до н. э. в Анатолии была глиптика, представленная оттисками цилиндрических печатей на табличках из ассирийских торговых колоний. Цилиндрическая печать — это небольшой каменный цилиндр с продольным отверстием, в которое продевалась бечева, и с выгравированным на боковой поверхности рисунком, оттиск которого получали прокатыванием. Печати такого типа были изобретены в Месопотамии, и, несмотря на то что в упомянутых оттисках содержатся специфические анатолийские мотивы (к примеру, поклонение священному быку), их следует признать побочной ветвью вавилонского искусства. После исчезновения ассирийских колонистов такие печати и оттиски встречаются крайне редко. Важно, однако, иметь в виду, что на табличках из ассирийских колоний иногда встречаются также оттиски печатей-штам-

пов, очень похожие на оттиски позднейшего периода и применявшиеся в Анатолии с глубокой древности.

О том, как изображалось в ту эпоху человеческое тело, мы можем судить лишь по эпизодическим находкам, порождающим ряд проблем. Бронзовую статуэтку, изображенную на фотографии 1а на вклейке, много лет назад нашли в Богазкёе местные жители, поэтому точно датировать ее невозможно, хотя обычно ее относят приблизительно к 2000 году до н. э. Однако изображенный на ней бородатый мужчина в шерстяном плаще не имеет ничего общего с головами «кумиров-дисков», изображенными на фотографии 1b на вклейке. Зато статуэтки такого типа обнаружены в Сирии, поэтому не исключено, что она была привезена оттуда. Свинцовая статуэтка из Кюль-тепе (фото 5с), изображающая мужчину с явно искусственной бородой и в короткой подпоясанной юбке с бахромой, по-видимому, относится к более позднему времени; ее обнаружили в слое Древнехеттского царства, и не исключено, что это древнейшее изображение человеческого тела, которое можно признать подлинно хеттским.

Начало эпохи Новохеттского царства повлекло за собой радикальные перемены. Внезапно появились монументальные каменные барельефы, нередко украшенные иероглифическими надписями; их высекали либо на массивных каменных блоках, которые образовали нижний ряд кладки в облицовке фасада хеттских дворцов и храмов, либо, что более характерно, на изолированных монолитах, устанавливавшихся в самых разных городах и областях страны. Все это с несомненностью свидетельствует о централизации власти — эти рельефы изготавливались по непосредственному приказу царя. На многих из них изображен сам царь, обычно в роли жреца, поклоняющегося своему богу

(рис. 11, 17 и фото 16). Фигура царя в мантии и покрывале и с литуусом в руке стала отличительным знаком скульптуры, принадлежащей к эпохе Хеттской империи; но точно датировать скульптуры в рамках этого периода, как правило, не удастся. Самый примечательный из подобных «царских портретов» находится в малой галерее в Язылыкая (фото 15), где царь изображен в объятиях бога; это один из самых искусных и лучше всего сохранившихся образцов наскальной скульптуры; и, более того, иероглифическая надпись с именем царя Тудхалии позволяет точно датировать это изображение поздним периодом империи, ибо соотнести столь высокоразвитое произведение искусства со временем правления любого из предшествующих царей, носивших то же имя, невозможно.

Божество в сценах поклонения иногда представлено человеческой фигурой в натуральную величину (стоящей, как на рис. 17, или сидящей), а иногда замещено животным (рис. 11) или символом (фото 20а). Самым выдающимся памятником хеттской религии конечно же следует признать главную галерею в Язылыкая. Здесь каждое божество официального пантеона изображено в своем типичном облике; каждый бог легко опознается по роду оружия, которое он держит в одной руке, атрибуту, высеченному над второй рукой, и животному, на спине которого он стоит. Боги облачены в короткую подпоясанную рубаху (иногда также в плащ); на ногах у них башмаки или мягкие туфли с загнутыми кверху носками; на голове — конический головной убор. Облачение богинь состоит из длинной плиссированной юбки, свободного покрывала, задрапированного поверх руки, таких же туфель с загнутыми носками и венца; лица не скрыты покрывалами. Украшения богам и богиням служат серьги и браслеты. Такой наряд несом-

ненно считался в ту эпоху самым модным, хотя головные уборы божеств имеют особый религиозный смысл.

Относительно того, что означают эти две сходящиеся процессии из скальных рельефов в Язылыкая, выдвигалось множество гипотез. Тексьер, первым обнаруживший это святилище, интерпретировал их как встречу амазонок с пафлагонцами, Гамильтон соотнес их с мидянами и лидийцами; Уиперт — со скифами и киммерийцами. Первую религиозную интерпретацию предложил Рамсей, отождествивший бога и богиню, возглавляющих эти две процессии, с Ваалом и Астартой. Подробнее всего на английском языке история этого вопроса изложена у Гарстанга, который истолковал эту сцену как изображение священного брака — либо ежегодного ритуала, подобные которому практиковались в других восточных религиях, либо уникального события из мира богов, а именно встречи бога грозы Хатти с Хебат из Киццуватны (Кумманни) по случаю бракосочетания Хаттусили III со жрицей Пудухепой. Эта идея чрезвычайно привлекательна; проблема, однако, в том, что в текстах мы не находим ни единого указания на то, что хетты когда-либо совершали подобную церемонию. В сущности, мы не обязаны рассматривать это святилище как нечто большее, нежели просто сакральное место, в котором присутствовала «тысяча богов Хатти», изображенных в симметричной композиции с верховной божественной четой в центре. Не исключено, что образ двух сходящихся процессий — это всего лишь иллюзия, порожденная традиционными художественными условностями, которые предписывали изображать человеческую фигуру как бы делающей шаг вперед. Ведь именно в этой позе люди и боги изображаются на всех хеттских барельефах — даже там, где движение вперед

не подразумевается (см., например, фото 4, 5а, 18 и 28). Вытянутые вперед руки — также условность, ибо в текстах указывается, что в левой руке каждого культового изваяния помещался связанный с ним символ. В движении с несомненностью изображены только 12 богов, замыкающих «мужскую» процессию. Можно предположить, что если движутся хотя бы несколько фигур, то перед нами — действительно процессия в движении. Однако эти 12 богов до сих пор не опознаны, и не исключено, что у художника имелись особые причины изобразить их бегущими, тем более что они же присутствуют и в сцене на боковой галерее (фото 14), где ни о каком участии в процессии не может быть и речи¹.

Можно отметить еще одну своеобразную стилистическую особенность. Если боги в Язылыкая и на других рельефах изображены по образцу вавилонских и ассирийских моделей (туловище повернуто анфас, а голова и ноги — в профиль), то богини, подчас еще неумело, показаны полностью в профиль, как в сцене поклонения из Аладжа-хююка. По-видимому, это нововведение, в восточном искусстве прежде не встречавшееся.

Выше уже описывалась большая фигура бога, вырезанная на створке ворот в Богазкёе. Во многих отношениях это один из самых совершенных хеттских барельефов, хотя и здесь соблюден условный разворот туловища (фото 4). Необычно полная грудь этой фигуры (покрытая узором из мелких завитков) навела некоторых исследователей на мысль, что здесь изображена женщина-воительница в кольчуге. Но

¹ Боковая галерея, по всей видимости, представляла собой заупокойный храм в честь одного из царей, носивших имя Тудхалия. Статуя этого царя некогда стояла рядом с его «монограммой» у дальней стены углубления.

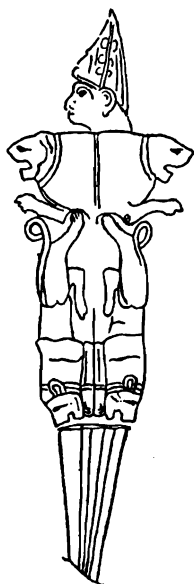

Рис. 14. «Бог-кинжал».
Язылыккая

если сравнить этот барельеф с описанной нами бронзовой фигуркой и с традиционным представлением шерсти животных, как, например, на изображении льва из Малатьи (фото 27), то станет ясно, что перед нами, скорее всего, Страж Ворот — мужчина-воин, обнаженный до пояса (волосы на груди считались признаком силы). Фигура выполнена в технике высокого рельефа, так что лицо отчетливо различимо даже при взгляде сбоку (фото 4b); схожую особенность можно обнаружить и в Язылыккая, где центральные фигуры в главной галерее выступают далеко за плоскость стены и отличаются тщательностью лепки.

Особого упоминания заслуживает так называемый «бог-кинжал» с боковой галереи в Язылыккая (рис. 14). Это рельефное изображение меча с эфесом, выполненным в форме четырех лежащих львов, два из которых обращены головами к острию меча, а два — в противоположные стороны от его центральной оси. В Рас-Шамре (Сирия) был найден железный топор со схожей рукоятью, и выдвигалась гипотеза, что меч, изображенный в Язылыккая, представлял собой трофей, захваченный у неприятеля из Сирии или Митанни (сами хетты, судя по всему, такими мечами не пользовались). Но как быть с человеческой головой, венчающей это изображение? Эта голова покрыта типичной конической шапкой хеттских богов, а на топоре из Рас-Шамры подобной головы нет. Если вспомнить, какое место занимает этот «бог-кинжал» в скальном святилище,

и принять во внимание тот факт, что схожие головы иногда присоединяли к туловищам животных (см. ниже), можно предположить, что этот трофей почитали как божественный, для обозначения чего художник и добавил к нему голову.

На скульптурных композициях из дворца (?) в Аладжа-хююке изображены музыканты, играющие на струнном инструменте и волынках, жонглеры, пастух, ведущий стадо (возможно, это часть религиозной процессии, и овцы предназначались в жертву), и сцены охоты (фото 17). Столь вольных и легких изображений, как это, в хеттском искусстве до сих пор не обнаружено. Стоит упомянуть также двуглавого орла, высеченного на боку одного из найденных в том же месте сфинксов. Это же геральдическое животное, имеющее такую славную историю, изображено у ног двух богинь в Язылыкая (рис. 8) и, по-видимому, было им посвящено. Следы женской фигуры различимы и над орлом из Аладжа-хююка.

Из памятников, обнаруженных в центральной части хеттской территории, ближе всего к круглой скульптуре стоят сфинксы и львы, украшавшие ворота в Богазкёе и Аладжа-хююке (фото 8, 9 и 10): передние части этих фигур полностью выделились из монолита. Назвать эти изваяния вполне удачными было бы сложно; тем не менее головы сфинксов проработаны очень тщательно, и не исключено, что художник постарался отразить в них хеттский идеал женской красоты. Аналогичную переходную стадию от барельефа к круглой скульптуре представляет собой колоссальная статуя, ныне лежащая на склоне холма близ Фасиллара, — единственное культовое изваяние, дошедшее до нас от эпохи империи.

Отсутствие монументальной круглой скульптуры до некоторой степени компенсируется несколькими ми-

ниатюрными металлическими фигурками, отличающимися особым изяществом. На фотографии 5a на вклейке изображен молодой человек в короткой подпоясанной юбке и, по-видимому, в башмаках; здесь в уменьшенном масштабе почти в точности воспроизведено монументальное изображение уже упоминавшегося Стража Ворот. Голова этой статуэтки когда-то была увенчана шлемом. Статуэтка на фотографии 5b на вклейке — великолепный образец ювелирного искусства. Этот молодой человек облачен в рубаху с короткими рукавами, достигающую до колен.

Хеттская глиптика почти не связана с месопотамским искусством цилиндрических печатей. Подлинно хеттские цилиндрические печати встречаются крайне редко; изображения на них не относятся к традиционному вавилонскому репертуару. Типичная же хеттская печать представляет собой конический штамп, увенчанный кольцом или круглой насадкой с отверстием для крепления; впрочем, существовало и множество иных форм. Иногда ствол печати выполняли в форме барабана или цилиндра, и в таком случае узор могли наносить не только на нижнюю плоскость, но и на боковые стороны. Встречаются и печати в форме куба, все четыре боковые грани которого покрывались гравировкой (фото 21, сверху). К таким печатям прикреплялась особая рукоять, иногда имевшая форму треножника с просверленным насквозь навершием в виде молотка. Рабочая поверхность печати обычно была плоской, но иногда — сильно выпуклой; обнаружены также пуговицеобразные или линзовидные печати с двумя выпуклыми поверхностями (фото 21b). Реже встречается тип перстня-печатки.

Собственно печатей до нас дошло не так уж много, но составить представление об узорах, которыми они покрывались, можно по многочисленным оттискам на глиняных пломбах (так называемых *буллах*). В орнаменте типичной печати присутствовало центральное поле, окруженное одной, двумя или тремя лентами с орнаментом или надписью. Ленты могли образовать разворачивающуюся спираль, гильотировку, переплетенные «косы»; в царских печатях их место неизменно занимает клинописная надпись, содержащая имя царя, а иногда и какие-то дополнительные сведения. Центральное поле в большинстве случаев заполнено группой иероглифических знаков или символов, значение которых неясно. Иногда в центральном поле помещалось изображение бога или животного, которое служило символом бога; некоторые примеры, приведенные на рис. 15, показывают, что репертуар таких изображений практически идентичен тому, что встречается на рельефах.

Царские печати, как правило, украшены «монограммой» царя под крылатым солнечным диском (рис. 16). Лишь в редчайших случаях на них помещались фигуры или сцены, не имевшие символического значения; примером может послужить знакомая нам по рельефу в Язылыккая сцена объятий на трех печатях Муватали (обратите внимание, что здесь изображен бородатый бог грозы, а не то юное божество, что простирает свое покровительство на царя Тудхалию в Язылыккая). На серебряной пластине договора с Египтом, очевидно, стоял оттиск той печати, которой пользовался царь Хаттусили, ибо в египетском тексте он описан как «фигура, подобная Сетеху (египетскому богу бурь), обнимающему подобие великого царя Хатти». На серебряной «печати Таркондемоса» изображен сам царь в жреческом одеянии (фото. 20*b*); это

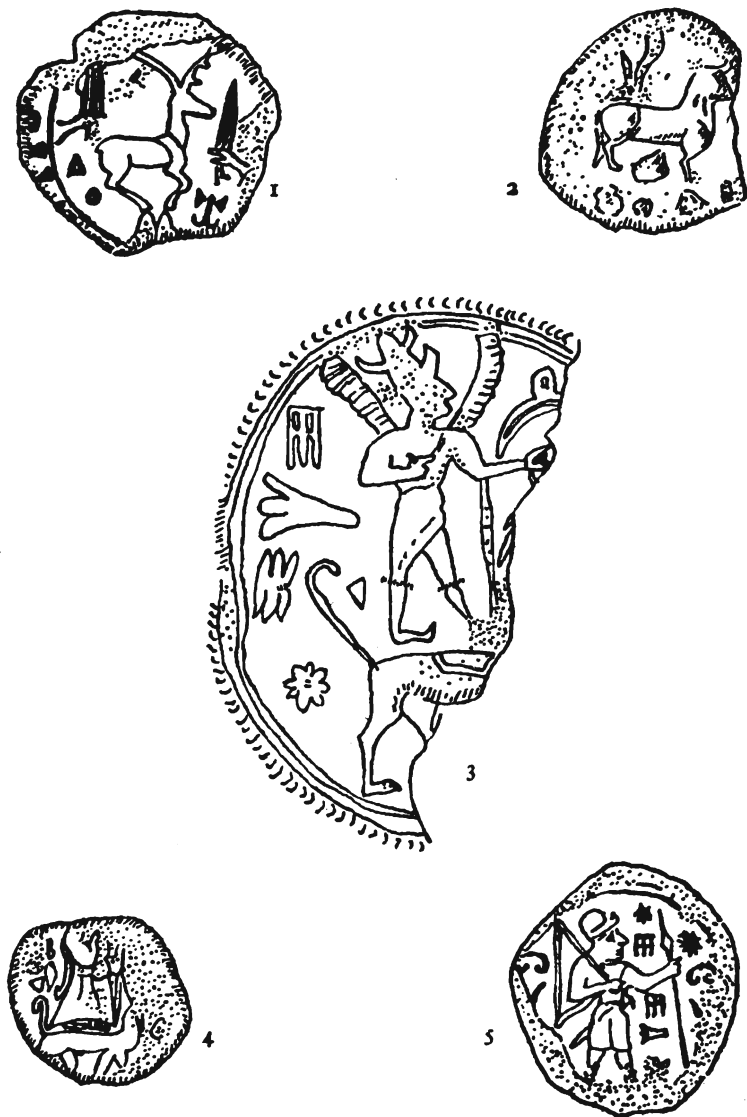

Рис. 15. Оттиски хеттских печатей

Рис. 16. Оттиски царских печатей: 1 и 2 — Муватали, 3 — Суппилиума I, 4 — Урхи-Тешуб, 5 — Тудхалия IV, 6 — Хаттусили III

один из самых совершенных и наиболее типичных образцов хеттской глиптики (см. *Введение*).

Три необычные печати представлены на фотографиях 21 и 22 на вклейке. Золотой перстень-печатка с изображением крылатого божества, стоящего на спине животного, — великолепный образец хеттского ювелирного искусства. Столь же нетрадиционны цилиндрическая и кубическая печати; ритуальные сцены, выгравированные на их боковых поверхностях, до сих пор не поддались убедительной интерпретации, несмотря на изобилие гипотез. В орнаментах, покрывающих рабочую поверхность этих печатей, заметны признаки связи с хеттской художественной традицией, но, поскольку все они были приобретены у перекупщиков, уверенности в их происхождении нет. Кроме этих образцов, известен только один цилиндр такого типа, приобретенный в Айдине на западе Анатолии, где хеттские мастера, очевидно, испытывали сильное влияние чужеземных традиций.

История хеттской глиптики обрывается с падением Хаттусы. В сирийских неохеттских царствах пользовались цилиндрическими печатями по образцу месопотамских.

Самым верным продолжателем хеттских художественных традиций после падения Хаттусы стало царство Мелид (Малатья). При раскопках в этой области обнаружена целая серия барельефов со сценами возлияния перед божествами, которые без труда соотносятся с изображениями в Язылыкая. Выдающийся образец представлен на рис. 17, где царь с литуусом (но без покрывала) совершает возлияние перед богом грозы, который изображен в двух обликах: на запряженной двумя быками архаичной колеснице со сплошными колесами и в виде одиноко стоящей фигуры с перуном в руке. В этой сцене ху-

Рис. 17. Сцена возлияния. Из Малатьи

дожник объединил анатолийские представления о боге грозы с сирийскими. Сцена убийства змея нова, но служит иллюстрацией к хеттскому мифу. Особенно ярко сирийское влияние проявляется здесь в ряде сцен охоты на колеснице (рис. 18); ср. с лучником из Аладжа-хююка (рис. 17). Эта сцена охоты на колеснице, впервые возникшая в сирийском искусстве, впоследствии стала одним из излюбленных мотивов в скульптурном декоре ассирийских дворцов.

Маленькое государство Самал (ныне Сенджерли) в предгорьях Тавра также некоторое время с успехом поддерживало традиции хеттского искусства. В Сенджерли сохранилось несколько грандиозных каменных львов, по стилю очень близких к тем, что украшали ворота в Богазкёе, культовая статуя (сопоставимая с изваянием из Фасиллара, несмотря на то что маленькая бегущая фигурка между львами типично сирийская), львиноголовый гений (дух-покровитель) наподобие тех, что охраняют вход боковой галереи в Язылык-кая, и изображение престарелого бога грозы (фото 28), которое, по крайней мере своим облачением (короткая рубаша, пояс и меч, башмаки с загнутыми вверх носками), напоминает образцы из Хаттусы, хотя в ос-

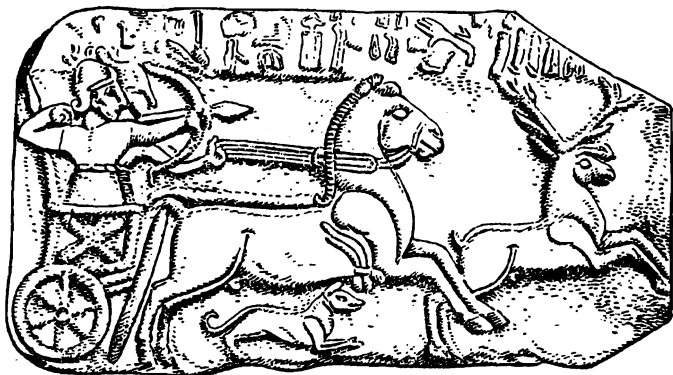

Рис. 18. Охота на оленя. Из Малатьи

тальном подобно сирийским Ваалам. Это царство очень рано перешло под власть арамейской династии, но арамеи были кочевым народом и не развили собственной художественной традиции, поэтому неудивительно, что хеттский стиль продержался здесь так долго.

В царствах Северной Сирии хеттской традиции пришлось конкурировать с высокоразвитой местной традицией месопотамского происхождения, и результатом стало смешение стилей. Лучшее всего изучено искусство Каркемиша, где экспедиции от Британского музея дважды проводили раскопки. Впечатляющая статуя бога грозы на запряженной львами колеснице — это разработка нескольких хеттских мотивов. Человеческая голова в конической шапке, приставленная к плечам крылатого льва (рис. 19), предположительно в знак божественности, встречалась и ранее на золотом кольце из Коньи (фото 22b) и может быть сопоставлена с аналогичной головой «бога-кинжала» из Язылыкая (рис. 14). Многие фигуры с более древних рельефов, найденных в этом районе, по-прежнему облачены в подпоясанную короткую рубаху и

Рис. 19. Сказочное чудовище из Каркемиша

туфли с загнутыми носками. Но персонаж более поздней сцены, несмотря на наличие хеттских иероглифических надписей, облачен в длинный ассирийский плащ с бахромой, ассирийский головной убор и туфли с прямыми носками, причем особое внимание уделено проработке волос и бороды, как в ассирийской скульптуре. Хорошо представлена сцена охоты на колеснице и прочие композиции, не встречавшиеся в хеттском искусстве эпохи империи. Скульптуры из Сакча-Гези близ Мараша датируются поздним периодом и выполнены по преимуществу в ассирийском стиле, однако в них присутствует своеобразная примета хеттской традиции: рельеф настолько высокий, что лицо можно различить при взгляде сбоку.

Пережитки хеттской традиции сохранялись даже по другую сторону Евфрата, в Гуцане (ныне Телль-Халаф). Здесь в изобилии встречаются крылатые чудовища и гении, прототипы которых нередко обнаруживаются в хеттском искусстве эпохи империи, в

особенности на печатях. Но по большей части репертуар этой окраинной области заимствован из шумерских или сирийских источников.

В целом искусство всех неохеттских государств роднит с архитектурными традициями империи Хатти (о которых мы судим по зданиям из Аладжа-хююка) использование барельефов (ортостатов) для облицовки цоколей фасада — с той лишь оговоркой, что в зданиях, относящихся ко 2-му тысячелетию до н. э., как в Каркемише, так и в Аладжа-хююке, рельефы высекались на крупных камнях самой кладки стен, а в неохеттский период плиты с барельефами накладывались на стену и выполняли чисто декоративную функцию. Описанный выше общий план хеттских храмов в сирийских государствах не восприняли. Гипотеза о том, что типично сирийский *бит халани* (двухэтажное привратное здание на столбах, к которому вела лестница, переходящая в широкую, крытую площадку) восходит к одному из элементов хеттского храма, теперь представляется гораздо менее убедительной, так как лежащая в ее основе реконструкция соответствующих хеттских храмов вызвала серьезные сомнения. Более того, термин *бит халани* был найден на табличке из Мари, датированной XVIII веком до н. э., когда хетты Малой Азии еще не успели оказать сколь-либо заметного влияния на цивилизацию сирийских равнин. Представляется, что и тип данной постройки, и ее название имеют исконно сирийское происхождение.

Некоторые проблемы

Внезапное появление каменной скульптуры на заре Новохеттского царства неизбежно породило вопрос о том, что же послужило причиной этого новшества.

Утверждалось даже, что хеттское искусство в целом было не собственно хеттским, а хурритским, так как многие его характерные черты чаще отражаются в памятниках из Сирии, чем с Анатолийского плоскогорья. Если следовать этой гипотезе, хетты должны были заимствовать основные мотивы хурритского искусства на протяжении XV века до н. э., то есть в то же время, когда хурриты оказали мощное влияние на хеттскую религию и литературу; сами же хетты только разработали определенные мотивы в рамках существенно чуждого им стиля. Слабость этой теории заключается в том, что нам так и не удалось обнаружить образцы пластического искусства Митанни и хурритских царств, и все предположения на этот счет остаются чисто умозрительными; все, чем мы располагаем, — это цилиндрические печати, которые составляют побочную ветвь месопотамской глиптики, восходящую непосредственно к шумерским прототипам.

Невозможно отрицать, что многие темы и мотивы хетты заимствовали из Сирии, а следовательно, косвенным образом из репертуара месопотамского искусства. Прежде всего это фигура бога, стоящего на спине животного: данный тип изображения восходит еще к шумерским временам. Восточное происхождение имеют также двуглавый орел, фантастические чудовища и некоторые сцены светской жизни, обнаруженные на рельефах в Аладжа-хююке. Признаки египетского влияния заметны в сфинксах с человеческими головами из Алачи и Богазкёя, и прежде всего в крылатом солнечном диске, парящем над головой всех хеттских царей и входящем в их «монограммы». Это — египетский символ царского достоинства, а в глазах сирийских и анатолийских царств престиж египетской империи в период правления XVIII династии был поистине колоссальным.

Первоначально данный символ переняли, по-видимому, цари Митанни, соединившие его с символом неба, опирающегося на столб, наподобие того, что упоминается в «Ригведе». И только затем уже хетты заимствовали этот символ из Сирии, где он объединился с вавилонским символом солнца; именно поэтому в хеттском символе солнце изображается сияющей звездой, а не диском, как в египетском искусстве. Этот символ призван был обозначать принадлежность Хатти к числу великих держав.

Однако культовые сцены, и в первую очередь изображение царя в объятиях бога-покровителя, имеют несомненно хеттское происхождение. Правда, на барельефы этот мотив мог быть перенесен довольно поздно, поскольку он встречается также и на печатях; и не исключено, что первыми его изобрели хеттские мастера глиптики, художественная традиция которых, как мы видели, уходит корнями в глубокую древность.

Еще одна проблема связана с типами человеческих фигур, встречающихся на памятниках. Как выглядели хетты на самом деле? Вероятно, существовали резко выраженные различия между «арменоидным» типом внешности (для которого были характерны большой крючковатый нос и покатый лоб), представленным бегущими фигурами в Язылыкая, Стражем Ворот в Богазкёе или золотой статуэткой из Британского музея (фото 5*b*), и не столь рельефным типом лица с более правильными чертами, образцы которого явлены нам в головах сфинксов из Богазкёя и в найденных там же статуэтках (фото 5*b* и 10). О том, что среди хеттов выделялось по меньшей мере два типа внешности, свидетельствуют и египетские памятники. На фотографиях 2*a* и 3 на вклейке показан яркий «арменоидный» тип, тогда как две центральные фигуры на фотографии

2b на вклейке принадлежат к совершенно иному типу (люди, изображенные у них за спинами, — не обязательно хетты). Можно предположить, что к «арменоидному» типу относилась основная масса хеттов (быть может, это было коренное население — хатты), тогда как тип лица с правильными чертами был характерен для правящего класса индоевропейцев; хотя горделивая осанка «арменоидного» колесничего с фотографии 3 на вклейке в любом случае свидетельствует о том, что с течением времени типы смешались.

Однако археологические данные свидетельствуют не в пользу этих гипотез. Изучение черепов, найденных в различных местах Анатолии, показывает, что в 3-м тысячелетии до н. э. основную массу населения составляли обладатели вытянутых черепов — долихоцефалы, а брахицефалический тип встречался редко. Во 2-м тысячелетии до н. э. доля брахицефалов возросла почти до 50%. Однако данный тип брахицефалических черепов классифицируется не как «арменоидный» (для которого характерен уплощенный затылок), а скорее как «альпийский». Впервые «арменоидный» тип появляется только в 1-м тысячелетии до н. э.

Примирить эти факты с особенностями изображений на памятниках кажется невозможным. Если бы это противоречие было зафиксировано только на территории Анатолии, можно было бы ограничиться предположением о том, что пока еще изучено слишком мало черепов и выводы делать рано; однако точно такое же несоответствие мы встречаем в Персии и Ираке, где краниологический материал гораздо более обширен. Таким образом, на данный момент проблема представляется неразрешимой.

На египетских портретах (фото 2 и 3) изображены разнообразные прически. В целом, по-видимому, хетты носили длинные волосы (иногда стягивая их

головной повязкой); иногда лоб выбривали, но волосы на затылке не стригли. Встречается одна фигура с полностью обритой головой, за исключением короткой косицы на затылке. Длинный отросток, идущий от шлема Стража Ворот в Богазкёе, — это не косица, а назатыльник, крепившийся к шлему; однако можно заметить волосы, выбившиеся из-под шлема и рассыпавшиеся по плечам. У более поздней фигуры из Сенджерли явственно видна косица (фото 28). На египетских памятниках все хетты гладко выбриты; бороды носили только их сирийские союзники. Это подтверждается и собственно хеттскими памятниками эпохи империи, хотя следует отметить, что престарелый бог грозы изображался бородатым (фото 28 и рис. 17), а более поздние памятники свидетельствуют о том, что мода на бороды распространилась из Сирии по всей хеттской Анатолии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хеттская цивилизация была высоко развита во всех областях, которые можно соотнести непосредственно с культурой правящего класса: в военной сфере, в области политической организации, законодательства и судопроизводства. Литература и религия, несмотря на множество интересных особенностей, оставались на примитивном уровне и изобиловали заимствованными хаттскими и хурритскими элементами. В Древнем царстве царь оставался по преимуществу военным вождем, и лишь позднее на первый план вышли его религиозные функции. В сфере искусства хетты обладали известными талантами, однако монументальная каменная скульптура в эпоху поздней империи развивалась, по-видимому, лишь благодаря поощрительным мерам со стороны правителей.

Многие проблемы до сих пор не нашли удовлетворительного разрешения. Неясно, к примеру, когда именно и по какому маршруту индоевропейцы пришли в Малую Азию; как зародились хеттская клинопись и иероглифика (расшифрованная еще далеко не полностью); каковы исторические связи между хеттским сводом законов и месопотамскими кодексами. Главную же проблему

составляет создание точной карты Хеттского царства, с помощью которой могли бы проясниться отчеты о военных походах хеттских царей. Остается надеяться, что в ходе возобновившихся ныне раскопок в Богазкёе и других местах будет найдено еще множество клинописных табличек, которые позволят дать ответы на все эти важнейшие вопросы и разъяснить еще массу деталей, о которых мы располагаем слишком скудной информацией.

ТАБЛИЦА ХЕТТСКИХ ЦАРЕЙ

Имя	Даты (до н. э.)	Связь с предшествующим царем
-----	-----------------	------------------------------

ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВО

Тудхалия I	1740—1710	?
Пу-саррума	1710—1680	Сын
Лабарна I	1680—1650	Сын
Лабарна II (Хаттусили I)	1650—1620	Сын
Мурсили I	1620—1590	Приемный сын
Хантили I	1590—1560	Зять (муж сестры)
Циданта I	1560—1550	Зять (муж дочери?)
Аммуна	1550—1530	Сын
Хуцция I	1530—1525	?
Телепин	1525—1500	Зять (муж сестры)
Аллувамна	1500—1490	Зять (муж дочери)
Хантили II (?)	1490—1480	?
Циданта II (?)	1480—1470	?
Хуцция II (?)	1470—1460	?

ИМПЕРИЯ

Тудхалия II	1460—1440	?
Арнуванда I	1440—1420	Сын
Хаттусили II	1420—1400	Брат
Тудхалия III	1400—1380	Сын
Суппилиума	1380—1340	Сын
Арнуванда II	1340—1339	Сын
Мурсили II	1339—1306	Брат
Муватали	1306—1282	Сын
Урхи-Тешуб (Мурсили III)	1282—1275	Сын
Хаттусили III	1275—1250	Дядя
Тудхалия IV	1250—1220	Сын
Арнуванда III	1220—1190	Сын
Суппилиума II	1190 — ?	Брат

Примечание к списку царей и хронологии

Связь Питханы и Анитты с царями Древнего царства со столицей в Хаттусе не прояснена.

Порядок следования царей Древнего царства установлен в точности вплоть до Аллувамны, но по поводу того, был ли царем Хатти Тудхалия I, дед Лабарны, остаются сомнения. В существовании трех последних царей Древнего царства также возникали сомнения, но в свете последних открытий оно представляется довольно вероятным.

О восшествии на трон Суппилулиумы II — последнего царя эпохи империи — стало известно из текста, опубликованного д-ром Кемалом Балканом в 1948 году, но только в 1953 году Э. Ларош продемонстрировал, что ряд текстов, прежде приписывавшихся Суппилулиуме I, в действительности принадлежали более позднему царю с тем же именем. Из этого следует, как показал Ларош, что помещение царя Арнуванды II между Тудхалией III и Суппилулиумой I было ошибкой и что Суппилулиума I вззошел на трон сразу после своего отца. Соответственно Арнуванду II вычеркнули из списка. А существование Арнуванды I до сих пор точно не подтверждено.

Все даты указаны приблизительно, но одна из них непосредственно связана с событиями в Вавилонии, а еще одна — в Египте. Мурсили I умер вскоре после нападения на Вавилон, повлекшего за собой падение 1-й вавилонской династии, а Суппилулиума — на четыре года позже Тутанхамона. Даты, относящиеся к эпохе Древнего царства, реконструированы на основе средней продолжительности жизни одного поколения; точкой отсчета послужила дата смерти Мурсили I. Даты, относящиеся к эпохи империи, до некоторой степени подкрепляются системой син-

хронизаций, подробно рассмотреть которую здесь мы не можем.

Абсолютная хронология, принятая в этой книге, основана на системе д-ра Сидни Смита, изложенной в его труде «*Alalakh and Chronology*» (1940), и дополнена новейшими гипотезами о нижнем пределе дат правления египетских царей по работам М.Б. Роутона. Хронология М.Б. Роутона отличается от признанной большинством исследователей приблизительно на десять лет. Можно отметить, что даже в рамках этой схемы разместить трех царей в конце эпохи Древнего царства было бы затруднительно. А попытка сдвинуть вавилонские даты в прошлое на 60 лет, как предлагают профессор Олбрайт и другие ученые, породила бы серьезные проблемы с хеттской хронологией в целом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	7
Введение. ОТКРЫТИЕ ХЕТТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	9
<i>Глава I. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР</i>	
1. Древнейший период	27
2. Древнехеттское царство	34
3. Империя (Новохеттское царство)	40
4. Неохеттские царства	56
5. Ахейцы и троянцы в хеттских текстах	63
6. Хетты в Палестине	79
<i>Глава II. ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО ХЕТТОВ</i>	
1. Царь	84
2. Царица	88
3. Общественные классы	89
4. Форма правления	95
5. Внешняя политика	100
<i>Глава III. ЭКОНОМИКА</i>	104
<i>Глава IV. ПРАВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ</i>	
1. Свод законов	113
2. Судопроизводство	118
3. Наказания и реституции	121
4. Коллективная ответственность	127
5. Брак и семья	128
6. Землевладение	131
<i>Глава V. ВОЕННОЕ ДЕЛО</i>	
1. Армия	133
2. Военные операции	138

ОГЛАВЛЕНИЕ

3. Оборона	140
4. Законы войны	144

Глава VI. ЯЗЫКИ И НАРОДЫ

1. Письменные языки	148
Хеттский язык	149
Протохеттский (хаттский) язык	154
Лувийский язык	155
Палайский язык	156
Хурритский язык	156
Арийский (индоиранский) язык правителей Митанни	157
Аккадский язык	158
Шумерский язык	158
Хеттский иероглифический (табалский) язык	159
2. Разговорные языки	161

Глава VII. РЕЛИГИЯ

1. Общие соображения	165
2. Местные культы	168
3. Государственная религия	173
4. Храмы, обряды и праздники	180
5. Теология и гадания	193
6. Магия	198
7. Погребальные обряды	202

Глава VIII. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

1. Официальная литература	209
2. Мифы, легенды и художественная литература	219

Глава IX. ИСКУССТВО 239 |

Заключение	261
------------------	-----

Таблица хеттских царей	263
------------------------------	-----

Гарни О.Р.
ХЕТТЫ
Разрушители Вавилона

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгеля*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *Т.В. Вышегородцева*

Подписано в печать 16.07.2009.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28.
Уч.-изд. л. 12,83 + 2 альбома = 14,14.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 5303

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNIPOL@DOL.RU

WWW.CENTRIPOLIGRAF.RU

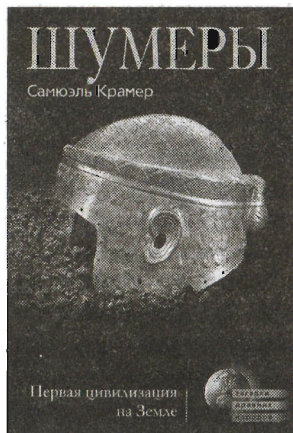
Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Самюэль Крамер

ШУМЕРЫ

Первая цивилизация
на Земле

Шумеры создали начала астрономии, математики и медицины, они построили изумительные висячие сады со сложной системой орошения, воздвигли храм, посвященный богу Мардуку — так называемую Вавилонскую башню и ворота богини Иштар. Им принадлежат божественные законы царя Хамурапи и трагический эпос первого героя человечества — Гильгамеша. В книге представлено полное содержание всех расшифрованных глиняных табличек, проводятся параллели с Библией, античными мифами, историей Ассирии и Вавилона, представлены все стороны жизни народа «черноголовых», появившегося неизвестно откуда и неизвестно куда исчезнувшего.

загадки древних народов

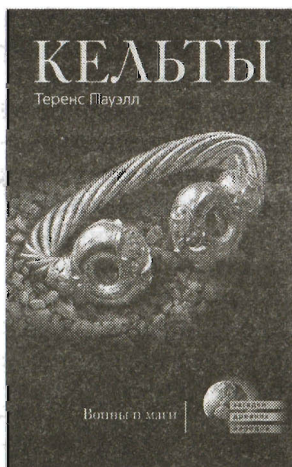
Теренс Пауэлл

КЕЛЬТЫ

Воины и маги

Увлекательный экскурс в четырехвековую историю кельтов — первого из заселявших земли к северу от Альп великих народов, чье название нам известно.

На основе многочисленных археологических данных, свидетельств античных историков, анализа народного литературного наследия исследуется жизнь удивительных и загадочных предшественников исторических наций Западной и Средней Европы. В книге повествуется о происхождении, расцвете и упадке могущества кельтского мира, конец независимости которого положил Юлий Цезарь. Подробно рассказывается о нравах и обычаях одного из четырех величайших варварских народов, чьи представители славились достижениями в искусстве и ремеслах, поражали воинской доблестью римлян и греков, были одержимы магией и свято хранили тайное знание друидов.

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой

Приобретайте книги издательства «Центрполиграф»
без торговой наценки, с помощью нашей
службы «Книга-почтой»!

Книги высылаются наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные издания, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством.

Обращаем ваше внимание, что цены указаны без учета стоимости доставки и услуг Почты РФ.

Заполните почтовую карточку по образцу четко и разборчиво и отправляйте по адресу: **111024, Москва, 1-я улица Энтузиастов, д. 15 («Центрполиграф»).**

Также вы можете заказать книги через сайт издательства «Центрполиграф» www.centrpoligraf.ru.

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ		
От кого	<u>Ивановой Г.П.</u>	
Откуда	<u>г. Хабаровск, ул. Мира,</u>	
	<u>д. 10, кв. 5</u>	
Индекс места назначения 680011		
Какую		<u>«Центрполиграф»</u>
Куда		<u>г. Москва,</u>
		<u>1-я ул. Энтузиастов, д. 15</u>
Индекс места назначения 111024		
Податели государственных заказов почтовой оплатой присоединяются к заявке © Издательство «Мир», Москва, Россия, 2003. Э 178940, 01907		

На обратной стороне карточки укажите количество экземпляров книг, которые вы хотите приобрести, или серию, на которую вы хотели бы подписаться.

В зависимости от суммы заказа, веса посылки и удаленности места заказа общая стоимость книг может увеличиться от 20 до 70%.

Если вам необходима подробная информация, пришлите письмо с вложенным конвертом и вам отправят бесплатный и подробный прайс-лист.

Стоимость пересылки почтового перевода наложенным платежом составляет от 7% от стоимости заказа.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

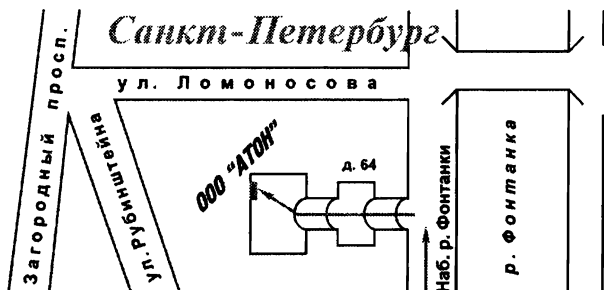
Фирменные магазины издательства «Центрполиграф» в Москве и Ростове-на-Дону

Ростов-на-Дону — Привокзальная пл., д. 1/2 (мелкооптовый отдел), тел.: (8632) 38-38-02; пн—пт — 9.00—18.00.

Официальный дистрибьютор издательства ООО «АТОН». Санкт-Петербург, набережная р. Фонтанки, д. 64, пом. 7-н, тел. для справок: (812) 575-52-80, (812) 575-52-81. Пн—пт — 9.00—18.30; сб, вскр — выходной. E-mail: aton@ppp.delfa.net

О.Р. Гарни

ХЕТТЫ

Разрушители Вавилона

Познавательный экскурс в загадочную историю хеттов — могучего племени воинов, обитавшего на территории Анатолийского плато.

Вы познакомитесь с жизнью и деятельностью плеяды хеттских царей, чье искусство военной стратегии и тактики превратило небольшое государство в могущественную империю и расширило ее экспансию «от моря до моря». Восхититесь уникальными находками археологов, памятниками письменности, раскрывающими тайны мощной обороноспособности хеттских городов, а также мастерства осады и атаки. Узнаете о секретах быстроходности хеттских боевых колесниц и особенностях их применения, о религиозных обрядах и своеобразных брачных законах, праздниках и ритуалах воинственного народа, перед разрушительной силой которого не могли устоять Египет, Вавилон, Ассирия.

ISBN 978-5-9524-4489-8

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

загадки
древних
народов